

ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

КАК ВАМ
ЭТО ПОНРАВИТСЯ

ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ,
ИЛИ ЧТО УГОДНО

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

WILLIAME SHAKESPEARE

complete works
in 14 volumes

AS YOU LIKE IT
TWELFTH NIGHT
JULIUS CAEZAR

МОСКВА
«ТЕППА»—«ТЕРРА»
1993

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 7

КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ

ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ,
или что угодно

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1993

ББК 84(4 (Вл)
Ш 41

Внешнее оформление художника
А. Машезерской

В оформлении издания использованы рисунки
Джона Меклайза (J. MacLise), 1811-1870,
Джона Джильберта (J. Gilbert), p. 1817,
Бэйама Шоу (Byam Show), p. 1887,
Ричарда Вестоля (Rich. Vestol), 1765-1836,
Г. Релендера (G. Rehler), p. 1865,
а также неизвестных художников
конца XVII — начала XVIII века.

Издание подготовлено
издательством "Золотой Век" (Санкт-Петербург)
при участии АО "ИКС" (Санкт-Петербург)

Шекспир Вильям

Ш 41 Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 7/ Ху-
дожник А. Машезерская. Примечания А. Смир-
нова. — М.: ТЕРРА, 1993. — 544 с.: ил.

ISBN 5—85255—203—8 (т. 7)
ISBN 5—85255—192—9

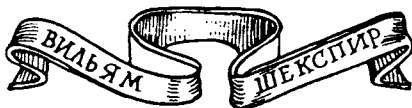
В седьмой том собрания сочинений В. Шекспира
включены комедии "Как вам это понравится", "Двенадцатая
ночь, или Что угодно", а также трагедия "Юлий Цезарь".

Ш 4703010300—004
А30(03)—93 Подписное

ББК 84.4(Вл.)

ISBN 5—85255—203—8 (т. 7)
ISBN 5—85255—192—9

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

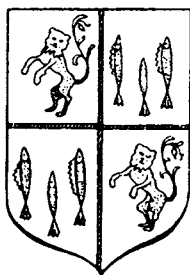

Вильям Шекспир

Как вам это понравится

комедия в V актах

Перевод Т.Щепкиной-Куперник

Действующие лица

Старый герцог, живущий в изгнании.

Герцог Фредерик, его брат, захвативший его владения.

Амьен		вельможи, состоящие
-------	--	---------------------

Жак		при изгнанном герцоге.
-----	--	------------------------

Ле-Бо, придворный Фредерика.

Шарль, борец Фредерика.

Оливер		сыновья
--------	--	---------

Жак		Роланда де Буа.
-----	--	-----------------

Орландо		слуги
---------	--	-------

Адам		Оливера.
------	--	----------

Деннис

Осенок, шут.

Оливер Путаник, священник.

Корин		пастухи.
-------	--	----------

Сильвий		
---------	--	--

Уильям, деревенский парень, влюбленный в Одри.

Лицо, изображающее Гименей.

Розалинда, дочь изгнанного герцога.

Селия, дочь Фредерика.

Феба, пастушка.

Одри, деревенская девушка.

Вельможи, пажы, слуги и прочие.

*Место действия — дом Оливера; двор Фредерика;
Арденнский лес.*

АКТ I

Сцена 1

Плодовый сад при доме Оливера.

Входят Орlando и Адам.

Орlando. Насколько я помню, Адам, дело было так: отец мне завещал всего какую-то жалкую тысячу крон, но, как ты говоришь, он поручил моему брату дать мне хорошее воспитание. Вот тут-то и начало всех моих горестей. Брата Жака он отдаст в школу, и молва разносит золотые вести о его успехах. А меня он воспитывает дома, по-мужицки, вернее говоря, держит дома без всякого воспитания. В самом деле, разве можно назвать это воспитанием для дворянина моего происхождения? Чем такое воспитание отличается от существования быка в стойле? Лошадей своих он куда лучше воспитывает; не говоря уже о том, что их прекрасно кормят, их еще и учат, объезжают и нанимают для этого за большие деньги наездников. А я, брат его, приобретаю у него разве только рост; да ведь за это скотина, гуляющая на его навозных кучах, обязана ему столько же, сколько я. Он щедро дает мне — ничто; а

кроме того, своим обхождением старается отнять у меня и то небольшое, что дано мне природой. Он заставляет меня есть за одним столом с его челядью, отказывает мне в месте, подобающем брату, и, как только может, подрывает мое дворянское достоинство таким воспитанием. Вот что меня огорчает, Адам, и дух моего отца, который я чувствую в себе, начинает возмущаться против такого рабства. Я не хочу больше это сносить, хотя еще не знаю, какой найти выход.

А д а м. Вот идет мой господин, брат ваш.

О р л а н д о. Отойди в сторону, Адам: ты услышишь, как он на меня накинется.

Входит О л и в е р.

О л и в е р. Ну, сударь, что вы тут делаете?

О р л а н д о. Ничего: меня ничего не научили делать.

О л и в е р. Так что же вы портите в таком случае, сударь?

О р л а н д о. Черт возьми, сударь, помогаю вам портить праздностью то, что создал господь: вашего бедного, недостойного брата.

О л и в е р. Черт возьми, сударь, займитесь чем-нибудь лучше и проваливайте куда глаза глядят!

О р л а н д о. Прикажете мне пасти ваших свиней и питаться желудями вместе с ними? Какое же это имяние блудного сына я расточил, чтобы дойти до такой нищеты!

О л и в е р. Да вы знаете ли, где вы, сударь?

О р л а н д о. О, сударь, отлично знаю: в вашем саду.

О л и в е р. А знаете ли вы, перед кем вы стоите?

Орландо. О да, гораздо лучше, чем тот, перед кем я стою, знает меня. Я знаю, что вы мой старший брат, и в силу кровной связи и вам бы следовало признавать меня братом. Обычай народов дает вам передо мной преимущество, так как вы перворожденный; но этот же обычай не может отнять моей крови, хотя бы двадцать братьев стояли между нами! Во мне столько же отцовского, сколько и в вас, хотя, надо сказать правду, вы явились на свет раньше меня, и это дает вам возможность раньше добиться того уважения, на которое имел право наш отец.

Оливер. Что, мальчишка?

Орландо. Потихше, потихше, старший братец: для этого вы слишком молоды.

Оливер. Ты хочешь руку на меня поднять, негодяй?

Орландо. Я не негодяй, я младший сын Роланда де Буа. Он был отец мой, и трижды негодяй тот, кто смеет сказать, что такой отец произвел на свет негодяя! Не будь ты мой брат, я не отнял бы этой руки от твоей глотки, пока другою не вырвал бы твой язык за такие слова: ты сам себя поносишь!

Адам (*выступив вперед*). Дорогие господа, успокойтесь; ради вашего покойного отца, помиритесь!

Оливер. Пусти меня, говорят тебе!

Орландо. Не пущу, пока не захочу! Вы должны меня выслушать. Отец завещал вам дать мне хорошее воспитание, а вы обращались со мной как с мужиком: вы душили и уничтожали во мне все качества истинного дворянина. Но дух моего отца крепнет во мне, и я не намерен больше это сносить.

Поэтому либо дайте мне заниматься тем, что приличествует дворянину, либо отдайте ту скромную долю, что отец отказал мне по завещанию, и я с ней отправлюсь искать счастье.

О л и в е р. Что же ты будешь делать? Просить милостыню, когда все промотаешь? Однако довольно, сударь, убирайтесь и не докучайте мне больше: вы получите часть того, что желаете. Прошу вас, оставить меня.

О р л а н д о. Я не буду докучать вам больше, как только получу то, что нужно мне для моего блага.

О л и в е р (Адаму). Убирайся и ты с ним, старый пес!

А д а м. Старый пес? Так вот моя награда! Оно и правда: я на вашей службе все зубы потерял. Упокой господи моего покойного господина! Он никогда бы такого слова не сказал.

Орландо и Адам уходят.

О л и в е р. Вот как? Вы желаете бунтовать? Я вас от этой наглости вылечу, а тысячу золотых все-таки не дам. — Эй, Деннис!

Входит Деннис.

Д е н н и с. Ваша милость звали?

О л и в е р. Не приходил ли сюда, чтобы переговорить со мной, Шарль, герцогский борец?

Д е н н и с. С вашего позволения, он у дверей дома и добивается, чтобы вы приняли его.

О л и в е р. Позови его.

Деннис уходит.

Это будет отличный способ... На завтра назначена борьба.

Входит Шарль.

Шарль. Доброго утра вашей милости.

Оливье. Добрейший мсье Шарль, каковы новые новости при новом дворе?

Шарль. При дворе нет никаких новостей, кроме старых, сударь, а именно: что старый герцог изгнан младшим братом, новым герцогом, и что трое или четверо преданных вельмож добровольно последовали за ним в изгнание, а так как их земли и доходы достанутся новому герцогу, то он милостиво и разрешает им странствовать!

Оливье. А не можете ли мне сказать: Розалинда, дочь герцога, также изгнана со своим отцом?

Шарль. О нет! Потому что дочь герцога, ее кузина, так любит ее, что в случае ее изгнания либо последовала бы за ней, либо умерла бы с горя, разлучившись с ней. Розалинда при дворе: дядя любит ее как родную дочь. И никогда еще две женщины так не любили друг друга.

Оливье. Где же будет жить старый герцог?

Шарль. Говорят, он уже в Арденнском лесу и с ним веселое общество: живут они там будто бы, как в старину Робин Гуд английский. Говорят, множество молодых дворян присоединяется к ним каждый день, и время они проводят беззаботно, как, бывало, в золотом веке.

Оливье. Вы будете завтра бороться в присутствии нового герцога?

Шарль. Да, сударь, и как раз по этому делу я пришел поговорить с вами. Мне тайно сообщили, сударь, что ваш

младший брат собирается переодетым выйти против меня. Но завтра, сударь, я буду бороться ради моей репутации, и тот, кто уйдет от меня без переломанных костей, может почесть

Геральдический барельеф XVI века.

себя счастливым. Ваш брат очнь юн. Во имя моей преданности вам — мне будет неприятно уложить его, но во имя моей чести — мне придется сделать это. Из любви к вам я пришел вас предупредить, чтобы вы его отговорили или чтоб уж не

пеняли на меня, когда он попадет в беду, — потому что это его добрая воля и совершенно против моего желания.

О л и в е р. Шарль, благодарю тебя за преданность: ты увидишь, что я отплачу тебе за нее по заслугам. Я сам узнал о намерении брата и всякими способами старался помешать ему, но его решимость непоколебима. Скажу тебе, Шарль, это самый упрямый юноша во всей Франции. Он честолюбив, завистлив, ненавидит всех, кто одарен каким-либо достоинством, и тайно и гнусно злоумышляет даже против меня, своего родного брата. Поэтому поступай в данном случае как хочешь. Палец ли ты ему сломаешь, шею ли свернешь — мне все равно. Но смотри берегись: если он отделается только легким повреждением или не добьется славы, победив тебя, он пустит в ход против тебя отраву или заманит тебя в какую-нибудь предательскую ловушку и не успокоится до тех пор, пока так или иначе не лишит тебя жизни. Уверяю тебя — и мне трудно удержаться от слез при этом, — что до сего дня я не встречал никого, кто был бы так молод и уже так коварен. Я еще говорю о нем как брат, но если бы я подробно рассказал тебе, каков он, — о, мне бы пришлось краснеть и плакать, а тебе бледнеть и изумляться.

Ш а р л ь. Я сердечно рад, что пришел к вам. Если он выступит завтра против меня, уж я ему заплачу сполна! И если он после этого сможет ходить без посторонней помощи, не выступать мне никогда на арене! А затем — да хранит бог вашу милость!

О л и в е р. Прощай, добрый Шарль!

Шарль уходит.

Теперь надо подзадорить этого забияку. Надеюсь, я увижу, как ему придет конец, потому что всей душой — сам не знаю почему — ненавижу его больше всего на свете. А ведь он кроток; ничему не учился, а учен, полон благородных намерений, любим всеми без исключения, всех околдовал и так всем вкрался в сердце — особенно моим людям, — что меня они ни во что не ставят... Но это не будет так продолжаться: борец исправит это. Остается разжечь мальчишку на борьбу, — вот этим я теперь и займусь. (*Уходит.*)

Сцена 2

Лужайка перед дворцом герцога.

Входят Розалинда и Селия.

С е л и я. Прошу тебя, Розалинда, милая моя сестричка, будь веселей.

Р о з а л и н д а. Дорогая Селия, я и так изо всех сил стараюсь делать вид, что мне весело; а ты хочешь, чтобы я была еще веселей? Если ты не можешь научить меня, как забыть изгнанного отца, не требуй, чтобы я предавалась особенному веселью.

С е л и я. Я вижу, что ты не любишь меня так, как я тебя люблю. Если бы мой дядя, твой изгнанный отец, изгнал твоего дядю — герцога, моего отца, а ты все же осталась бы со мной, я приучила бы мою любовь смотреть на твоего отца как на моего; и ты так же поступила бы, если бы твоя любовь ко мне была столь же искренней, как моя к тебе.

Розалинда. Ну хорошо, я забуду о своей судьбе и стану радоваться твоей.

Селия. Ты знаешь, что у моего отца нет других детей, кроме меня, да и вряд ли будут; и, без сомнения, когда он умрет, ты будешь его наследницей, потому что все, что он отнял у твоего отца силой, я верну тебе из любви; клянусь моей честью, верну; и если я нарушу эту клятву, пусть я обращусь в чудовище! Поэтому, моя нежная Роза, моя дорогая Роза, будь весела.

Розалинда. С этой минуты я развеселюсь, сестрица, и буду придумывать всякие развлечения. Да вот... Что ты думаешь, например, о том, чтобы влюбиться?

Селия. Ну что ж, пожалуй, только в виде развлечения. Но не люби никого слишком серьезно, да и в развлечении не заходи слишком далеко — так, чтобы ты могла с честью выйти из испытания, поплатившись только стыдливым румянцем.

Розалинда. Какое же нам придумать развлечение?

Селия. Сядем да попробуем насмешками отогнать добрую кумушку Фортуну от ее колеса, чтобы она впредь равномерно раздавала свои дары.

Розалинда. Хорошо, если бы нам это удалось. А то ее благодеяния очень неправильно распределяются: особенно ошибается эта слепая старушонка, когда дело касается женщин.

Селия. Это верно; потому что тех, кого она делает красивыми, она редко наделяет добродетелью, а добродетельных обыкновенно создает очень некрасивыми.

Розалинда. Нет, тут ты уже переходишь из области Фортуны в область Природы: Фортуна властвует над земными благами, но не над чертами, созданными Природой.

Входит Оселок.

Селия. Неужели? Разве когда Природа создает прекрасное существо, Фортуна не может его заставить упасть в огонь? И хотя Природа дала нам достаточно остроумия, чтобы смеяться над Фортуной, разве Фортуна не прислала сюда этого дурака, чтобы прекратить наш разговор?

Розалинда. Действительно, тут Фортуна слишком безжалостна к Природе, заставляя прирожденного дурака прерывать остроумие Природы.

Селия. А может быть, это дело не Фортуны, а Природы, которая, заметив, что наше природное остроумие слишком тупо для того, чтобы рассуждать о таких двух богинях, послала нам этого дурака в качестве оселка; потому что тупость дураков всегда служит точильным камнем для остроумия. — Ну-ка, остроумие, куда держишь путь?

Оселок. Сударыня, вас требует к себе ваш батюшка.

Селия. Тебя сделали послом?

Оселок. Нет, клянусь честью, но мне приказали сходить за вами.

Розалинда. Где ты выучился этой клятве, шут?

Оселок. У одного рыцаря, который клялся своей честью, что пирожки отличные, и клялся своей честью, что горчица никуда не годится; ну, а я стою на том, что пирожки никуда

не годились, а горчица была отличная. И, однако, рыцарь ложной клятвы не давал.

С е л и я. Как ты это докажешь, при всем твоём огромном запасе учености?

Р о з а л и н д а. Да-да, сними-ка намордник со своей мудрости.

О с е л о к. Ну-ка, выступите вперед обе; погладьте свои подбородки и поклянитесь своими бородами, что я плут.

С е л и я. Клянемся нашими бородами — как если бы они у нас были, — ты плут.

О с е л о к. Клянусь моим плутовством, что, если бы оно у меня было, я был бы плут. Но ведь если вы клянетесь тем, чего нет, вы не даете ложной клятвы; так же и этот рыцарь, когда он клялся своей честью, — потому что чести у него никогда не было, а если и была, то он всю ее истратил на ложные клятвы задолго до того, как увидел и пирожки и горчицу.

С е л и я. Скажи, пожалуйста, на кого ты намекаешь?

О с е л о к. На человека, которого любит старый Фредерик, ваш отец.

С е л и я. Любви моего отца довольно, чтобы я уважала этого человека. Не смей больше говорить о нем: высеку тебя на днях за дерзкие речи!

О с е л о к. Очень жаль, что дуракам нельзя говорить умно о тех глупостях, которые делают умные люди.

С е л и я. Честное слово, ты верно говоришь: с тех пор как заставили получать ту маленькую долю ума, которая есть у дураков, маленькая доля глупости, которая есть у умных лю-

дей, стала очень уж выставлать себя напоказ. Но вот идет мсье Ле-Бо.

Розалинда. У него полон рот новостей.

Селия. Сейчас он нас напичкает, как голуби, когда кормят своих птенцов.

Розалинда. Тогда лучше, с начинкой мы станем дороже.

Входит Ле - Бо.

Bonjour¹, мсье Ле-Бо. Что нового?

Ле - Бо. Прекрасные принцессы, вы пропустили превосходную забаву.

Селия. Забаву? Какого цвета?

Ле - Бо. Какого цвета, сударыня? Как мне ответить вам?

Розалинда. Как вам позволит остроумие и Фортуна.

Оселок. Или как повелит Рок.

Селия. Хорошо сказано: прямо как лопатой прихлопнул.

Оселок. Ну, если я не стану проявлять свой вкус...

Розалинда. То ты потеряешь свой старый запах.

Ле - Бо. Вы меня смущаете, сударыня. Я хотел вам рассказать о превосходной борьбе, которую вы пропустили.

Розалинда. Так расскажите, как все происходило.

Ле - Бо. Я расскажу вам начало, а если вашим светлостям будет угодно, вы можете сами увидеть конец; ибо лучшее — еще впереди, и кончать борьбу придут именно сюда, где вы находитесь.

¹ Здравствуйте. (Франц.)

С е л и я. Итак, мы ждем начала, которое уже умерло и похоронено.

Л е - Б о. Вот пришел старик со своими тремя сыновьями...

С е л и я. Это похоже на начало старой сказки.

Л е - Б о. С тремя славными юношами прекрасного роста и наружности...

Р о з а л и н д а. С ярлычками на шее: "Да будет ведомо всем и каждому из сих объявлений..."

Л е - Б о. Старший вышел на борьбу с борцом герцога Шарлем. Этот Шарль в одно мгновение опрокинул его и сломал ему три ребра, так что почти нет надежды, что он останется жив. Точно так же он уложил второго и третьего. Они лежат там, а старик отец так сокрушается над ними, что всякий, кто только видит это, плачет от сострадания.

Р о з а л и н д а. Бедные!

О с е л о к. Но какую же забаву пропустили дамы, сударь?

Л е - Б о. Как — какую? Именно ту, о которой я рассказываю.

О с е л о к. Видно, люди с каждым днем все умнее становятся. В первый раз слышу, что ломанье ребер — забава для дам.

С е л и я. И я тоже, ручаюсь тебе.

Р о з а л и н д а. Но неужели есть еще кто-нибудь, кто хочет испытать эту музыку на собственных боках? Есть еще охотники до сокрушения ребер? — Будем мы смотреть на борьбу, сестрица?

Л е - Б о. Придется, если вы останетесь здесь: это место назначено для борьбы, и сейчас она начнется.

С е л и я. Да, действительно, сюда все идут. Ну что ж, останемся и посмотрим.

Трубы.

Входят герцог Фредерик, вельможи, Орlando, Шарль и свита.

Герцог Фредерик. Начинайте. Раз этот юноша не хочет слушать никаких увещаний, пусть весь риск падет на его голову.

Розалинда. Это тот человек?

Ле-Бо. Он самый, сударыня.

С е л и я. Ах, он слишком молод! Но он смотрит победителем.

Герцог Фредерик. Вот как, дочь и племянница! И вы пробрались сюда, чтобы посмотреть на борьбу?

Розалинда. Да, государь, если вы разрешите нам.

Герцог Фредерик. Вы получите мало удовольствия, могу вас уверить; силы слишком неравны. Из сострадания к молодости вызвавшего на бой я пытался отговорить его, но он не желает слушать никаких увещаний. Поговорите с ним вы: может быть, вам, женщинам, удастся убедить его.

С е л и я. Позовите его, добрый мсье Ле-Бо.

Герцог Фредерик. Да, а я отойду, чтобы не присутствовать при разговоре.

Ле-Бо. Господин борец, принцессы зовут вас.

Орlando. Повинуюсь им почтительно и с готовностью.

Розалинда. Молодой человек, это вы вызвали на бой Шарля, борца?

Орландо. Нет, прекрасная принцесса: он сам всех вызывает на бой. Я только, как и другие, хочу померяться с ним силой моей молодости.

Селия. Молодой человек, дух ваш слишком смел для ваших лет. Вы видели страшные доказательства силы этого человека. Если бы вы взглянули на себя собственными глазами и оценили своим рассудком, страх перед опасностью посоветовал бы вам взяться за более подходящее дело. Мы просим вас ради себя самого подумать о безопасности и отказаться от этой попытки.

Розалинда. Да, молодой человек, ваша репутация не пострадает от этого: мы сами попросим герцога, чтобы борьба не продолжалась.

Орландо. Умоляю вас, не наказывайте меня дурным мнением обо мне. Я чувствую себя очень виноватым, что отказываю хоть в чем-нибудь таким прекрасным и благородным дамам. Но пусть меня в этом поединке сопровождают ваши прекрасные глаза и добрые пожелания, и если я буду побежден, стыдом покроется только тот, кто никогда не был счастлив; если же я буду убит, умрет только тот, кто желает смерти. Друзей моих я не огорчу, потому что обо мне некому плакать. Мир от этого не пострадает, потому что у меня нет ничего в мире. Я в нем занимаю только такое место, которое гораздо лучше будет заполнено, если я освобожу его.

Розалинда. Мне хотелось бы отдать вам всю ту маленькую силу, какая у меня есть.

Селия. Да и я бы отдала свою в придачу.

Розалинда. В добрый час! Молю небо, чтобы я ошиблась в вас!

Селия. Да исполнятся желания вашего сердца!

Шарль. Ну, где же этот юный смельчак, которому так хочется улечься рядом со своей матерью-землей?

Орландо. Он готов, сударь, но желания его гораздо скромнее.

Герцог Фредерик. Вы будете бороться только до первого падения.

Шарль. Да, уж ручаюсь вашей светлости, так усердно отговаривавшей его от первого, что о втором вам его просить не придется.

Орландо. Если вы надеетесь посмеяться надо мной после борьбы, вам не следует смеяться до нее. Но к делу.

Розалинда. Да поможет тебе Геркулес, молодой человек!

Селия. Я бы хотела быть невидимкой и схватить этого силача за ногу.

Шарль и Орландо борются.

Розалинда. О, превосходный юноша!

Селия. Будь у меня в глазах громовые стрелы, уж я знаю, кто лежал бы на земле.

Шарль падает. Радостные крики.

Герцог Фредерик. Довольно, довольно!

Орландо. Нет, умоляю вашу светлость, — я еще не разошелся.

Герцог Фредерик. Как ты себя чувствуешь, Шарль?

Орlando готовится к бою с Шарлем. Художник Д. Меклайз

Ле - Бо. Он не в состоянии говорить, ваша светлость.
Герцог Фредерик. Унесите его.

Шарля уносят.

Как твое имя, молодой человек?

Орландо. Орландо, государь; я младший сын Роланда де Буа.

Герцог Фредерик

О если б ты другого сыном был!
Все твоего отца высоко чтили,
Но я всегда в нем находил врага.
Ты больше б угодил мне этим делом,
Происходи ты из другой семьи.
Но все ж будь счастлив. Ты — хороший малый.
Когда б ты мне назвал отца другого!

Герцог Фредерик, свита и Ле-Бо уходят.

Селия

Могла ли б так я поступить, сестрица?

Орландо

Будь я на месте моего отца?
Горжусь я тем, что я Роланда сын.
Пусть младший! Не сменил бы это имя,
Хотя б меня усыновил сам герцог.

Розалинда

Роланда мой отец любил как душу, —
Все разделяли эти чувства с ним.
Знай раньше я, что это сын его,
Прибавила б к своим мольбам я слезы,
Чтоб он не рисковал собой!

Орландо побеждает Шарля. Рис. Дж. Джилльберта.

С е л и я

Сестрица,
Пойдем, его ободрим добрым словом.
Завистливый и злобный нрав отца
Мне сердце ранит.

(К Орландо.)

Как вы отличились!
Когда в любви так держите вы слово,
Как здесь все обещанья превзошли,
То счастлива подруга ваша.

Р о з а л и н д а

Сударь,
Прошу, возьмите это и носите
На память обо мне, судьбой гонимой.

(Сняв с шеи цепь, передает ему.)

Дала б я больше вам, имей я средства. —
Пойдем, сестра.

С е л и я

Пойдем. — Прощайте, сударь.

О р л а н д о

Как благодарность выражу? Исчезли
Способности мои, а здесь остался
Немой чурбан, безжизненный обрубок.

Розалинда

Он нас зовет?..
Со счастьем моим ушла и гордость.
Спрошу, что он хотел. — Вы звали, сударь?
Боролись славно вы и победили
Не одного врага.

Селия

Идем, сестра?

Розалинда

Иду, иду. — Прощайте.

Розалинда и Селия уходят.

Орландо

Каким волненьем скован мой язык!
Я онемел; она же вызывала
На разговор. Погиб Орландо бедный:
Не силою, так слабостью сражен ты.

Входит Ле - Бо.

Ле - Бо.

Любезнейший, дам вам совет по дружбе—
Уйти скорей. Хотя вы заслужили
Хвалу, и одобренье, и любовь,
Но герцог в настроении таком,

Что плохо он толкует ваш поступок.
Упрям наш герцог, а каков он нравом —
Приличней вам понять, чем мне сказать.

О р л а н д о

Благодарю вас, сударь. Но скажите:
Которая — дочь герцога из дам,
Здесь на борьбу смотревших?

Л е - Б о

Судя по нраву, ни одна из них;
На деле ж та, что меньше, дочь его,
Другая — дочь им изгнанного брата.
Здесь задержал ее захватчик-дядя
Для дочери своей; а их любовь
Нежней родных сестер

природной связи

Но я скажу вам: герцог начинает
Питать к своей племяннице немилость,
Основанную только лишь на том,
Что весь народ достоинства в ней видит
И из-за доброго отца жалеет.
Ручаюсь жизнью: гнев против нее
Внезапно может вспыхнуть...

Но прощайте:

Надеюсь встретить вас в условиях лучших
И дружбы и любви у вас просить.

О р л а н д о

Я вам весьма признателен; прощайте.

Ле-Бо уходит.

Так все равно я попаду в капкан:
Тиран ли герцог, или брат — тиран...
О, ангел Розалинда!

(Уходит.)

Сцена 3

Комната во дворце.

Входят Селия и Розалинда.

С е л и я. Ну, сестра, ну, Розалинда! Помилуй нас, Купидон! Ни слова?

Р о з а л и н д а. Ни одного, чтобы бросить на ветер.

С е л и я. Нет, твои слова слишком драгоценны, чтобы тратить их даром; но брось хоть несколько слов мне; ну, сокруши меня доводами рассудка.

Р о з а л и н д а. Тогда обе сестры погибнут: одна будет сокрушена доводами рассудка, а другая лишится рассудка без всяких доводов.

С е л и я. И все это из-за твоего отца?

Р о з а л и н д а. Нет, кое-что из-за дочери моего отца. О, сколько терний в этом будничном мире!

С е л и я. Нет, это простые репейники, сестрица, брошенные на тебя в праздничном дурачестве; когда мы не ходим по протоптанным дорогам, они цепляются к нашим юбкам.

Р о з а л и н д а. С платья я легко стряхнула бы их, но колючки попали мне в сердце.

С е л и я. Сдуй их прочь.

Р о з а л и н д а. Я попыталась бы, если бы мне стоило думать, чтобы получить этого юношу.

С е л и я. Полно, полно, умей бороться со своими чувствами.

Р о з а л и н д а. О, они стали на сторону лучшего борца, чем я.

С е л и я. Желаю тебе успеха. Когда-нибудь ты поборешься с ним, и он еще положит тебя на обе лопатки. Но шутки в сторону — поговорим серьезно: возможно ли, чтобы ты сразу вдруг почувствовала такую пылкую любовь к младшему сыну старого Роланда?

Р о з а л и н д а. Герцог, отец мой, любил его горячо.

С е л и я. Разве из этого следует, что ты должна горячо любить его сына? Если так рассуждать, то я должна его ненавидеть, потому что мой отец горячо ненавидит его отца. Однако я Орландо не ненавижу.

Р о з а л и н д а. Нет, ты не должна его ненавидеть ради меня.

С е л и я. За что мне его ненавидеть? Разве он не выказал своих достоинств?

Р о з а л и н д а. Дай мне любить его за это, а ты люби его потому, что я его люблю. Смотри, сюда идет герцог.

С е л и я. Как гневно он глядит!

Входят герцог Фредерик и вельможи.

Герцог Фредерик

Сударыня, спешите удалиться
От нашего двора.

Розалинда

Я, дядя?

Герцог Фредерик

Да!

И если через десять дней ты будешь
Не дальше, чем за двадцать миль отсюда,
То смерть тебе.

Розалинда

Молю я вашу светлость:

Позвольте мне в дорогу взять с собой
Сознание того, в чем я виновна.

Когда сама себя я вопрошаю

И ясно сознаю свои желанья, —

Коль я не сплю и не сошла с ума

(Чего, надеюсь, нет), —

то, милый дядя,

Я никогда и нерожденной мыслью

Не оскорбляла вас.

Герцог Фредерик

Язык измены!
Когда б слова служили очищением!
Изменники всегда святых невинней.
Достаточно, что я тебе не верю.

Розалинда

Меня не может подозрение сделать
Изменницей. Скажите, в чем измена?

Герцог Фредерик

Дочь своего отца ты — и довольно.

Розалинда

Я дочерью его была в то время,
Когда отца с престола вы свергали;
Я дочерью его была в то время,
Когда отца послали вы в изгнание.
Измена нам в наследство не дается.
А если б даже это было так,
То мой отец изменником ведь не был.
Не будьте ж так ко мне несправедливы:
В несчастье я изменницей не стала.

Селия

Мой государь, послушайте меня...

Герцог Фредерик

Да, я ее из-за тебя оставил,
Иначе б ей пришлось с отцом скитаться.

С е л и я

Я не просила вас ее оставить, —
То были ваша воля, ваша жалость:
Дитя — я не могла ценить ее.
Теперь же оценила; коль она
Изменница, я тоже; с нею вместе
Мы спали, и учились, и играли:
Где б ни было, как лебеди Юноны,
Мы были неразлучною четой.

Герцог Фредерик

Она хитрей тебя! Вся эта кротость,
И самое молчанье, и терпенье
Влияют на народ: ее жалеют.
Глупа ты! Имя у тебя ворует
Она: заблещешь ярче и прекрасней
Ты без нее. Не размыкай же уст:
Нсколебим и тверд мой приговор;
Я так сказал — она идет в изгнание.

С е л и я

Приговори к тому же и меня,
Мой государь: жить без нее нст сил.

Герцог Фредерик

Глупа ты! — Ну, племянница, собирайтесь;
Пропустите вы срок — порукой честь
И слов моих величье, — вы умрете.

Герцог Фредерик и свита уходят.

С е л и я

О бедная сестра! Куда пойдешь ты?
Ну, хочешь, поменяемся отцами?
Прошу тебя, не будь грустней меня.

Р о з а л и н д а

Причин есть больше у меня.

С е л и я

Нет-нет!

Утешься. Знаешь, он изгнал меня,
Родную дочь.

Р о з а л и н д а

Он этого не сделал.

С е л и я

Нет? Значит, в Розалинде нет любви,
Чтоб научить тебя, что мы — одно.
Нас разлучить? Нам, милая, расстаться?

Пусть ищет он наследницу другую.
Давай же думать,
 как нам убежать,
Куда идти и что нам взять с собой.
Не пробуй на себя одну взвалить
Несчастий бремя, отстранив меня.
Клянусь я небом, побледневшим с горя;
Что хочешь говори — пойду с тобой.

Р о з а л и н д а

Куда же нам идти?

С е л и я

В Арденнский лес, на поиски, за дядей.

Р о з а л и н д а

Увы! Но как нам, девушкам, опасно
Одним пускаться в путь! Ведь красота
Сильней, чем золото, влечет воров.

С е л и я

Оденусь я в убогие лохмотья
И темной краской вымажу лицо,
Ты тоже: так идти спокойно будет;
Никто на нас не нападет.

Розалинда

Не лучше ль
Так сделать нам: я ростом не мала;
В мужское платье я переоденусь!
Привешу сбоку я короткий меч,
Рогатину возьму:

тогда пусть в сердце
Какой угодно женский страх таится —
Приму я вид воинственный и наглый,
Как многие трусливые мужчины,
Что робость прикрывают смелым видом.

Селия

Как звать тебя, когда мужчиной станешь?

Розалинда

Возьму не хуже имя, чем пажа
Юпитера, и буду — Ганимедом.
А как мне звать тебя?

Селия

Согласно положенью моему:
Не Селией я буду — Алиеной¹.

¹ Алиена — чужая. (Лат.)

Розалинда

А что, сестра, не попытаться ль нам
Сманить шута придворного с собой?
Он мог бы нам в дороге пригодиться.

Селия

Со мной на край света он пойдет:
Я с ним поговорю.

Собрать нам надо
Все наши драгоценности и деньги
И выбрать час и путь побезопасней,
Чтоб нам с тобой погони избежать.
Теперь — готовься радостно к уходу:
Идем мы не в изгнание — на свободу.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Арденнский лес.

Входят старый герцог, Амьен и другие вельможи,
одетые охотниками.

Старый герцог

Ну что ж, друзья и братья по изгнанию!
Иль наша жизнь, когда мы к ней привыкли,
Не стала много лучше, чем была
Средь роскоши мишурной? Разве лес
Не безопаснее, чем двор коварный?
Здесь чувствуем мы лишь Адама кару —
Погоды смену: зубы ледяные
Да грубое ворчанье зимних ветров,
Которым, коль меня грызут и хлещут,
Дрожа от стужи, улыбаюсь я:
“Не льстите вы!” Советники такие
На деле мне дают понять, кто я.
Есть сладостная польза и в несчастье:

Оно подобно ядовитой жабе,
Что ценный камень в голове таит.
Находит наша жизнь вдали от света
В деревьях — речь, в ручье текущем — книгу,
И проповедь — в камнях, и всюду — благо.
Я б не сменил ее!

А м ь е н

Вы, ваша светлость,
Так счастливо переводить способны
На кроткий, ясный лад судьбы суровость.

С т а р ы й г е р ц о г

Но не пойти ль нам пострелять оленей?
Хоть мне и жаль беднякам глупым, пестрым,
Природным гражданам сих мест пустынных,
Средь их владений стрелами пронзать
Округлые бока!

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Так, ваша светлость,
И меланхолик Жак о том горюет,
Клянясь, что здесь вы захватили власть
Неправедней, чем вас изгнавший брат.
Сегодня мы — мессир Амьен и я —
К нему подкрались: он лежал под дубом,
Чьи вековые корни обнажились

Над ручейком, журчащим здесь в лесу.
Туда бедняга раненый олень
Один, стрелой охотника пронзенный,
Пришел страдать; и, право, государь,
Несчастный зверь стонал так,

что казалось,

Вот-вот его готова лопнуть шкура
С натуги! Круглые большие слезы
Катились жалобно с невинной морды
За каплей капля; так мохнатый дурень,
С которого Жак не сводил очей,
Стоял на берегу ручья, слезами
В нем умножая влагу.

Старый герцог

Ну, а Жак?

Не рассуждал ли он при этом виде?

Первый вельможа

На тысячу ладов. Сперва о том,
Что в том ручье без пользы льет он слезы.
“Бедняк, — он говорил, — ты завенщаешь
(Как часто — люди) тем богатство, кто
И так богат!” Затем — что он один,
Покинут здесь пушистыми дузьями.
“Так! — он сказал. — Беда всегда разгонит
Приток друзей!” Когда ж табун оленей

Беспечных, сытых вдруг промчался мимо
Без всякого вниманья, он воскликнул:
“Бегите мимо, жирные мещане!
Уж так всегда ведется; что смотреть
На бедного, разбитого банкрота?”
И так своею меткой сатирой
Он все пронзал: деревню, город, двор
И даже нашу жизнь, клянусь, что мы
Тираны, узурпаторы и хуже
Зверей — пугая, убивая их
В родных местах, им отданных природой.

Старый герцог

Таким вы и оставили его?

Второй вельможа

Да, государь, — в раздумье и в слезах
Над плачущим оленем!

Старый герцог

Где то место?

Люблю поспорить с ним, когда угрюм он:
Тогда кипит в нем мысль.

Первый вельможа

Я вас к нему сведу.

Уходят.

Сцена 2

Зал во дворце.

Входят герцог Фредерик и вельможи.

Герцог Фредерик

Возможно ли, чтоб их никто не видел?
Не может быть! Среди моих придворных
Злодеи-укрыватели нашлись.

Первый вельможа

Не слышно, чтобы видел кто ее.
Придворные прислужницы, принцессу
На отдых проводив,
нашли наутро
Сокровища лишенную постель

Второй вельможа

Мой государь, тот жалкий шут, что часто
Вас заставлял смеяться, тоже скрылся.
Гисперия, прислужница принцессы,
Созналась, что подслушала тайком,
Как ваша дочь с племянницей хвалили
И доблести и красоту борца,
Что Шарля силача сразил недавно.
Ей кажется, — где б ни были они, —
Что этот юноша, наверно, с ними.

Герцог Фредерик

Послать за ним! И привести красавца!
А нет его — так старшего сюда:
Уж братца разыскать заставлю!.. Мигом!
Не прекращайте сыска и расспросов,
Пока беглянок глупых не вернем!

Уходит.

Сцена 3

Перед домом Оливера.

Входят Адам и Орландо с разных сторон.

Орландо

Кто здесь?

Адам

Как? Молодой мой господин? О добрый,
О милый господин! Портрет Роланда
Почтенного! Зачем вы здесь? Зачем
Вы добродетельны? Зачем вас любят?
Зачем вы кротки, сильны и отважны?
Зачем стремились победить борца
Пред своенравным герцогом? Хвала
Опередила слишком быстро вас.
Вы знаете, есть род людей, которым
Их доблести являются врагами.

Вот так и вы: достоинства все ваши —
Святые лишь предатели для вас.
О, что за мир, где добродетель губит
Тех, в ком она живет!

О р л а н д о

Да что случилось?

А д а м

Юноша несчастный!
О, не входи сюда: под этой кровлей
Живет твоих достоинств злейший враг.
Ваш брат — нет-нет, не брат...

но сын... нет-нет:

Нет сил сказать, что это сын того,
Кого его отцом хотел назвать я, —
Узнал про подвиг ваш, и этой ночью
Решил он вашу комнату поджечь
И сжечь вас в ней. Коль это не удастся,
Он как-нибудь иначе сгубит вас!
Подслушал я все замыслы его.
Не место здесь вам; тут не дом, а бойня,
Бегите, бойтесь, не входите в дом.

О р л а н д о

Как? Но куда ж деваться мне, Адам?

А д а м

О, все равно, лишь здесь не оставайтесь.

О р л а н д о

Что ж мне — идти просить на пропитанье?
Презренной шпагой добывать доходы
На столбовой дороге грабежом?..
Так поступить? Иначе что ж мне делать?
Нет! Ни за что не стану: будь что будет;
Скорей согласен, чтоб меня сгубили
Кровавый брат и извращенье крови.

Варельеф эпохи Ренессанса.

А д а м

Нет-нет! Есть у меня пять сотен крон:
Я их при вашем батюшке скопил,
Берег, чтобы они меня кормили,
Когда в работе одряхлеют члены
И старика с презреньем в угол бросят.
Возьмите. Тот, кто воронов питает
И посылает пищу воробью,
Мою поддержит старость! Вот вам деньги:
Все вам даю... Позвольте мне служить вам:
Я с виду стар, но силен и здоров.
Я с юности себе не портил крови
Отравой возбуждающих напитков,
И никогда бесстыдно я не гнался
За тем, что разрушает нас и старит.
Мне старость — как здоровая зима:
Морозна, но бодра. Меня с собою
Возьмите: буду вам, как молодой,
Служить во всех делах и нуждах ваших.

О р л а н д о

О добрый мой старик! В тебе пример
Той честной, верной службы прежних лет,
Когда был долгом труд, а не корыстью.
Для нынешних времен ты не годишься:
Теперь ведь трудятся все для награды;

А лишь ее получают — и конец
Всему усердию. Ты не таков;
Но дерево плохое выбрал ты:
Оно тебе плодов не принесет
За все твои труды, за все заботы.
Ну, будь по-твоему: пойдем же вместе —
И раньше, чем истратим твой запас,
Найдется скромный угол и для нас.

А д а м

Идем, мой господин: тебе повсюду
Служить до смерти верой, правдой буду.
В семнадцать лет вошел я в эту дверь;
Мне семьдесят — я ухожу теперь.
В семнадцать лет как счастья не искать?
Но в семьдесят поздненько начинать.
А мне бы только — мирную кончину
Да знать, что долг вернул я господину.

Уходят.

Сцена 4

Арденнский лес.

Входят Розалинда под видом Ганимеда, Селия
под видом Алиены и Оселок.

Розалинда. О Юпитер!.. Как устала моя душа!
Оселок. До души мне мало дела, лишь бы ноги не устали.

Розалинда. Я готова опозорить мой мужской наряд и расплакаться как женщина... Но я должна поддерживать более слабое создание: ведь камзол и штаны обязаны проявлять свою храбрость перед юбкой; и потому — мужайся, милая Алиена!

Селия. Простите... вам придется выносить мою слабость: я не в состоянии идти дальше!

Оселок. Что до меня, то я скорее готов выносить вашу слабость, чем носить вас самих. Хотя, пожалуй, если бы я вас нес, груз был бы не очень велик: потому что, мне думается, в кошельке у вас нет ни гроша.

Розалинда. Ну вот мы и в Арденнском лесу!

Оселок. Да, вот и я в Арденнском лесу; и как был — дурак дураком, если не глупее: дома был я в лучшем месте. Но путешественники должны быть всем довольны.

Розалинда. Да, будь доволен, добрый Оселок... Смотрите, кто идет сюда? Молодой человек и старик, занятые, видно, важным разговором!

Входят Корин и Сильвий.

Корин. Вот способ в ней усилить к вам презрение.

Сильвий. Когда б ты знал, как я ее люблю!

Корин. Могу понять: я сам любил когда-то...

Сильвий

О нет, ты стар, и ты понять не можешь,
Хотя бы в юности ты был вернейшим

Из всех, кто вздохи посылал к Луне.
Но будь твоя любовь моей подобна —
Хоть никогда никто так не любил! —
То сколько же поступков сумасбродных
Тебя любовь заставила б свершить?

К о р и н

Да с тысячу; но все уж позабыл я.

Сильвий

О, значит, не любил ты никогда!
Коль ты не помнишь сумасбродств нелепых,
В которые любовь тебя ввергала, —
Ты не любил.
Коль слушателей ты не утомлял, —
Хваля возлюбленную так, как я, —
Ты не любил.
Коль от людей не убегал внезапно,
Как я сейчас, гоним своею страстью, —
Ты не любил.
О Феба, Феба, Феба!

Уходят.

Р о з а л и н д а

Увы, пастух! Твою больную рану
Исследуя, я на свою наткнулась.

О с е л о к. А я на свою. Помню, еще в те времена, когда я был влюблен, я разбил свой меч о камень в наказание за то, что он повадился ходить по ночам к Джен Смайль. Помню, как я целовал ее валец и коровье вымя, которое доили ее хорошенькие потрескавшиеся ручки; помню тоже, как я ласкал и нежил гороховый стручок вместо нее, потом вынул из него две горошинки и, обливаясь слезами, отдал их ей и сказал: “Носи их на память обо мне”. Да, все мы, истинно влюбленные, способны на всевозможные дурачества, но, так как в природе все смертно, все влюбленные по природе своей — смертельные дураки!

Р о з а л и н д а. Ты говоришь умнее, чем полагаешь.

О с е л о к. Да, я никак не замечаю собственного ума, пока не зацеплюсь о него и не переломаю себе ноги.

Р о з а л и н д а

В его любви — о боже! —
Как все с моею схоже!

О с е л о к. Да и с моей, хоть она выдохлась.

С е л и я

Спроси, дружок мой, старика, не даст ли
За деньги нам чего-нибудь поесть?
Иначе я умру.

О с е л о к

Эй ты, осел!

Розалинда

Молчи! Тебе он не родня.

Корин

Кто звал?

Оселок

Кто малость познатней тебя.

Корин

Надеюсь!

Иначе бы я пожалел его.

Розалинда

Молчи, я говорю! — привет, приятель!

Корин

И вам, мой добрый господин, привет.

Розалинда

Прошу, пастух: из дружбы иль за деньги —
Нельзя ли здесь в глуши достать нам пищи?
Сведи нас, где бы нам приют найти:
Вот девушка — измучена дорогой,
От голода без сил.

К о р и н

Как жаль ее!

Не для себя, а для нее хотел бы
Богаче быть, чтоб как-нибудь помочь ей,
Но я пастух наемный у другого:
Не я стригу овец, пасомых мной.
Хозяин мой скупого очень нрава,
Он не стремится к небу путь найти
Делами доброго гостеприимства.
К тому ж, его стада, луга и дом
Идут в продажу. Без него в овчарнях
У нас запасов нету никаких,
Чтоб угостить вас. Но, что есть, посмотрим;
А я душевно буду рад гостям.

Р о з а л и н д а

Кто ж покупатель его лугов и стад?

К о р и н

Тот человек, что был сейчас со мною,
Хотя ему сейчас не до покупок.

Р о з а л и н д а

Прошу тебя: коль это не бесчестно —
Не купишь ли ты сам всю эту ферму?
А мы тебе дадим на это денег.

С е л и я

И жалованья мы тебе прибавим.
Здесь хорошо: я жить бы здесь хотела.

К о р и н

Конечно, эта мыза продается.
Пойдем со мной: коль вам по сердцу будет
Рассказ о почве и доходах здешних,
Я буду верным скотником для вас
И вам куплю все это хоть сейчас.

Уходят.

Сцена 5

Лес.

Входят Амьен, Жак и другие.

А м ь е н
(поет)

Под свежелою листвою
Кто рад лежать со мною,
Кто с птичьим хором в лад
Слить звонко песни рад, —
К нам просим, к нам просим, к нам просим.
В лесной тени
Враги одни —
Зима, ненастье, осень.

Ж а к. Еще, еще, прошу тебя, еще!

А м ь е н. Эта песня наведет на вас меланхолию, мсье Жак!

Ж а к. За это я буду только благодарен. Спой еще, прошу тебя, спой! Я умею высасывать меланхолию из песен, как ласточка высасывает яйца. Еще, прошу тебя!

А м ь е н. У меня хриплый голос; я знаю, что не могу угодить вам.

Ж а к. Я не хочу, чтобы вы мне угождали, я хочу, чтобы вы пели. Ну, еще один станс, — ведь вы так их называете, кажется?

А м ь е н. Как вам будет угодно, мсье Жак.

Ж а к. Мне все равно, как они называются: ведь они мне ничего не должны. Будете вы петь или нет?

А м ь е н. Скорее по вашей просьбе, чем для собственного удовольствия.

Ж а к. Отлично! Если я когда-нибудь кого-нибудь поблагодарю, так это вас. Но то, что люди называют комплиментами, похоже на встречу двух обезьян, а когда кто-нибудь меня сердечно благодарит, мне кажется, что я подал ему грош, а он мне за это кланяется, как нищий. Ну пойте; а вы, если не желаете петь, придержите языки.

А м ь е н. Ну хорошо, я окончу песню. — А вы, господа, приготовьте тем временем все, что надо: герцог придет пообедать под этими деревьями. — Он вас целый день разыскивал.

Ж а к. А я целый день скрывался от него. Он слишком большой спорщик для меня; я думаю, мыслей у меня не меньше, чем у него, но я благодарю за них небо и не выставляю их напоказ. Ну, начинайте чирикать!

В с е
(поют хором)

В ком честолюбья нет,
Кто любит солнца свет,
Сам ищет, что поесть,
Доволен всем, что есть, —
К нам просим, к нам просим, к нам просим.
В лесной тени
Враги одни —
Зима, ненастье, осень.

Ж а к. А я прибавлю вам куплет на этот же мотив, я сочинил его вчера, несмотря на полное отсутствие у меня стихотворной изобретательности!

А м ь е н. А я его спою.

Ж а к. Вот он:

Кому же блажь пришла
Разыгрывать осла,
Презрев в глуши лесной
Богатство и покой, —
Декдем, декдем, декдем, —
Здесь он найдет
Глупцов таких же сброд.

А м ь е н. Что это значит — декдем?

Ж а к. Это греческое заклинание, чтобы заманивать дураков в заколдованный круг. Ну, пойду посплю, если удастся. А если не смогу, то буду ругать всех перворожденных Египта.

А м ъ е н. А я пойду за герцогом: угощение ему приготовлено.

Уходят в разные стороны.

Сцена 6

Лес.

Входят Орlando и Адам.

А д а м. Дорогой мой господин, я не могу идти дальше. Я умираю с голоду! Лягу здесь да отмерю себе могилу. Прощайте, мой добрый господин.

О р л а н д о. Как, Адам? Только-то в тебе мужества? Поживи немножко, подбодрись немножко, развеселись немножко! Если в этом диком лесу есть хоть какой-нибудь дикий зверь, — либо я пойду ему на съеденье, либо принесу его на съедение тебе. Твое воображение ближе к смерти, чем твои силы. Ради меня будь бодрее! Некоторое время еще не допускай к себе смерть, я скоро возвращусь; и если я не принесу тебе чего-нибудь поесть, тогда позволю тебе умереть: если ты умрешь раньше, чем я вернусь, значит, ты посмеешься над моими стараниями. Отлично! Вот ты и повеселел. А я скоро буду опять здесь. Но ты лежишь на холодном ветру. Дай, я отнесу тебя в какое-нибудь защищенное место, и, если в этой пустыне есть хоть одно живое существо, ты не умрешь от недостатка пищи. Веселей, мой добрый Адам!

Уходят.

Сцена 7

Лес.

Накрытый стол.

Входят старый герцог, Амьен и вельможи-изгнанники.

Старый герцог

Должно быть, сам он в зверя превратился.
Его в людском я виде не нашел.

Первый вельможа

Он только что ушел, мой государь:
Был весел он и слушал нашу песню.

Старый герцог

Он? Воплощение диссонанса стал
Вдруг музыкантом? Будет дисгармония
В небесных сферах!.. Но пойдй за ним:
Скажи, что с ним поговорить хочу я.

Первый вельможа

Он от труда меня избавил: вот он!..

Входит Жак.

Старый герцог

Что ж это, сударь? Что за образ жизни?
Друзья должны о встречах вас молить...
Но что это — я вижу вас веселым?..

Ж а к

Шут! Шут! Сейчас в лесу шута я встретил!
Да, пестрого шута! О, жалкий мир!..
Вот как живу я — пищею шута!
Лежал врасстяжку и, на солнце греясь,
Честил Фортуну в ловких выраженьях,
Разумных, метких этот пестрый шут.
“Здорово, шут!” А он мне: “Не зовите
Меня шутом — пока богатства небо
Мне не послало!” Тут часы он вынул
И, мутным взглядом посмотрев на них,
Промолвил очень мудро: “Вот уж десять!
Тут видим мы, как движется весь мир.
Всего лишь час прошел, как было девять,
А час пройдет — одиннадцать настанет;
Так с часу и на час мы созреваем,
А после с часу и на час — гнием.
Вот и весь сказ”. Когда я услышал,
Как пестрый шут про время рассуждает,
То у меня в груди запел петух
О том, что столько мудрости в шутах;
И тут смеялся я без перерыва
Час по его часам. О, славный шут!
Достойный шут! Нет лучше пестрой куртки!

С т а р ы й г е р ц о г

Кто ж этот шут?

Ж а к

Почтенный шут! Он, видно, был придворным,
Он говорит, что дамы обладают,
Коль молоды и хороши они,
Талантом это знать. В его мозгу,
Сухом как не доеденный в дороге
Сухарь, есть очень много странных мест,
Набитых наблюденьями: пускает
Он их вразбивку... О! Будь я шутом!
Я жду как чести пестрого камзола!

С т а р ы й г е р ц о г

И ты его получишь.

Ж а к

Он к лицу мне:

Но только с тем, чтоб вырвали вы с корнем
Из головы засевшее в ней мненье,
Что я умен, и дали мне притом
Свободу, чтоб я мог, как вольный ветер,
Дуть на кого хочу — как все шуты.
А те, кого сильнее я царапну,
Пуškai сильнее смеются. Почему же?
Да это ясно, как дорога в церковь:
Тот человек, кого обидит шут,
Умно поступит, как ему ни больно, —

Вся глупость умника раскрыта будет
Случайной шутовской остротой.
Оденьте в пестрый плащ меня! Позвольте
Всю правду говорить — и постепенно
Прочищу я желудок грязный мира,
Пусть лишь мое лекарство он глотает.

С т а р ы й г е р ц о г

Фу! Я скажу, что стал бы делать ты...

Ж а к

Хоть об заклад побьюсь, — что, кроме пользы?

С т а р ы й г е р ц о г

Творил бы тяжкий грех, грехи карая.
Ведь ты же сам когда-то был развратным
И чувственным, как похотливый зверь:
Все язвы, все назревшие нарывы,
Что ты схватил, гуляя без помехи,
Ты все бы изрыгнул в широкий мир.

Ж а к

Нет! Гордость кто хулит —
Корит ли этим он людей отдельных?
И гордость не вздымается ль, как море,
Пока сама, уставши, не отхлынет?

Какую же из женщин я назвал,
Сказав, что наши горожанки часто
Наряды княжеские надевают
На тело недостойное свое?
Которая из них себя узнает,
Когда ее соседка такова же?
И скажет ли последний человек,
Что, мол, не я ему купил наряды,
Подумавши, что целюсь я в него,
И тем свою мне подставляя глупость?
Ну, что? Ну как? Скажите же, прошу,
Чем я его обидел? Коль он плох,
Он сам себя обидел; коль невинен,
То мой укор летит, как дикий гусь —
Совсем ничей. — Но кто сюда идет?

Входит О р л а н д о с обнаженным мечом.

О р л а н д о

Стойте! Довольно есть!

Ж а к

Да я не начал...

О р л а н д о

И не начнешь, пока нужда не будет
Насыщена!

Ж а к

Что это за петух?

С т а р ы й г е р ц о г

С отчаянья ль ты взял такую смелость
Иль вежливость так грубо презираешь,
Что нет в тебе приличия ни капли?

О р л а н д о

Вы сразу в цель попали! Острый шип
Отчаянной нужды меня лишил
Приличья внешнего: хоть не дикарь я
И кое-как воспитан... Но — еще раз:
Смерть первому, кто съест хотя б кусок,
Пока я не возьму то, что мне нужно!

Ж а к. Пусть я умру, если мы не уладим дело разумно.

С т а р ы й г е р ц о г

Что нужно вам? Скорее ваша кротость
Принудит нас, чем ваше принужденье
В нас кротость вызовет.

О р л а н д о

Я умираю
От недостатка пищи: есть мне дайте!

С т а р ы й г е р ц о г

Садитесь, кушайте, прошу за стол.

О р л а н д о

Какие добрые слова! Простите:
Я думал — все здесь диким быть должно.
И потому взял резкий тон приказа.
Но кто б вы ни были, что здесь сидите
В тени задумчивых деревьев этих,
В местах пустынных, диких, расточая
Небрежно так часов ползущий ход, —
О, если вы дни лучшие знавали,
Когда-нибудь слышали звон церковный,
Когда-нибудь делили пищу с другом,
Когда-нибудь слезу смахнули с глаз,
Встречали жалость и жалели сами, —
Пусть ваша кротость будет мне поддержкой;
В надежде той, краснея, прячу меч.

С т а р ы й г е р ц о г

Да, правда, мы дни лучшие знавали:
Мы слышали когда-то звон церковный,
Делили трапезу друзей и с глаз
Стирали слезы жалости священной;
А потому садитесь к нам как друг
И что угодно, все себе берите,
Что только может вам помочь в нужде.

О р л а н д о

Тогда помедлить вас прошу немного;
Пойду, как лань за сосунком своим.
Со мной старик несчастный; из любви
Ко мне он путь мучительный проделал;
Пока не подкрепится он, ослабший
От двух недугов — голода и лет,
Не трону я куска.

С т а р ы й г е р ц о г

За ним пойдите,
А мы без вас не прикоснемся к пище.

О р л а н д о

Благодарю. Спаси вас бог за помощь!

(Уходит.)

С т а р ы й г е р ц о г

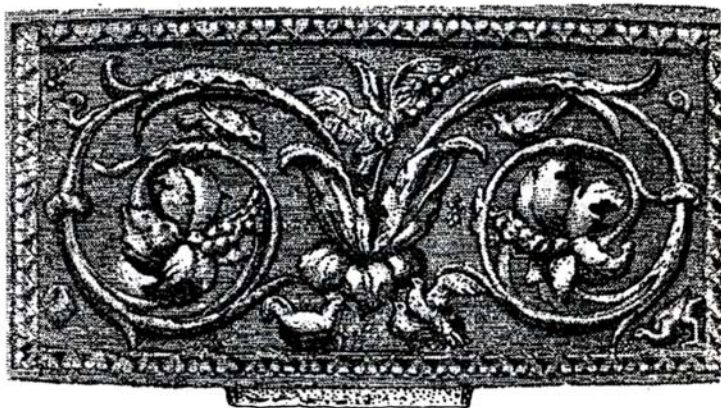
Вот видишь ты, не мы одни несчастны,
И на огромном мировом театре
Есть много грустных пьес, грустней, чем та,
Что здесь играем мы!

Ж а к

Весь мир — театр.
В нем женщины, мужчины — все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той. Сперва младенец,
Ревущий горько на руках у мамки...
Потом плаксивый школьник с книжной сумкой,

Итальянский барельеф эпохи Ренессанса.

С лицом румяным, нехотя, улиткой
Ползущий в школу. А затем любовник,
Вздыхающий, как печь, с балладой грустной
В честь брови милой. А затем солдат,
Чья речь всегда проклятьями полна,

Обросший бородой, как леопард,
Ревнивый к чести, забияка в ссоре,
Готовый славу бренную искать
Хоть в пушечном жерле. Затем судья
С брюшком округлым,

где каплун запрятан,

Со строгим взором, стриженной бородкой,
Шаблонных правил и сентенций кладезь, —
Так он играет роль. Шестой же возраст —
Уж это будет тощий Панталоне,
В очках, в туфлях, у пояса — кошель,
В штанах, что с юности берег, широких
Для ног иссохших; мужественный голос
Сменяется опять дискантом детским:
Пищит, как флейта...

А последний акт,

Конец всей этой странной, сложной пьесы —
Второе детство, полузабытье:
Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего.

Снова входит Орландо и с ним — Адам.

Старый герцог

Привет! Сложите ваш почтенный груз,
Пусть подкрепится он...

Орландо

Благодарю вас за него.

А д а м

И кстати:
Сам я едва могу “спасибо” молвить.

С т а р ы й г е р ц о г

Привет вам! Ну, за дело! Я не стану
Покамест вам расспросами мешать. —
Эй, музыки! — А вы, кузен, нам спойте!

А м ь е н
(поет)

Вей, зимний ветер, вей!
Ты все-таки добрей
Предательства людского:
Твой зуб не так остер,
Тебя не видит взор,
Хоть дуешь ты сурово!

Гей-го-го!.. Пой под вечнозеленой листвой!
Дружба часто притворна, любовь — сумасбродна.
Так пой — гей-го-го! — под листвой:
Наша жизнь превосходна!

Мороз, трещи сильнее!
Укус твой не больнее
Забытых добрых дел!
Сковала воды стужа;

Но леденит нас хуже
Друг, что забыть сумел.

Гей-го-го! (и т. д.)

С т а р ы й г е р ц о г

Когда вы в самом деле сын Роланда
Почтенного, как вы шепнули мне, —
Чему мой взгляд находит подтверждение,
Живой портрет его увидев в вас, —
Приветствую сердечно вас. Я герцог,
Любивший вашего отца! Пойдемте
Ко мне в пещеру: там вы свой рассказ
Докончите. — А ты, почтенный старец,
Будь гостем у меня, как твой хозяин. —
Его сведите. — Дайте руку мне
И все откройте искренне вполне.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Зал во дворце.

Входят герцог Фредерик, вельможи
и Оливер.

Герцог Фредерик

С тех пор его не видел?.. Быть не может!
Не будь я создан весь из милосердья,
Не стал бы я искать для мести лучше
Предмета, раз ты здесь. Но берегись:
Найди мне брата, где бы ни был он.
Ищи хоть со свечой.

Живым иль мертвым,
Но в этот год доставь его, иначе
Не возвращайся сам в мои владенья.
Все земли, все, что ты своим зовешь,
Достойное секвестра, — мы берем,
Пока твой брат с тебя не снимет лично
То, в чем тебя виним.

О л и в е р

О государь! Знай ты мои все чувства!..
Я никогда ведь брата не любил.

Г е р ц о г Ф р е д е р и к

Тем ты подлеи! —

Прогнать его отсюда...

Чиновников назначить: пусть наложат
Арест на дом его и все владенья.
Все сделать быстро!..

А его — убрать!

Уходят.

Сцена 2

Лес.

Входит О р л а н д о с листком бумаги.

О р л а н д о

Виси здесь, стих мой, в знак любви моей.
А ты, в тройном венце царица ночи,
На имя, что царит над жизнью всей,
Склони с небес свои святые очи.
О Розалинда!.. Будут вместо книг
Деревья: в них врезать я мысли буду,
Чтоб всякий взор здесь видел каждый миг
Твоих достоинств прославление всюду.

Пиши, Орландо, ты хвалы скорей
Прекрасной, чистой, несказанной — ей!

(Уходит.)

Входят Корин и Оселок.

Корин. Ну как вам нравится эта пастушеская жизнь, господин Оселок?

Оселок. По правде сказать, пастух, сама по себе она — жизнь хорошая; но, поскольку она жизнь пастушеская, она ничего не стоит. Поскольку она жизнь уединенная, она мне очень нравится; но, поскольку она очень уж уединенная, она преподлая жизнь. Видишь ли, поскольку она протекает среди полей, она мне чрезвычайно по вкусу; но, поскольку она проходит не при дворе, она невыносима. Так как жизнь эта умеренная, она вполне соответствует моему характеру, но, так как в ней нет изобилия, она не в ладах с моим желудком. Знаешь ли ты толк в философии, пастух?

Корин. Знаю из нее только то, что чем кто-нибудь сильнее болен, тем он хуже себя чувствует; что если у него нет денег, средств и достатка, так ему не хватает трех добрых друзей; что дождю положено мочить, а огню — сжигать; что на хорошем пастбище овцы скоро жиреют и что главная причина наступления ночи — то, что нет больше солнца; что у кого нет ума ни от природы, ни от науки, тот может пожаловаться, что его плохо воспитали или что он родился от глупых родителей.

О с е л о к. Да ты природный философ! Бывал ты когда-нибудь при дворе, пастух?

К о р и н. По правде сказать, нет.

О с е л о к. Ну, тогда быть тебе в аду!

К о р и н. Ну нет, надеюсь.

О с е л о к. Обязательно будешь в аду! Поджарят тебя, как плохо спеченное яйцо, — только с одной стороны.

Орlando вешает на дерево стихи в честь Розалинды.

Рис. Дж. Джилберта.

К о р и н. Это за то, что я при дворе не бывал? Почему же это, объясните?

О с е л о к. Потому, что, если ты никогда не бывал при дворе, значит, ты никогда не видал хороших манер; если ты никогда не видал хороших манер, значит, у тебя дурные манеры; а что дурно, то грех, а за грехи попадают в ад. Ты в опасном положении, пастух.

К о р и н. Ничуть не бывало, Оселок! Хорошие манеры придворных так же смешны в деревне, как деревенские манеры нелепы при дворе. Вот, например, вы мне говорили, что при дворе не кланяются, а целуют руки: ведь это была бы нечистоплотная любезность, если бы придворные были пастухами.

О с е л о к. Доказательство, скорее доказательство!

К о р и н. Да как же! Мы постоянно овец руками трогаем, а у них шкуры, сами знаете, жирные.

О с е л о к. Можно подумать, что у придворных руки не потеют! А разве овечий жир хуже человеческого пота? Нет, слабо, слабо! Лучшее доказательство, скорей!

К о р и н. А кроме того, руки у нас у нас жесткие.

О с е л о к. Тем скорее губы их почувствуют. Опять слабо. Подавай лучшее доказательство, ну-ка!..

К о р и н. И часто они у нас в дегте выпачканы, которым мы овец лечим. Что ж, вы хотите, чтобы мы деготь целовали? У придворных руки-то мускусом надушены.

О с е л о к. Ах, глупый ты человек! Настоящая ты падаль по сравнению с хорошим куском мяса! Поучайся у людей мудрых и рассудительных: мускус более низкого происхождения,

чем деготь: это нечистое выделение кошки! Исправь свое доказательство, пастух.

К о р и н. У вас для меня слишком придворный ум: дайте дух перевести.

О с е л о к. Так ты хочешь попасть в ад? Глупый ты человек! Исцели тебя бог... Очень уж ты прост!

К о р и н. Сударь, я честный работник: зарабатываю себе на пропитание, раздобываю себе одежду, ни на кого злобы не питаю, ничьему счастью не завидую, радуюсь чужой радости,

Оселок беседует с Корином. Рис. Дж. Джилберта.

терплю свои горести, и одна моя гордость — это смотреть, как мои овцы пасутся, а ягнята их сосут.

О с е л о к. И тут в простоте своей ты грешишь: ты случашь овец с баранами и зарабатываешь свой хлеб размножением скота, ты служишь сводником барану-вожаку и, вопреки всем брачным правилам, предаешь годовалую ярочку кривоногому, старому рогачу барану. Если ты за это в ад не попадешь — так, значит, сам дьявол не хочет иметь пастухов, а иначе уж не знаю, как бы ты спасся.

К о р и н. Вот идет молодой господин Ганимед, брат моей новой хозяйки.

Входит Розалинда с листком в руках.

Розалинда
(читает)

“Нет средь Индии красот
Перла краше Розалинды.
Ветра вольного полет
В мире славит Розалинду.
Все картины превзойдет
Светлым ликом Розалинда.
Все красавицы не в счет
Пред красою Розалинды”.

О с е л о к. Я вам могу так рифмовать восемь лет подряд, за исключением часов обеда, ужина и сна: настоящая рысца, какой молочницы едут на рынок.

Розалинда. Убирайся прочь, шут!

Оселок. Для примера:

“Если лань олень зовет,
Пусть поищет Розалинду.
Как стремится к кошкам кот,
Точно так и Розалинда.
Плащ зимой подкладки ждет,
Так и стройность Розалинды.
Тот, кто сеет, тот и жнет
И — в повозку с Розалиндой.
С кислой коркой сладкий плод,
Плод такой же Розалинда.
Кто рвет розу, тот найдет
Шип любви и Розалинду”.

Вот настоящая иноходь стихов. И зачем вы ими отравляетесь?

Розалинда. Молчи, глупый шут. Я нашла их на дереве.

Оселок. Поистине дурные плоды приносит это дерево.

Розалинда. Я привью к нему тебя, а потом кизил: тогда это дерево принесет самые ранние плоды в стране, потому что ты сгниешь прежде, чем наполовину созреешь, — ведь это и есть главные свойства кизила.

Оселок. Вы свое сказали, а умно-или нет — пусть судит лес.

Розалинда. Тсс... Отойди! Сюда идет сестра, читает что-то.

Входит Селия с листком в руках.

С е л и я
(читает)

“Почему же здесь — пустыня?
Что людей не видит взгляд?..
Нет, везде развешу ныне
Языки, и пусть гласят:
То, как быстро жизнь людская
Грешный путь свершает свой;
То, что краткий миг, мелькая,
Заключает век земной;
То, что клятвы нарушенья
Очень часты меж друзей.
После ж каждого реченья
Средь красивейших ветвей
”Розалинда” начертаю,
Чтобы каждый мог узнать,
Как, все лучшее сливая,
Может небо перл создать.
Так природе повелели
Небеса — чтобы слила
Прелесть всю в едином теле,
И тогда она взяла:
Клеопатры горделивость,
Атланты чистоту,
И Лукреции стыдливость,
И Елены красоту.
Так в Розалинде дали боги

Созданий высших образец,
Вручив ей лучшее из многих
Прекрасных лиц, очей, сердец.
Ей небо это все сулило,
Мне ж — быть рабом ей до могилы”.

Розалинда. О милосердный Юпитер! Какой скучной проповедью о любви вы утомили ваших прихожан и ни разу даже не сказали: “Потерпите, добрые люди!”

Селия. Как, вы тут?.. Уходите-ка, приятели! Ступай, пастух; и ты с ним, любезный.

Оселок. Пойдем, пастух; свершим почетное отступление — если не с обозом и поклажей, то с сумой и кулечком.

Корин и Оселок уходят.

Селия. Ты слышала эти стихи?..

Розалинда. О да, слышала все и даже больше, чем следует, — потому что у некоторых стихов больше стоп, чем стих может выдержать.

Селия. Это не важно — стопы могут поддержать стихи.

Розалинда. Да, но эти стопы хромали и без стихов не стояли на ногах, а потому и стихи захромали.

Селия. Неужели тебя не изумляет, что твое имя вывешено и вырезано на всех деревьях здесь?..

Розалинда. Я уже успела наизумляться, пока ты не пришла, потому что — посмотри, что я нашла на пальмовом дереве. Такими рифмами меня не заклинали со времени Пи-

фагора, с тех пор как я была ирландской крысой, о чем я, впрочем, плохо помню.

С е л и я. Ты догадываешься, кто это написал?

Р о з а л и н д а. Мужчина?..

С е л и я. Да, и у него на шее цепочка, которую ты когда-то носила. Ты краснеешь?

Р о з а л и н д а. Скажи, пожалуйста, кто это?

С е л и я. О господи, господи!.. Друзьям трудно встретиться; но бывает так, что во время землетрясения гора с горой сталкиваются.

Р о з а л и н д а. Да кто же он?..

С е л и я. Возможно ли?..

Р о з а л и н д а. Нет, прошу тебя с самой настоятельной неотступностью — скажи мне, кто это!

С е л и я. О, удивительно, удивительно, удивительнейшим образом удивительно! Как это удивительно! Нет сил выразить, до чего удивительно!

Р о з а л и н д а. Не выдай меня, цвет лица! Не думаешь ли ты, что раз я наряжена мужчиной, так и характер мой надел камзол и штаны?.. Каждая минута промедления для меня — целый Южный океан открытий. Умоляю тебя, скорей скажи мне, кто это! Да говори живее. Я бы хотела, чтобы ты была заикой; тогда это имя выскочило бы из твоих уст, как вино из фляги с узеньким горлышком: или все зараз, или ни капли. Умоляю тебя, раскупори свой рот, чтобы я могла упиться твоими новостями!

С е л и я. Тогда тебе придется проглотить мужчину.

Розалинда. Создан ли он по образу и подобию божью? Какого рода мужчина? Стоит ли его голова шляпы, а подбородок бороды?

Селия. Ну, бороды-то у него не много.

Розалинда. Что ж, бог пошлет ему побольше, если он будет благодарным. Пусть уж его борода не торопится расти — лишь бы ты поторопилась с описанием его подбородка.

Селия. Это молодой Орlando, тот самый, что разом положил на обе лопатки и борца и твое сердце.

Розалинда. К черту шутки! Говори серьезно и как честная девушка.

Селия. Да право же, сестричка, это он.

Розалинда. Орlando?..

Селия. Орlando.

Розалинда. Вот несчастье! Как же мне быть с моим камзолom и штанами? Что он делал, когда ты его увидела? Что он сказал? Как он выглядел? Куда он ушел? Зачем он тут? Спрашивал ли тебя обо мне? Где он живет? Как он с тобой простился? Когда ты его опять увидишь? Отвечай мне одним словом.

Селия. Тогда одолжи мне рот Гаргантюа: это слово в наши времена будет слишком велико для любого рта. Ответить “да” и “нет” на все твои вопросы займет больше времени, чем ответ на все вопросы катехизиса.

Розалинда. Но знает ли он, что я здесь, в лесу, и в мужском наряде? Он так же хорошо выглядит, как в тот день, когда боролся?

С е л и я. Отвечать на вопросы влюбленных так же легко, как считать мошек; но выслушай мой рассказ о том, как я его нашла, и вникни как следует. Я нашла его лежащим под деревом, как упавший желудь.

Р о з а л и н д а. Это дерево можно назвать деревом Юпитера, раз оно дает такие плоды!

С е л и я. Будьте любезны, выслушайте меня, сударыня.

Р о з а л и н д а. Продолжай.

С е л и я. Он лежал растянувшись, как раненый рыцарь.

Р о з а л и н д а. Как ни печально такое зрелище, оно должно быть очень красиво.

С е л и я. Попридержи свой язычок, он не вовремя делает скачки. Одет охотником.

Р о з а л и н д а. О зловещее предзнаменование! Он явился, чтобы убить мое сердце.

С е л и я. Я бы хотела допеть мою песню без припева: ты меня сбиваешь с тона.

Р о з а л и н д а. Разве ты не знаешь, что я женщина? Раз мне пришла мысль — я ее должна высказать! Дальше, дорогая!

С е л и я. Ты сбиваешь меня. Постой, не он ли сюда идет?

Р о з а л и н д а. Да, он. Мы спрячемся и будет слушать.

Входят Орlando и Жак.

Ж а к

Спасибо за компанию; но, право,
Я предпочел бы здесь один остаться.

Орландо

Я точно так же; но, приличья ради,
За общество я вас благодарю.

Ж а к. Прощайте! Будемте встречаться реже.

Орландо. Останемся друг другу чужими.

Ж а к. Прошу вас, не портите больше деревьев, вырезая любовные стихи на их коре.

Орландо. Прошу вас, не портите больше моих стихов, читая их так плохо.

Ж а к. Вашу любовь зовут Розалиндой?

Орландо. Да, именно так.

Ж а к. Мне не нравится это имя.

Орландо. Когда ее крестили, не думали о том, чтобы вам угодить.

Ж а к. Какого она роста?

Орландо. Как раз на уровне моего сердца.

Ж а к. Вы битком набиты ответами! Не водили ли вы знакомства с женами ювелиров, не заучивали ли вы наизусть надписей на их перстнях?

Орландо. Нет, но отвечаю вам, как на обоях, с которых вы заимствовали ваши вопросы.

Ж а к. У вас быстрый ум. Я думаю, он был сделан из пяток Аталанты. Не хотите ли присесть рядом со мной? Давайте вместе бранить нашу владычицу-вселенную и все наши бедствия.

Орландо. Я не стану бранить ни одно живое существо в мире, кроме себя самого, за которым знаю больше всего недостатков.

Жак. Самый главный ваш недостаток — то, что вы влюблены.

Орландо. Этого недостатка я не променяю на вашу лучшую добродетель. Вы надоели мне.

Жак. Уверю вас, что я искал шута, когда встретил вас.

Орландо. Шут утонул в ручье: посмотрите в воду — и вы увидите его.

Жак. Я увижу там свою собственную особу.

Орландо. Которую я считаю или шутом, или нулем.

Жак. Я не хочу дольше оставаться с вами; прощайте, милейший синьор влюбленный!

Орландо. Очень рад, что вы удаляетесь; прощайте, милейший мсье меланхолик!

Жак уходит.

Розалинда (*тихо, Селии*). Я заговорю с ним, притворившись дерзким лакеем, и подурачу его. — Эй, охотник, слышите вы?

Орландо. Отлично слышу. Что вам надо?

Розалинда. Скажите, пожалуйста, который час?

Орландо. Вам следовало спросить меня — какое время дня: в лесу часов нет.

Розалинда. Значит, в лесу нет ни одного настоящего влюбленного: иначе ежеминутные вздохи и ежечасные стоны отмечали бы ленивый ход времени не хуже часов.

Орландо. А почему не быстрый ход времени? Разве не все равно, как сказать?

Розалинда. Никоим образом, сударь: время идет различным шагом с различными людьми. Я могу сказать вам, с кем оно идет иноходью, с кем — рысью, с кем — галопом, а с кем — стоит на месте.

Орландо. Ну скажи, пожалуйста, с кем время идет рысью?

Розалинда. Извольте: оно трусит мелкой рысцой с молодой девушкой между обручением и днем свадьбы; если даже промежуток этот только в семь дней, время тянется для нее так медленно, что он кажется ей семью годами.

Орландо. С кем время идет иноходью?

Розалинда. С попом, который не знает по-латыни, и с богачом, у которого нет подагры: один спит спокойно, потому что не может заниматься наукой, а другой живет спокойно, потому что не испытывает страданий; одного не гнетет бремя сухого, изнуряющего ученья, другой не знает бремени тяжелой, печальной нищеты. С ними время идет иноходью.

Орландо. А с кем оно несется галопом?

Розалинда. С вором, которого ведут на виселицу: как бы медленно он ни передвигал ноги, ему все кажется, что он слишком скоро придет на место.

Орландо. А с кем же время стоит?

Розалинда. Со стряпчими во время судейских каникул, потому что они спят от закрытия судов до их открытия и не замечают, как время движется!

Орландо. Где вы живете, милый юноша?

Розалинда. Живу с этой пастушкой, моей сестрой, здесь, на опушке леса — как бахрома на краю юбки.

Орландо. Вы родом из этих мест?

Розалинда. Как кролик, который живет там, где родился.

Орландо. Ваше произношение лучше, чем можно было надеяться услышать в такой глуши.

Розалинда. Это мне многие говорили, но, правда, меня учил говорить мой старый благочестивый дядюшка; он в молодости жил в городе и хорошо знал светское обхождение, потому что был там влюблен. Немало поучений слышал я от него против любви и благодарю бога, что я не женщина и что во мне нет всех тех сумасбродных свойств, в которых он обвинял весь женский пол.

Орландо. А вы не можете припомнить главных пороков, которые он ставил в вину женщинам?

Розалинда. Главных не было: все были похожи один на другой, как грошовые монетки, и каждый порок казался чудовищным, пока не появлялся новый.

Орландо. Прошу вас, укажите на какие-нибудь из них.

Розалинда. Нет, я буду тратить мое лекарство только на того, кто болен. Здесь в лесу есть человек, который портит все наши молодые деревья, вырезая на их коре имя “Розалинда”, и развешивает оды на боярышнике и элегии на терновнике; во всех них обоготворяется имя Розалинды. Если бы я встретил этого воздыхателя, я дал бы ему несколько добрых советов, потому что, мне кажется, он болен любовной лихорадкой.

Орландо. Я тот самый, кого трясет эта лихорадка: пожалуйста, дай мне свое лекарство!

Розалинда. Но в вас нет ни одного из признаков, о которых говорил мой дядя, — он научил меня, как распознавать влюбленных. В эту клетку, я уверен, вы еще не попались.

Орландо. Какие это признаки?

Розалинда. Исхудалые щеки, чего у вас нет; ввалившиеся глаза, чего у вас нет; нестриженная борода, чего у вас нет (впрочем, это я вам прощаю, потому что вообще бороды у вас столько, сколько доходов у младшего брата). Затем чулки ваши должны быть без подвязок, шляпа без ленты, рукава без пуговиц, башмаки без шнурков, и вообще все в вас должно выказывать неряшливость отчаяния. Но вы не таковы: вы скорей одеты щегольски и похожи на человека, влюбленного в себя, а не в другого.

Орландо. Милый юноша, я хотел бы заставить тебя поверить, что я влюблен.

Розалинда. Меня — поверить, что вы влюблены? Вам так же легко было бы заставить поверить этому ту, кого вы любите; а она, ручаюсь вам, скорее способна поверить вам, чем сознаться в этом. Это один из тех пунктов, в которых женщины лгут своей собственной совести. Но, шутки в сторону, неужели это вы развешиваете на деревьях стихи, в которых так восхищаетесь Розалиндой?

Орландо. Клянусь тебе, юноша, белой рукой Розалинды: я тот самый, тот самый несчастный!

Розалинда. Но неужели же вы так страстно влюблены, как говорят ваши стихи?

Орландо. Ни стихи, ни ум человеческий не в силах выразить, как страстно я влюблен.

Розалинда. Любовь — чистое безумие и, право, заслуживает чулана и плетей не меньше, чем буйный сумасшедший, а причина, по которой влюбленных не наказывают и не лечат, заключается в том, что безумие это так распространено, что надсмотрщики сами все влюблены. Однако я умею вылечивать любовь советами.

Орландо. А вы уже кого-нибудь вылечили таким образом?

Розалинда. Да, одного человека, и вот как. Он должен был вообразить, что я его любовь, его возлюбленная; я заставил его приходить ко мне каждый день и ухаживать за мной, а сам, словно изменчивая Луна, был то грустным, то жеманным, то капризным, гордым, томно влюбленным, причудливым, кривлякой, пустым, непостоянным, то плакал, то улыбался, во всем что-то выказывал и ничего не чувствовал: ведь юноши и женщины большей частью скотинка одной масти в этих делах. То я любил его, то ненавидел, то приманивал, то отталкивал, то плакал о нем, то плевал на него, и так я заставил моего поклонника от безумия любви перейти к настоящему безумию, а именно — покинуть шумный поток жизни и удалиться в совершенное монашеское уединение. Вот как я его вылечил; таким же способом я берусь выполоскать вашу печень так, что она будет чиста, как сердце здоровой овцы, и что в ней ни пятнышка любви не останется.

Орландо. Я бы не хотел вылечиться, юноша.

Розалинда. А я бы вас вылечил, если бы вы только стали звать меня Розалиндой, каждый день приходить в мою хижину и ухаживать за мной.

Орландо. Вот на это, клянусь верностью моей любви, я согласен. Скажите мне, где ваша хижина?

Розалинда. Пойдемте со мной, я вам ее покажу; я дорогой вы мне расскажете, в какой части леса вы живете. Пойдете?

Орландо. Охотно, от всего сердца, добрый юноша!

Розалинда. Нет, вы должны звать меня Розалиндой. — Пойдем, сестра. Идешь?

Уходят.

Сцена 3

Лес.

Входят Оселок и Одри, за ними — Жак.

Оселок. Иди скорей, добрая Одри! Я соберу твоих коз, Одри. Ну что ж, Одри? Я все еще тебе по сердцу? Нравятся ли тебе мои скромные черты?

Одри. Ваши черты? Помилуй нас, господи! Какие такие черты?

Оселок. Я здесь, с тобой и твоими козами, похож на самого причудливого из поэтов — на почтенного Овидия среди готов.

Ж а к (*в сторону*). О ученость! Куда ты попала? Даже у Юпитера под соломенным кровом шалаша было лучшее пристанище.

О с е л о к. Когда твоих стихов не понимают или когда уму твоему не вторит резвое дитя — разумение, это убивает тебя сильнее, чем большой счет, поданный маленькой компании. Право, я хотел бы, чтобы боги создали тебя поэтичной.

О д р и. Я не знаю, что это такое значит — “поэтичная”? Значит ли это — честная на словах и на деле? Правдивая ли это вещь?

О с е л о к. Поистине нет: потому что самая правдивая поэзия — самый большой вымысел, а все влюбленные — поэты, и, значит, все, все их любовные клятвы в стихах — чистейший вымысел.

О д р и. И после этого вы хотите, чтобы боги сделали меня поэтичной?

О с е л о к. Конечно, хочу, так как ты клялась мне, что ты честная девушка. А будь ты поэтом, я мог бы иметь некоторую надежду, что это вымысел.

О д р и. А вы бы не хотели, чтобы я была честной девушкой?

О с е л о к. Конечно, нет, разве если бы ты была безобразна: потому что честность, соединенная с красотой, — это все равно что медовая подливка к сахару.

Ж а к (*в сторону*). Глубокомысленный шут!

О д р и. Ну, так как я некрасива, то и прошу богов сделать меня честной.

О с е л о к. Да, но расточать честность на безобразную неряху — это все равно что класть хорошее кушанье в грязную посуду.

О д р и. Я не неряха, хоть и безобразна, благодаря богам!

О с е л о к. Ладно, слава богам за твое безобразие: неряшливость успеет прийти потом. Но как бы то ни было, я хочу жениться на тебе и с этой целью побывал у твоего господина

Оселок, Одри и следящий за ними Жак.
Рис. Дж. Джильберта.

Оливера Путаника, священника соседней деревни, который обещал мне прийти сюда в лес и соединить нас.

Ж а к (в сторону). Охотно бы поглядел на эту встречу!

О д р и. Ладно, да пошлют нам боги радость!

О с е л о к. Аминь! Человек трусливого десятка задумался бы перед таким предприятием, потому что церкви здесь никакой, один лес, а свидетели — только рогатые звери. Но что из того? Смелей! Рога — вещь столь же гнусная, как и неизбежная. Недаром говорится: “Многие не знают сами всего своего богатства”. Это правильно: у многих людей славные рога, а они и не знают всей их длины. Ну да ладно, это приданое ему жена приносит, а не сам он добывает. Рога!.. Да, рога... Неужели только люди бедные наделены ими? Вовсе нет: у благороднейшего оленя они такие же большие, как у самого жалкого. Значит, блажен холостой человек? Нет; как город, обнесенный стенами, поважнее деревни, так и лоб женатого человека почтеннее обнаженного лба холостяка; насколько способность защищаться лучше беспомощности, на столько иметь рога ценнее, чем не иметь их.

Входит Оливер Путаник.

Вот и господин Оливер. Добро пожаловать, господин Оливер Путаник! Как, вы нас здесь, под деревьями, повенчаете, или нам пойти с вами в вашу часовню?

П у т а н и к. А здесь нет никого, чтобы вручить вам вашу невесту?

О с е л о к. Я не желаю принимать ее в подарок ни от какого мужчины.

П у т а н и к. Но ее должны вручить вам, или брак не будет законным.

Ж а к. Совершайте обряд! Я вручу невесту.

О с е л о к. Добрый вечер, любезный господин. Как вас зовут? Как вы поживаете, сударь? Вы очень кстати! Награди вас бог за последнюю нашу беседу. Я очень рад вас видеть. Но прошу, накройтесь.

Ж а к. Ты хочешь жениться, пестрый шут?

О с е л о к. Как у быка есть свое ярмо, у лошади — свой мундштук, у сокола — свой бубенчик, так у человека есть свои желания, и как голуби милуются, так супруги целуются.

Ж а к. И вы, человек с таким воспитанием, собираетесь венчаться вокруг куста, как нищий? Ступайте в церковь, пусть хороший священник объяснит вам, что такое таинство брака. А этот малый склепает вас, как две доски к стенке, одна половинка рассохнется и — как негодное дерево — крак, крак!

О с е л о к (в сторону). А по-моему, не лучше ли, чтобы именно этот меня повенчал, чем другой? Потому что он вряд ли повенчает по правилам, а если я не буду повенчан по правилам, то у меня будет хороший повод бросить потом мою жену.

Ж а к. Идем со мной; и послушайся моего совета.

О с е л о к

Пойдем, душенька Одри: как все люди,

Мы должны или повенчаться, или жить в блуде. —

Прощайте, добрейший господин Оливер: тут уже не —

“О милый Оливер,
О храбрый Оливер,
Тебя не покидать бы!..”

а напротив:

“Ступай назад!
Прочь, говорят!
У нас не будет свадьбы!”

Жак, Оселок и Одри уходят.

П у т а н и к. Все равно: ни один из этих сумасбродных плутов не поколеблет моего призвания! (*Уходит.*)

Сцена 4

Лес.

Входят Розалинда и Селия.

Р о з а л и н д а. Не разговаривай со мной: я хочу плакать.

С е л и я. Плачь, сделай милость; но изволь заметить, что слезы неприличны мужчине.

Р о з а л и н д а. Разве у меня нет причины для слез?

С е л и я. Лучшая причина, какой можно желать; поэтому — плачь.

Р о з а л и н д а. У него даже волосы непостоянного цвета.

С е л и я. Немного темнее, чем у Иуды. А уж его поцелуй — родные дети Иудиных поцелуев!

Р о з а л и н д а. По правде сказать, волосы у него очень красивого цвета.

Селия. Превосходного цвета: нет лучше цвета, чем каштановый.

Розалинда. А поцелуи его невинны, как прикосновение святых даров.

Селия. Он купил пару выброшенных губ у Дианы; монахини зимнего братства не целуют невиннее, чем он: в его поцелуях — лед целомудрия.

Розалинда. Но почему же он поклялся прийти сегодня утром — и не идет?..

Селия. Право, в нем нет ни капли честности!

Розалинда. Ты так думаешь?

Селия. Да. Я не думаю, чтобы он был карманный вор или конокрад, но, что до честности в любви, — мне кажется, он пуст, как опрокинутый кубок или как выеденный червями орех.

Розалинда. Неверен в любви?

Селия. Да, если бы была любовь; но я думаю, что тут любви нет.

Розалинда. Ты слышала, как он клялся, что был влюблен.

Селия. “Был влюблен” — не значит, что и теперь влюблен. Кроме того, клятвы влюбленного не надежнее слова трактирщика: и тот и другой ручаются в верности фальшивых счетов. Он здесь в лесу состоит в свите герцога, отца твоего.

Розалинда. Я встретила герцога вчера! Он очень долго расспрашивал меня; между прочим, спросил, какого я рода. Я ответила, что родом не хуже его. Он засмеялся и отпустил

меня. Но что мы говорим об отцах, когда существует такой человек, как Орlando?

С е л и я. О да! Это прекрасный человек! Он пишет прекрасные стихи, произносит прекрасные клятвы и прекрасно их разбивает — прямо о сердце своей возлюбленной, как неопытный боец на турнире, который, пришпоривая коня с одной стороны, ломает копьё, как настоящий гусь. Но все прекрасно, на чем ездит молодость и чем правит безумие! — Кто это идет сюда?

Входит К о р и н.

К о р и н

Хозяюшка, хозяин! Вы справлялись
Не раз о том влюбленном пастухе,
Что как-то тут сидел со мной на травке
И восхвалял надменную пастушку —
Предмет своей любви.

С е л и я

Да; что же с ним?

К о р и н

Хотите видеть, как отлично сцену
Играет бледность искренней любви
С румянцем гордым гнева и презренья?

Идите-ка со мной: я вас сведу,
Коль вам угодно.

Розалинда

О, без промедленья!
Влюбленных вид — влюбленным подкрепленье.
Веди туда, и, слово вам даю,
В их пьесе роль сыграю я свою.

Уходят.

Сцена 5

Другая часть леса.

Входят Сильвий и Феба.

Сильвий

О Феба! Сжался надо мною, Феба!
Скажи мне, что не любишь, — но не так
Враждебно! Ведь любой палач, в ком сердце,
Привыкнув к виду крови, очерствело,
Топор над бедной жертвой не опустит,
Не попросив прощенья. Иль ты будешь
Суровой тех, кто кормится убийством
И умирает — проливая кровь?

Входят Розалинда, Селия и Корин.

Ф е б а

Я не хочу быть палачом твоим.
Бегу тебя, чтобы тебя не мучить.
Ты говоришь, в моих глазах убийство?
Как это мило, как правдоподобно —
Глаза, что нежны, хрупки, что пугливо
От мелкой мошки двери закрывают,
Убийцами, тиранами их звать!
Вот на тебя я гневный взгляд бросаю:
Коль в силах ранить — пусть тебя убьет.
Что ж, притворись, что обмер. Ну же, падай! —
Не можешь? — Так стыдись, стыдись!

Не лги,

Глазам моим убийц давая имя!
Где рана, что мой взгляд тебе нанес?
Булавкой ты уколешься — и будет
Царапина видна; осоку схватишь —
Ладонь хоть ненадолго сохранит
Порез и оттиски: но мои глаза,
Бросая взгляд, не ранили тебя;
И вообще в глазах людей нет власти
Боль причинять.

С и л ь в и й

О дорогая Феба!
Настанет день, он близок, может быть, —

Ты встретишь в ком-нибудь всю мощь любви:
Тогда узнаешь боль незримых ран
От острых стрел любви.

Ф е б а

Но до тех пор —
Прочь от меня. Когда ж тот день настанет,
То смейся надо мной, а не жалей,
Как до тех пор тебя не пожалею.

Р о з а л и н д а

А почему — спрошу! Кто вас родил.
Что вы так мучите и так браните
Несчастливого? Хоть нет в вас красоты
(По-моему, у вас ее настолько,
Чтоб с вами без свечи в кровать ложиться),
Вы все-таки горды и беспощадны?
В чем дело? Что вы на меня глядите?
Вы для меня одно из тех изделий,
Что пачками природа выпускает.
Уж не хотите ль вы меня пленить?
Нет, гордая девица, не надейтесь:
Ни черный шелк волос, ни эти брови
Чернильные, ни темных глаз агаты,
Ни щек молочных цвет — меня не тронут. —
Глупец пастух! К чему бежишь за нею,
Как южный ветер, с ливнем и туманом?

Ты как мужчина в тысячу раз лучше,
Чем эта девушка. Такие дурни,
Как ты, женься, плодят одних уродов.
Не зеркало ее, а ты ей льстишь:
В тебе она себя красивей видит,
Чем в отраженье собственном своем. —
А вы себя узнайте! На колени!
Постясь, хвалите небо за его
Любовь! Как друг, вам на ухо шепну,
Что ваш товар не все на рынке купят.
Раскайтесь, выходите за него!
Ведь трижды некрасив, кто нагл притом. —
Бери ж ее себе, пастух! Прощайте!

Ф е б а

Красавец мой, хоть целый год бранись!
Мне брань твоя милей его признаний.

Р о з а л и н д а. Он влюбился в ее уродство, а она готова влюбиться в мой гнев! Если это так, то каждый раз, когда она будет отвечать тебе гневными взорами, я ее буду угощать горькими истинами. — Что вы так на меня смотрите?

Ф е б а. О, не от злого чувства.

Р о з а л и н д а

Я вас прошу — в меня вы не влюбляйтесь;
Я лживой клятвы, данной в пьяный час,

И не люблю вас! Вы хотите знать,
Где я живу? В тени олив — тут близко. —
Идем, сестра! — Пастух, будь с нею тверд! —
Сестра, идешь? — Будь с ним добрей, пастушка,
И не гордись! Пусть целый мир глядит, —
Все ж никого не обольстит твой вид. —
Идем к стадам!

Розалинда, Селия и Корин уходят.

Ф е б а

Теперь, пастух умерший,
Мне смысл глубокий слов твоих открылся:
“Тот не любил, кто сразу не влюбился”.

С и л ь в и й

О Феба милая!..

Ф е б а

А? Что ты, Сильвий?

С и л ь в и й

О Феба, сжался!..

Ф е б а

Да, я тебя жалею, милый Сильвий.

С и л ь в и й

Где жалость есть, там близко утешенье.
Коль ты жалеешь скорбь моей любви —
Дай мне любовь: тогда и скорбь и жалость
Исчезнут обе вмиг.

Ф е б а

Тебя люблю как друга. Ты доволен?

С и л ь в и й

О, будь моей!

Ф е б а

Уж это будет жадность!
Была пора — ты был мне ненавистен...
Хоть и теперь я не люблю тебя,
Но о любви прекрасно говоришь ты, —
И общество твое, твои услуги,
Несносные мне раньше, я готова
Терпеть. Но ты не жди другой награды,
Чем радость, что ты можешь мне служить.

С и л ь в и й

Так велика, чиста моя любовь
И так я беден милостью твоею,
Что я готов считать богатой долей —

Колосья подбирать за тем, кто жатву
Возьмет себе. Роняй мне иногда
Свою улыбку: ею буду жить.

Ф е б а

Скажи, ты с этим юношей знаком?

С и л ь в и й

Не то чтобы... но часто с ним встречаюсь;
Ведь он купил ту хижину и земли,
Которыми владел здесь старый скряга.

Ф е б а

Не думай, что любовь — расспросы эти.
Он злой мальчишка, но красноречив!
Но что в словах мне?.. Впрочем, и слова
Приятны, если мил, кто говорит их.
Красивый мальчик он!.. Хоть и не очень.
Но, видно, очень горд... Ему, однако,
Пристала эта гордость. Он с годами
Красавцем станет. В нем всего пригожей —
Его лицо. Едва словами боль
Он причинит, как взглядом вмиг излечит.
Он ростом выше многих однолеток,
Но до мужчины все же не дорос.
Нога хоть так себе, но все ж красива.
А как прелестна губ его окраска!

Она немного лишь живей и ярче,
Чем щек румянец, — таково различье
Меж розовым и ярко-алым цветом.
Немало женщин, Сильвий, если б так же,
Как я, его подробно рассмотрели,
Влюбились бы в него. Что до меня,
Я ни люблю его, ни ненавижу;
Хоть надо бы скорее ненавидеть,
А не любить! Как он меня бранил!
Сказал — черны мои глаза и косы...
И, вспоминая, оскорблял меня.
Дивлюсь, как терпеливо я смолчала.
Но что отложено, то не пропало:
Ему письмом насмешливым отвечу, —
А ты его снесешь; не правда ль, Сильвий?

С и л ь в и й

Охотно, Феба.

Ф е б а

Напишу сейчас же.
Письмо готово и в уме и в сердце.
Я напишу и коротко и зло.
За мною, Сильвий!

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Лес.

Входят Розалинда, Селия и Жак.

Ж а к. Пожалуйста, милый юноша, позвольте мне поближе познакомиться с вами.

Р о з а л и н д а. Говорят, что вы большой меланхолик.

Ж а к. Это правда. Я люблю меланхолию больше, чем смех.

Р о з а л и н д а. Люди, которые доходят до крайности в том или в другом, отвратительны и достойны общего осуждения хуже, чем пьяницы.

Ж а к. Но ведь хорошо быть серьезным и не говорить ни слова.

Р о з а л и н д а. Но ведь хорошо в таком случае быть столбом.

Ж а к. Моя меланхолия — вовсе не меланхолия ученого, у которого это настроение не что иное, как соревнование; и не меланхолия музыканта, у которого она вдохновение; и не придворного, у которого она — надменность; и не воина, у которого она — честолюбие; и не законоведа, у которого она — полити-

ческая хитрость; и не дамы, у которой она — жеманность; и не любовника, у которого она — все это вместе взятое; но у меня моя собственная меланхолия, составленная из многих элементов, извлекаемая из многих предметов, а в сущности — результат размышлений, вынесенных из моих странствий, погружаясь в которые я испытываю самую гумористическую грусть.

Розалинда. Так вы путешественник? По чести, вам есть отчего быть грустным. Боюсь, не продали ли вы свои земли, чтобы повидать чужие: а много видеть и ничего не иметь — это все равно что обладать богатыми глазами и нищими руками.

Жак. Да, я дорого заплатил за мой опыт.

Розалинда. И ваш опыт делает вас грустным? Я бы лучше хотел иметь шута, который веселил бы меня, чм опыт, который наводил бы на меня грусть. И ради этого еще странствовать!

Входит Орlando.

Орlando. Привет мой, дорогая Розалинда!

Жак. Ну, раз уж вы разговариваете белым стихом, — прощайте! (*Уходит.*)

Розалинда (*вслед ему*). Прощайте, господин путешественник. Смотрите, вы должны шепелявить, носить чужеземное платье, презирать все хорошее, что есть в вашем отечестве, ненавидеть место своего рождения и чуть что не роптать на бога за то, что он создал вас таким, каков вы есть: иначе я никак не поверю, что вы катались в гондолах. — Ну, Орlando, где же вы пропадали все это время?.. Хорош влюб-

ленный! Если вы еще раз устроите мне такую штуку, не попадитесь мне больше на глаза!

Орландо. Моя прекрасная Розалинда, я опоздал не больше, чем на час против обещания.

Розалинда. Опоздать на час — в любви? Если кто-нибудь разделит минуту на тысячу частей и опоздает в любовных делах на одну частицу этой тысячной части, — можно сказать, что Купидон хлопнул его по плечу, но я поручусь, что сердце его не затронуто.

Орландо. Простите меня, дорогая Розалинда.

Розалинда. Нет, если вы так медлительны, не показывайтесь мне больше на глаза: пусть лучше за мной ухаживает улитка.

Орландо. Улитка?..

Розалинда. Да, улитка; она хоть и движется медленно, зато несет свой дом на голове; лучшее приданое, я думаю, чем вы можете предложить женщине. Кроме того, она несет с собою свою судьбу.

Орландо. Какую именно?

Розалинда. Да как же! Рога, которыми вам подобные якобы обязаны своим женам. А улитка-муж сразу является уже вооруженным своей судьбой и предотвращает клевету по отношению к своей жене.

Орландо. Добродетель рогов не наставляет, а моя Розалинда добродетельна.

Розалинда. А я ваша Розалинда.

С е л и я. Ему нравится так звать тебя; но у него есть другая Розалинда — получше, чем ты.

Р о з а л и н д а. Ну, ухаживайте, ухаживайте за мной; я сегодня в праздничном настроении и готов на все согласиться. Что бы вы мне сказали сейчас, если бы я был самая, самая настоящая ваша Розалинда?

О р л а н д о. Я бы поцеловал ее, раньше чем сказать что-нибудь.

Р о з а л и н д а. Нет, лучше бы вам сперва что-нибудь сказать, а уж когда не хватит предметов для разговора, тогда можно и поцеловать. Самые лучшие ораторы, когда им не хватает слов, сплевывают; а когда влюбленным — сохрани нас боже от этого — не хватает темы, тогда лучший исход — поцеловать.

О р л а н д о. А если нам откажут в поцелуе?

Р о з а л и н д а. Тогда это дает вам повод умолять, и таким образом появляется новая тема.

О р л а н д о. Но кому же может не хватить темы в присутствии возлюбленной?

Р о з а л и н д а. Да хотя бы вам — будь я вашей возлюбленной, иначе я счел бы мою добродетель сильнее моего ума.

О р л а н д о. Значит, я запутаюсь в своем сватовстве?

Р о з а л и н д а. В фатовстве своем вы не запутаетесь, а в сватовстве — уж наверно.

О р л а н д о. Ну так как же мои надежды?

Р о з а л и н д а. Одежды в порядке, а надежды нет... Но все это никуда не годится. Разве я не ваша Розалинда?

Орландо. Мне доставляет удовольствие так называть вас потому, что я таким образом говорю о ней.

Розалинда. Ну так вот: от ее имени заявляю, что я отказываю вам.

Орландо. Тогда мне остается умереть уже от собственного имени.

Розалинда. Нет, лучше умрите через поверенного! Этот жалкий мир существует около шести тысяч лет, и за все это время ни один человек еще не умирал от собственного имени, я имею в виду от любви *videlicet*¹. Троилу раздробили череп греческой палицей, а между тем он до этого делал все возможное, чтобы умереть от любви; ведь он считается одним из образцовых любовников. Леандр прожил бы много счастливых лет, — хотя бы Геро и поступила в монастырь, — не случись жаркой летней ночи: добрый юноша отправился в Геллеспонт, только чтобы выкупаться, с ним случилась судорога, и он утонул, а глупые летописцы его времени все свалили на Геро из Сестоса. Но это басни: люди время от времени умирали, и черви их поедали, но случалось все это не от любви.

Орландо. Я не хотел бы, чтобы моя настоящая Розалинда так думала, потому что — клянусь — один ее гневный взгляд убил бы меня.

Розалинда. Клянусь вот этой рукой — он и мухи не убил бы! Но довольно; теперь я буду вашей Розалиндой в бо-

¹ То есть, а именно. (Лат.)

лее благосклонном настроении: просите у меня чего хотите — я не откажу вам.

Орландо. Так полюби меня, Розалинда.

Розалинда. Да, клянусь, буду любить по пятницам, по субботам и во все остальные дни.

Орландо. И ты согласна взять меня в мужа?

Розалинда. Да, и еще двадцать таких, как вы.

Орландо. Что ты говоришь?..

Розалинда. Разве вы не хороши?

Орландо. Надеюсь, что хорош.

Розалинда. А разве может быть слишком много хорошего? — Поди сюда, сестра, ты будешь священником и обвенчаешь нас. — Дайте мне руку, Орландо! — Что ты на это скажешь, сестрица?

Орландо. Пожалуйста, повенчайте нас!

Селия. Я не знаю, какие слова говорить.

Розалинда. Ты должна начать: “Берете ли вы, Орландо...”

Селия. Я знаю! “Берете ли вы, Орландо, в жены эту девушку, Розалинду?”

Орландо. Беру!

Розалинда. Да, но когда?..

Орландо. Хоть сейчас: как только она нас повенчает.

Розалинда. Тогда вы должны сказать: “Беру тебя в жены, Розалинда”.

Орландо. Беру тебя в жены, Розалинда.

Розалинда. Я могла бы потребовать свидетельство на право венчаться. Но я и так беру тебя в мужа, Орландо!..

Невеста опередила священника: ведь у женщины мысли всегда обгоняют действия.

Орландо. Это свойственно всем мыслям: они крылаты.

Розалинда. Ну, а скажите, сколько времени вы захотите владеть ею после того, как ее получите?

Орландо. Вечность и один день.

Розалинда. Скажите: “один день” без “вечности”. Нет, нет, Орландо: мужчина — апрель, когда ухаживает; а женится — становится декабрем. Девушка, пока она девушка, — май; но погода меняется, когда она становится женой. Я буду ревнивее, чем берберийский голубь к своей голубке, крикливее, чем попугай под дождем, капризней, чем обезьяна, вертлявей, чем мартышка; буду плакать из-за пустяка, как Диана у фонтана, как раз тогда, когда ты будешь расположен повеселиться, и буду хохотать, как гиена, как раз тогда, когда тебе захочется спать.

Орландо. Но неужели моя Розалинда будет так поступать?

Орнамент эпохи Ренессанса.

Розалинда. Клянусь жизнью, она будет поступать точь-в-точь, как я.

Орландо. О!.. Но ведь она умна.

Розалинда. Да, иначе у нее не хватило бы ума на это. Чем умнее, тем капризнее. Замкни перед женским умом дверь — он выбежит в окно; запри окно — он ускользнет в замочную скважину; заткни скважину — он улетит в дымовую трубу.

Орландо. Человек, которому досталась бы жена с таким умом, мог бы спросить: “Ум, ум, куда ты лезешь?”

Розалинда. Нет, этот вопрос вы должны приберечь до той поры, когда увидите, как ваша жена полезет на кровать вашего соседа.

Орландо. А у какого ума хватило бы ума найти этому оправдание?

Розалинда. Вот пустяки! Она скажет, что отправилась туда искать вас. Без ответа вы никогда не останетесь, — разве что она останется без языка. Такая женщина, которая не сумеет всегда свалить всю вину на мужа, — о, лучше пусть она не кормит сама своего ребенка, не то выкормит дурака!

Орландо. Я покину тебя на два часа, Розалинда.

Розалинда. Увы, любовь моя, я не могу прожить двух часов без тебя!

Орландо. Я должен прислуживать герцогу за обедом. В два часа я опять буду с тобой.

Розалинда. Ну, ступайте, ступайте своей дорогой; я знал, что это так будет. Мои друзья предостерегали меня... и сам я

так думал; но ваши льстивые речи соблазнили меня. Еще один покинутый... Приди же, смерть! В два часа, говорите вы?

Орландо. Да, прелестная Розалинда.

Розалинда. Ручаюсь моей верностью, истинная правда, бог мне свидетель, клянусь всеми хорошими и неопасными клятвами: если вы хоть на одну йоту нарушите ваше обещание или на одно минуту опоздаете, я сочту вас самым жестоким клятвопреступником, самым неверным любовником и самым недостойным той, которую вы зовете своей Розалиндой, какой только найдется в великой толпе изменников. Поэтому бойтесь моего приговора и сдержите свое обещание.

Орландо. Сдержу так же свято, как если бы ты действительно был моей Розалиндой! Итак, прощай.

Розалинда. Посмотрим. Время — старый судья — разбирает все такие преступления... Пусть оно рассудит и нас. Прощай.

Орландо уходит.

Селия. Ты просто оклеветала наш пол в своей любовной болтовне. Следовало бы задрать тебе на голову камзол и панталоны и показать миру, что птица сделала со своим собственным гнездом.

Розалинда. О сестрица, сестрица, моя милая сестричка, если бы ты знала, на сколько футов глубины я погрузилась в любовь!.. Но измерить это невозможно: у моей любви неисследованное дно, как в Португальском заливе.

С е л и я. Вернее, она просто бездонна: сколько чувства в нее ни вливай, все выливается обратно.

Р о з а л и н д а. Нет, пусть судит о глубине любви моей сам незаконный сын Венеры, задуманный мыслью, зачатый раздражением и рожденный безумием, этот слепой и плутоватый мальчишка, который дурачит чужие глаза потому, что потерял свои собственные. Говорю тебе, Алиена, я не могу жить без Орlando. Пойду поищу тенистый уголок и буду там вздыхать до его прихода.

С е л и я. А я пойду поспать!

Уходят.

Сцена 2

Лес.

Входят Жак, вельможи и охотники.

Ж а к. Кто из вас убил оленя?

П е р в ы й в е л ь м о ж а. Я, сударь.

Ж а к. Представим его герцогу как римского победителя; хорошо было бы украсить его голову оленьими рогами в виде триумфального венка. — Охотники, нет ли у вас какой-нибудь песни на этот случай?

О х о т н и к. Есть, сударь.

Ж а к. Так спойте ее, как бы ни фальшивили — это не важно, лишь бы шуму было побольше.

Музыка.

О х о т н и к
(поет)

Носи, охотник, в награждение
Ты шкуру и рога оленьи;
Мы ж песнь споем!

Остальные подхватывают припев.

Носить рога не стыд тебе;
Они давно в твоём гербе.
Носил их прадед с дедом,
Отец за ними следом...
Могучий рог, здоровый рог
Смешон и жалок быть не мог!

Уходят.

Сцена 3

Лес.

Входят Розалинда и Селяя.

Р о з а л и н д а. Что ты скажешь? Два часа прошло, а моего Орlando не видно.

С е л и я. Ручаюсь, что он от чистой любви и умственного расстройства взял свой лук и стрелы и отправился спать. Но посмотри, кто идет сюда?

Входит Сильвий.

Сильвий

К вам порученье, юноша прекрасный,
От милой Фебы — это вам отдать.

(Дает письмо.)

Не знаю содержания; но, судя
По гневным взорам и движениям резким,
С которыми письмо она писала,
Письмо — сердитое. Простите мне:
Я не причем — я лишь ее посланец.

Розалинда
(прочитав письмо)

Само терпенье вышло б из себя
От этих строк!

Снести их — все снесешь!
Я некрасив, мол, и манер не знаю;
Я горд; она в меня бы не влюбилась,
Будь реже феникса мужчины. К черту!
Ее любовь — не заяц, мной травимый.
Зачем она так пишет?..

Нет, пастух,
Посланье это сочинил ты сам.

Сильвий

О нет, клянусь, не знаю я, что в нем;
Его писала Феба.

Розалинда

Ты безумец,
До крайности в своей любви дошедший.
А руки у нее! Дубленой кожи
И цветом — как песчаник; я их принял
За старые перчатки, а не руки.
Совсем кухарки руки. Но не важно —
Ей этого письма не сочинить.
Да в нем и слог и почерк — все мужское.

Сильвий

Нет, все ее.

Розалинда

Но как же? Слог и наглый и суровый —
Слог дуэлиста. И чернит меня,
Как турки христиан. Ум нежный женский
Не мог создать таких гигантских грубых
И эфиопских слов, чей смысл чернее,
Чем самый вид. Письмо прослушать хочешь?

Сильвий

Прошу, прочтите: я его не слышал...
Но знаю хорошо жестокость Фебы.

Розалинда

Вот вам и Феба! Как злодейка пишет!

As you like it

(Читает.)

“Вид пастуха принявший бог,
Не ты ли сердце девы сжег?”

Может ли женщина так браниться?

С и л ь в и й. Вы называете это бранью?

Р о з а л и н д а
(читает)

“Зачем святыню ты забыл
И с женским сердцем в бой вступил?”

Может ли женщина так оскорблять?

“Мужчины взоры никогда
Не причиняли мне вреда”.

Что же я — животное, что ли?

“Коль гневный взгляд твоих очей
Страсть возбудил в душе моей, —
Увы, будь полон добротой,
Он чудеса б свершил со мной!
Влюбилась, слыша оскорбленья, —
Что б сделали со мной моленья?
Посол мой, с кем любовь я шлю,
Не знает, как тебя люблю.
С ним, за печатью, мне ответь:
Навеки хочешь ли владеть
Всем, что отдам я с упоеньем?”

Иль с ним ты мне пошли “прости” —
И смерть сумею я найти!”

Сильвий. Это вы называете бранью?

Селия. Увы, бедный пастух!

Розалинда. Ты его жалеешь? Нет, он не стоит жалости. — Как ты можешь любить подобную женщину? Она из

Английская актриса XVIII века Аббингтон в роли Розалинды

тебя делает инструмент и разыгрывает на тебе фальшивые мелодии. Этого нельзя терпеть! Ладно, возвращайся к ней — видно, любовь сделала из тебя ручную змею — и скажи ей, что если она меня любит, я приказываю ей любить тебя; а если она этого не исполнит, я никогда не буду с ней иметь никакого дела, разве ты сам станешь меня умолять за нее. Если ты истинный влюбленный... Но ступай отсюда и ни слова больше, потому что к нам идут гости.

Сильвий уходит. Входит Оливер.

Оливер

Привет, друзья! Не знаете ли вы,
Где мне найти здесь на опушке леса
Пастушью хижину среди олив?..

Селия

На западе отсюда: там в ложине,
Где ивы у журчащего ручья, —
От них направо будет это место.
Но дом сейчас сам стережет себя:
В нем — никого.

Оливер

Когда язык глазам помочь способен —
По описанью я узнать вас должен:
Одежда, возраст... “Мальчик — белокурый,

На женщину похож, ведет себя
Как старшая сестра... Девуца — меньше
И посмуглее брата". Так не вы ли
Хозяева той хижины, скажите?

С е л и я

Не хвастаясь, ответить можем: мы.

О л и в е р

Орlando вам обоим шлет привет,
Тому ж, кого зовет он Розалиндой,
Платок в крови он шлет. Вы этот мальчик?

Р о з а л и н д а

Да, я... Но что же мы от вас узнаем?

О л и в е р

Мой стыд, коль захотите знать, что я
За человек и где и как был смочен
Платок в крови.

С е л и я

Прошу вас, расскажите.

О л и в е р

Расставшись с вами, молодой Орlando
Вам обещал вернуться через час.
Он шел лесной тропинкой, погруженный

То в сладкие, то в горькие мечтання...
Вдруг — что случилось? Кинул взор случайно —
И что же видит он перед собой?
Под дубом, мхом от старости поросшим,
С засохшею от дряхлости вершиной,
В лохмотьях, весь заросший,

ЖАЛКИЙ ПУТНИК

Лежал и спал; а шею обвила
 Ему змея зелено-золотая,
 Проворную головку приближая
 К его устам. Внезапно увидав
 Орlando, в страхе звенья разомкнула
 И, извиваясь, ускользнула быстро
 В кусты. А в тех кустах лежала львица
 С иссохшими от голода сосцами,
 К земле приникнув головой,

как кошка,

Следя, когда проснется спящий; ибо
По царственной натуре этот зверь
Не тронет никого, кто с виду мертв.
Тут к спящему приблизился Орlando —
И брата в нем узнал, родного брата!

Селія

Он говорил не раз об этом брате...
Чудовищем его онставлял
Ужаснейшим.

О л и в е р

И в этом был он прав.
Чудовищем тот был, я это знаю!

Р о з а л и н д а

Но что ж Орландо? Он его оставил
На пищу львице тощей и голодной?

О л и в е р

Два раза уж хотел он удалиться:
Но доброта, что благородней мести,
И голос крови, победивший гнев,
Заставили его схватиться с зверем;
И львицу он убил. При этом шуме
От тягостного сна проснулся я.

С е л и я

Вы брат его?

Р о з а л и н д а

И это вас он спас?

С е л и я

Но вы ж его не раз убить хотели!

Оливер

Да, то был я; но я — не тот; не стыдно
Мне сознаваться, кем я был, с тех пор
Как я узнал раскаяния сладость.

Розалинда

Ну, а платок в крови?

Оливер

Все объясню вам.

Когда с начала до конца мы оба
В благих слезах омыли свой рассказ
И он узнал, как я попал сюда, —
Он к герцогу добрейшему меня
Повёл. Тот дал мне пищу и одежду
И братской поручил меня любви.
Тут брат повел меня к себе в пещеру,
Там снял одежды он, и я увидел,
Что львицей вырван у него клочок мяса;
Кровь из руки текла, и вдруг упал он
Без чувств, успев лишь вскрикнуть: “Розалинда!”
Его привел я в чувство, руку я
Перевязал ему: он стал покрепче
И тут послал меня — хоть я чужой вам —
Все рассказать, просить у вас прощенья,
Что слова не сдержал, платок же этот

В крови отдать мальчишке-пастуху,
Что в шутку звал своей он Розалиндой.

Розалинда лишается чувств.

С е л и я

О что с тобой, мой милый Ганимед?

О л и в е р

Иные вид крови не выносят.

С е л и я

О нет, тут больше. Роза... Ганимед!

О л и в е р

Очнулся он...

Р о з а л и н д а

Домой, хочу домой.

С е л и я

Тебяведем мы.

Прошу, возьмите под руку его.

О л и в е р. Подбодритесь, молодой человек. И это мужчина?... У вас не мужское сердце!

Р о з а л и н д а. Да, сознаюсь в этом. А что, сударь, не скажет ли всякий, что это было отлично разыграно? Пожалуй-

ста, расскажите вашему брату, как я хорошо разыграл обморок.. Гей-го!

О л и в е р. Ну нет, это не было разыграно: ваша бледность доказывает настоящее волнение.

Р о з а л и н д а. Разыграно, уверяю вас!

О л и в е р. Ну, хорошо: так соберитесь с духом и разыграйте из себя мужчину.

Р о з а л и н д а. Я так и сделаю. Но, по чистой совести, мне бы следовало быть женщиной!

С е л и я. Ты все бледнее и бледнее! Пойдем домой. — Будьте так добры, сударь, проводите нас.

О л и в е р

Охотно: я ведь должен принести

Слова прощенья Розалинды брату.

Р о з а л и н д а. Я уж что-нибудь придумаю... Но только, пожалуйста, расскажите ему, как я ловко разыграл обморок. Идем!

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Лес.

Входят Оселок и Одри.

Оселок. Уж мы найдем время, Одри; потерпи, милая Одри!

Одри. Право, тот священник отлично бы пригодился, что там ни говори старый господин.

Оселок. Нет, никуда не годный этот Оливер, в высшей степени гнусный путаник! Но, Одри, здесь в лесу есть молодой человек, который имеет на тебя притязания.

Одри. Да, я знаю кто. Никакого ему дела до меня нет. Да вот тот самый человек, про кого вы думаете.

Оселок. Меня хлебом не корми, вином не пои, только покажи мне какого-нибудь олуха. Право, нам, людям острого ума, за многое приходится отвечать. Мы не можем удержать — непременно всех вышучиваем.

Входит Уильям.

Уильям. Добрый вечер, Одри.

О д р и. И вам дай бог добрый вечер, Уильям.

У и л ь я м. И вам добрый вечер, сударь.

О с е л о к. Добрый вечер, любезный друг. Надень шляпу, надень; да прошу же тебя, накройся. Сколько тебе лет, приятель?

У и л ь я м. Двадцать пять, сударь.

О с е л о к. Зрелый возраст! Тебя зовут Уильям?

У и л ь я м. Уильям, сударь.

О с е л о к. Хорошее имя! Ты здесь в лесу и родился?

У и л ь я м. Да, сударь, благодарение богу.

О с е л о к. “Благодарение богу”? Хороший ответ! Ты богат?

У и л ь я м. Правду сказать, сударь, так себе.

О с е л о к. “Так себе”. Хорошо сказано, очень хорошо, чрезвычайно хорошо; впрочем, нет, не хорошо, так себе! А ты умен?

У и л ь я м. Да, сударь, умом бог не обидел.

О с е л о к. Правильно ты говоришь. Я вспоминаю поговорку: “Дурак думает, что он умен, а умный человек знает, что он глуп”. Языческий философ, когда ему приходило желание поесть винограду, всегда раскрывал губы, чтобы положить его в рот, подразумевая под этим, что виноград создан затем, чтобы его ели, а губы — затем, чтобы их раскрывали. Любишь ты эту девушку?

У и л ь я м. Да, сударь.

О с е л о к. Давай руку. Ты ученый?

У и л ь я м. Нет, сударь.

О с е л о к. Так поучись у меня вот чему: иметь — значит иметь. В риторике есть такая фигура, что когда жидкость переливают из чашки в стакан, то она, опорожня чашку, наполняет стакан, ибо все писатели согласны, что “ipse”¹ — это он, ну а ты — не “ipse”, так как он — это я.

У и л ь я м. Какой это “он”, сударь?

О с е л о к. “Он”, сударь, который должен жениться на этой женщине. Поэтому ты, деревенщина, покинь, что, говоря низким слогом, значит — оставь, общество, что, говоря мужицким слогом, значит — компанию, этой особы женского пола, что, говоря обыкновенным слогом, значит — женщины, а вместе взятое гласит: Покинь общество этой особы женского пола, — иначе, олух, ты погибнешь, или, чтобы выразиться понятнее для тебя, помрешь! Я тебя убью, уничтожу, превращу твою жизнь в смерть, твою свободу в рабство; я расправлюсь с тобой с помощью яда, палочных ударов или клинка; я создам против тебя целую партию и сгублю тебя политической хитростью; я пушу в ход против тебя яд, или бастонаду, или сталь; я тебя погублю интригами, я умерщвлю тебя ста пятьюдесятью способами: поэтому трепещи — и удались!

О д р и. Уйди, добрый Уильям!

У и л ь я м. Сударь, да хранит вас бог всегда таким веселым. (*Уходит.*)

Входит К о р и н.

¹ Сам, он самый. (*Лат.*)

Оселок и Уильям. Рис. Бейзма Шоу.

К о р и н. Хозяин и хозяйка ищут вас: ступайте-ка, ступайте, поторапливайтесь!

О с е л о к. Беги, Одри, беги, Одри! — Иду, иду.

Уходят.

Сцена 2

Лес.

Входят Орlando и Оливер.

О р л а н д о. Возможно ли, что при таком кратковременном знакомстве она сразу понравилась тебе? Едва увидев, ты полюбил? Едва полюбив, сделал предложение? Едва сделал предложение, как получил согласие? И ты настаиваешь на том, чтобы обладать ею?

О л и в е р. Не удивляйся сумасбродству всего этого, ни ее бедность, ни кратковременности нашего знакомства, ни моему внезапному предложению, ни ее внезапному согласию; но скажи вместе со мной, что я люблю Алиену; скажи вместе с ней, что она любит меня; и согласись с нами обоими, что мы должны обладать друг другом. Тебе это будет только на пользу, потому что и дом отца и все доходы, принадлежавшие старому синьору Роланду, я уступлю тебе, а сам останусь, чтобы жить и умереть пастухом.

Входит Розалинда.

Р о з а л и н д а. Храни вас бог, брат мой.

О л и в е р. И вас, прекрасная сестра. (*Уходит.*)

Розалинда. О мой дорогой Орlando, как мне грустно, что ты носишь сердце на перевязи.

Орlando. Только руку.

Розалинда. А я думал, что твое сердце ранено львиными когтями.

Орlando. Оно ранено, но только глазами женщины.

Розалинда. Рассказал вам ваш брат, как я хорошо разыграл обморок, когда он показал мне ваш платок?

Орlando. Да, и еще о больших чудесах.

Розалинда. А, я знаю, о чем вы говорите! Нет, это правда. Ничего не могло быть внезапнее — разве драка между двумя козлами или похвальба Цезаря: “Пришел, увидел, победил”. Действительно: ваш брат и моя сестра едва встретились — взглянули друг на друга, едва взглянули — влюбились, едва влюбились — стали вздыхать, едва стали вздыхать — спросили друг у друга о причине вздохов, едва узнали причину — стали искать утешения... и так быстро соорудили брачную лестницу, что теперь надо им без удержу взбираться на самый верх или быть невоздержанными до брака; они прямо в любовном бешенстве и тянутся друг к другу так, что их палками не разгонишь.

Орlando. Они обвенчаются завтра. И я приглашу на свадьбу герцога. Но, боже мой, как горько видеть счастье глазами других. Завтра я буду тем несчастнее, чем счастливее будет мой брат, овладевший предметом своих желаний.

Розалинда. Как! Значит, завтра я уже не смогу заменить вам Розалинду?

Орландо. Я не могу больше жить воображением!

Розалинда. Так я не стану вас больше утомлять пустыми разговорами. Слушайте же меня — теперь я говорю совсем серьезно: я считаю вас человеком очень сообразительным; но говорю я это не для того, чтобы вы получили хорошее представление о моих суждениях, поскольку я вас таким считаю; равным образом я не стараюсь заслужить от вас больше уважения, чем нужно для того, чтобы вы немного поверили мне... Я хочу оказать вам услугу, а вовсе не прославить себя. Так вот, верьте, если вам угодно, что я могу делать удивительные вещи. Я с трехлетнего возраста завел знакомство с одним волшебником, чрезвычайно сильным в своем искусстве, но при этом не имевшим дела с нечистой силой. Если вы любите Розалинду так сердечно, как можно судить по вашему поведению, то, когда ваш брат женится на Алиене, вы женитесь на ней. Мне известно, в каких трудных обстоятельствах она находится, и у меня есть возможность — если вы не найдете это неуместным — показать ее вам завтра в настоящем виде, и притом не подвергая ее никакой опасности.

Орландо. Неужели ты говоришь это серьезно?

Розалинда. Да, клянусь моей жизнью, которую я дорожу, хотя и говорю, что я волшебник. Поэтому наденьте ваше лучшее платье и пригласите друзей, ибо, если вы желаете, завтра вы женитесь, и притом, если вам угодно, на Розалинде.

Входят Сильвий и Феба.

Смотрите — вот идут влюбленная в меня и влюбленный в нее.

Ф е б а
(Розалинде)

Как вы со мной жестоко поступили,
Что прочитали вслух мое письмо!

Р о з а л и н д а

А что мне в том?.. Я и намерен вам
Жестоким и презрительным казаться.
Пастух ваш верный здесь: его цените,
Его любите; он вас обожает.

Ф е б а

Мой друг пастух, скажи ему, что значит любить.

С и л ь в и й

Вздыхать и плакать беспрестанно —
Вот так, как я по Фебе.

Ф е б а

А я — по Ганимеду.

О р л а н д о

А я — по Розалинде.

Розалинда

А я — ни по одной из женщин.

Сильвий

Всегда быть верным и на все готовым —
Вот так, как я для Фебы.

Феба

А я — для Ганимеда.

Орlando

А я — для Розалинды.

Розалинда

А я — ни для одной из женщин.

Сильвий

Быть созданным всецело из фантазий,
Из чувств волнующих и из желаний,
Боготворить, покорствовать, служить,
Терпеть, смиряться, забывать терпенье,
Быть чистым и сносить все испытанья —
Вот так, как я для Фебы.

Феба

А я — для Ганимеда.

Орландо

А я — для Розалинды.

Розалинда

А я — ни для одной из женщин.

Феба

Коль так, что ж за любовь меня винишь?

Сильвий

Коль так, что ж за любовь меня винишь?

Орландо

Коль так, что ж за любовь меня винишь?

Розалинда. Кому вы сказали: “Коль так, что ж за любовь меня винишь?”

Орландо. Той, кто не здесь... и кто меня не слышит.

Розалинда. Пожалуйста, довольно этого: вы точно ирландские волки, воющие на луну. (*Сильвию.*) Я помогу вам, если смогу. (*Фебе.*) Я полюбил бы вас, если бы мог. — Приходите завтра все ко мне. (*Фебе.*) Я обвенчаюсь с вами, если вообще обвенчаюсь с женщиной; а завтра я обвенчаюсь. (*К Орландо.*) Я дам вам полное удовлетворение, если вообще когда-нибудь дам удовлетворение мужчине; а завтра вы обвенчаетесь. (*Сильвию.*) Я обрадую вас, если вас обрадует обладание тем, что вам нравится; я завтра вы обвенчаетесь. (*К*

Орландо.) Во имя любви к Розалинде, приходите. (Сильвию.) Во имя любви к Фебе, приходите. И во имя отсутствия у меня любви хотя бы к одной женщине — я вас встречу. Пока прощайте: я вам оставил мои приказания.

Сильвий. О, непременно, если буду жив.

Феба. Я тоже.

Орландо. Я тоже.

Уходят.

Сцена 3

Лес.

Входят Оселок и Одри.

Оселок. Завтра счастливый день, Одри: завтра мы венчаемся.

Одри. Я желаю этого всем сердцем и надеюсь, что это не бесчестное желание — стать замужней женщиной, как все другие. А вон идут два паж изгнанного герцога.

Входят два паж.

Первый паж. Счастливая встреча, почтенный господин.

Оселок. По чести, счастливая! Садитесь, садитесь, и скорей — песню!

Второй паж. Мы к вашим услугам. Садитесь посредине.

Первый паж. Как нам начинать? Сразу? Не откашливаться, не отплевываться, не жаловаться, что мы охрипли?.. Без обычных предисловий о скверных голосах?

Второй паж. Конечно, конечно, и будем петь на один голос — как два цыгана на одной лошади. (*Поет.*)

Влюбленный с милой своей —
Гей-го, гей-го, гей-нонино! —
Среди цветущих шли полей.

Весной, весной, милой брачной порой,
Всюду птичек звон, динь-дон, динь-дон...
Любит весну, кто влюблен!

Во ржи, что так была густа, —
Гей-го, гей-го, гей-нонино! —
Легла прелестная чета.

Весной, весной...

(*и т.д.*)

Запели песнь они о том, —
Гей-го, гей-го, гей-нонино! —
Как расцветает жизнь цветком.

Весной, весной...

(*и т.д.*)

Счастливый час скорей лови. —
Гей-го, гей-го, гей-нонино!
Весна, весна — венец любви.

Весной, весной...

(и т.д.)

О с е л о к. По правде, молодые люди, хотя слова вашей песенки и не очень глубокомысленны, но спета она была пре-скверно.

П е р в ы й п а ж. Вы ошибаетесь, сударь: мы выдерживали лад и с такта не сбивались.

О с е л о к. Наоборот, клянусь честью; а вот с моей стороны было неладно и бестактно слушать песню, лишенную такта и лада. Храни вас бог... и исправь он ваши голоса. — Идем, Од-ри.

Уходят.

Сцена 4

Лес.

Входят старый герцог, Амьен, Жак, Орlando, Оливер и Селия.

Старый герцог

И веришь ты, Орlando, что твой мальчик
Исполнить может все, что обещал?

Орlando

И верю, и не верю, и боюсь
Надеяться, и все-таки надеюсь.

Входят Розалинда, Сильвий и Феба.

Розалинда

Минуточку терпения, пока
Наш договор мы точно обусловим.

(Старому герцогу.)

Так: если Розалинду приведу я,
Ее Орlando в жены вы дадите?

Старый герцог

Да, если б даже отдавал с ней царство.

Розалинда

(к Орlando)

А вы ее готовы в жены взять?

Орlando

Да, если б даже был царем всех царств!

Розалинда

(Фебе)

А вы готовы выйти за меня?

Феба

Да, если б даже смерть меня ждала!

Розалинда

Но если отречетесь от меня?
За преданного пастуха пойдете?

Ф е б а

Торг заключен.

Р о з а л и н д а
(Сильвию)

А вы готовы Фебу в жены взять?

С и л ь в и й

Да, будь она и смерть — одно и то же.

Р о з а л и н д а

Я обещал все это вам уладить.
Сдержите ж слово, герцог, — дочь отдать;
А вы, Орландо, — дочь его принять;
Вы, Феба, — выйти замуж за меня,
А если нет — стать пастуха женою;
Вы ж, Сильвий, — с Фебой тотчас обвенчаться,
Когда откажет мне она. Теперь
Уйду я, чтобы это все уладить.

Розалинда и Селия уходят.

С т а р ы й г е р ц о г

Невольно что-то в этом пастушке
Мне дочери черты напоминает!

О р л а н д о

Когда его я встретил, государь,
Подумал я, что он ей брат, по сходству.

Но, ваша светлость, он в лесу родился,
И здесь он получил зачатки знания
Магических наук и тайн — от дяди,
Которого считает славным магом,
Затерянным в лесном уединенье.

Входят Оселок и Одри.

Ж а к. Наверно, близится новый всемирный потоп и эти пары идут в ковчег. Вот еще пара очень странных животных, которых на всех языках называют дураками.

О с е л о к. Поклон и привет всему обществу!

Ж а к. Добрый герцог, примите его благосклонно: это тот господин с пестрыми мозгами, которого я часто встречал в лесу; он клянется, будто жилал при дворе.

О с е л о к. Если кто-нибудь в этом усомнится, пусть произведет мне испытание. Я танцевал придворные танцы; я ухаживал за дамами; я был политичен с моим другом и любезен с моим врагом; я разорил трех портных; я имел четыре ссоры, и одна из них чуть-чуть не окончилась дуэлью.

Ж а к. А как же эта ссора уладилась?

О с е л о к. А мы сошлись и убедились, что ссора наша была по седьмому пункту.

Ж а к. Как это — по седьмому пункту? Добрый герцог, прошу вас полюбить этого человека.

С т а р ы й г е р ц о г. Он мне очень полюбился.

О с е л о к. Награди вас бог, сударь; об этом же я вас и прошу. Я поспешил сюда, сударь, с остальными этими деревен-

скими парочками, чтобы дать здесь клятву и нарушить ее, так как брак соединяет, а природа разъединяет. Бедная девственница, сударь, существо на вид невзрачное, сударь, но мое собственное; таков уж мой скромный каприз — взять себе то, чего никто другой не захочет: богатая добродетель живет, как скупец в бедной лачуге, вроде как жемчужина в мерзкой устрице.

Старый герцог. Клянусь честью, он быстр, умен и меток.

Оселок. Как и должны быть стрелы шута, сударь, и тому подобные приятные неприятности.

Жак. Но вернемся к седьмому пункту. Как вы убедились, что ссора у вас вышла именно по седьмому пункту?

Оселок. Она произошла из-за семикратно опровергнутой лжи. — Держись приличней, Одри! — Вот как это было, государь. Мне не понравилась форма бороды у одного из придворных. Он велел передать мне, что если я нахожу его бороду нехорошо подстриженной, то он находит ее красивой; это называется *учтливое возражение*. Если я ему отвечу опять, что она нехорошо подстрижена, то он возразит мне, что он так стрижет ее для своего собственного удовольствия. Это называется *скромная насмешка*. Если я опять на это скажу “нехорошо подстрижена”, он скажет, что мое суждение никуда не годится. Это будет *грубый ответ*. Еще раз “нехорошо” — он ответит, что я говорю неправду. Это называется *смелый упрек*. Еще раз “нехорошо” — он скажет, что я лгу. Это называется *дерзкая контратака*.

И так — до лжи применительно к обстоятельствам и лжи прямой.

Ж а к. Сколько же раз вы сказали, что его борода плохо подстрижена?

О с е л о к. Я не решился пойти дальше лжи применительно к обстоятельствам, а он не посмел довести до прямой. Таким образом, мы измерили шпаги и разошлись.

Ж а к. А вы можете перечислить по порядку все степени лжи?

О с е л о к. О, сударь, мы ссорились по книжке; есть такие книжки для изучения хороших манер. Я назову все степени: первая — учтивое возражение, вторая — скромная насмешка, третья — грубый ответ, четвертая — смелый упрек, пятая — дерзкая контратака, шестая — ложь применительно к обстоятельствам и седьмая — прямая ложь. Все их можно удачно обойти, кроме прямой лжи, да и ту можно обойти при помощи словечка “если”. Я знал случай, когда семеро судей не могли уладить ссоры, но когда оба противника сошлись, то один из них вспомнил о словечке “если”, то есть “если вы сказали то-то, то я сказал то-то”... После этого они пожали друг другу руки и поклялись в братской любви. О, “если” — это великий миротворец; в “если” огромная сила.

Ж а к. Ну не редкостный ли это человек, ваша светлость? Он во всем такой же молодой, а между тем — шут.

Старый герцог. Он употребляет свое шутовство как прикрытие, из-под которого пускает стрелы своего остроумия.

Входят Гименей, Розалинда и Селия.

Тихая музыка.

Гименей

На небе ликованье,
Когда в земных созданиях
Царит согласие.
О герцог, дочь родную
С небес тебе верну я
Гимена властью,
Чтоб ты теперь ее вручил
Тому, кто сердцу девы мил.

Розалинда
(старому герцогу)

Вам отдаюсь я, так как я вся ваша.

(К Орландо.)

Вам отдаюсь я, так как я вся ваша.

Старый герцог

Коль верить мне глазам, ты — дочь моя!

О р л а н д о

Коль верить мне глазам, вы — Розалинда!

Ф е б а

Коль правду вижу я,
Прощай, любовь моя!

Р о з а л и н д а
(старому герцогу)

Коль не тебя, не нужно мне отца.

(К Орландо.)

Коль не тебя, не нужно мне супруга.

(Фебе.)

Ты — иль никто не будет мне женой.

Г и м е н е й

Довольно! Прочь смятенье!
Я должен заключенье
Всем чудесам принести.
Здесь — восьмерых союзы
Гимена свяжут узы,
Коль в правде правда есть.

(К Орландо и Розалинде.)

Вам — быть неразлучными вечно!

(Оливеру и Селии.)

Вам — любить всегда сердечно!

(Фебе, указывая на Сильвию.)

Быть его — судьба твоя,
Или взять женщину в мужа.

(Оселку и Одри.)

Вы же связаны природой,
Как зима с плохой погодой. —
Брачный гимн мы вам споем.
Потолкуйте обо всем.
Вам разум объяснит всецело,
Как мы сошлись, чем кончим дело.

(Поэт.)

О брак, Юноны ты оплот,
Святой союз стола и ложа!
Гимен людей земле дает.
Венчаньем население множа.
Гимен, бог всей земли! Почтим
Тебя хвалением своим

Старый герцог

Племянница, обнять тебя хочу я
Не менее, чем дочь мою родную!

Ф е б а

(Сильвию)

Сдержу я слово — и теперь ты мой.
Ты стал мне дорог верностью большой.

Входит Жак де Буа.

Жак де Буа

Прошу, позвольте мне сказать два слова!
Я средний сын Роланда де Буа.
Собранью славному несу я вести,

Орнамент эпохи Ренессанса

Что герцог Фредерик, все чаще слыша,
Как в этот лес стекается вся доблесть,
Собрал большую рать и сам ее
Повел как вождь, замыслив захватить
Здесь брата и предать его мечу.

Так он дошел уж до опушки леса,
Но встретил здесь отшельника святого.
С ним побеседовав, он отрешился
От замыслов своих, да и от мира.
Он изгнанному брату возвращает
Престол, а тем, кто с ним делил изгнание, —
Все их владения. Что это правда —
Клянусь я жизнью.

С т а р ы й г е р ц о г

Юноша, привет!

Ты к свадьбе братьев дар принес прекрасный.
Владения — одному из них, другому —
Весь край родной и герцогство в грядущем,
Но раньше здесь, в лесу, покончим все,
Что началось и зародилось здесь же;
А после каждый из числа счастливых,
Что с нами дни тяжелые делили,
Разделит к нам вернувшиеся блага,
Согласно положенью своему.
Пока ж забудем новое величие
И сельскому веселью предадимся. —
Эй, музыки! — А вы, чета с четой —
Все в лад пуститесь в пляске круговой.

Ж а к

Скажите мне! Когда я верно понял,

То бывший герцог жизнь избрал святую
И презрел роскошь пышного двора?

Ж а к д е Б у а

Да, так!

Ж а к

Пойду к нему. У этих обращенных
Есть что послушать и чему учиться.

(Старому герцогу.)

Вас оставляю прежнему почету;
Терпением он и доблестью заслужен.

(К Орландо.)

Вас — той любви, что верность заслужила.

(Оливеру.)

Вас — вашим землям, и любви, и дружбе.

(Сильвию.)

Вас — долгому заслуженному браку.

(Оселку.)

Вас — драке; в брачный путь у вас припасов
На месяц — два. Желая развлекаться!
А я не склонен пляской услаждаться.

С т а р ы й г е р ц о г

Останься, Жак!

Ж а к

Ну нет! Я не любитель развлечений;
В пещере ваших буду ждать велений.

(Уходит.)

С т а р ы й герцог

Вперед, вперед! Начнем мы торжество
И так же кончим в радости его!

Пляска.

Уходят.

ЭПИЛОГ

Розалинда. Не принято выводить женщину в роли Эпилога; но это несколько не хуже, чем мужчину в роли Пролога. Если правда, что хорошему вину не нужно этикетки, то правда и то, что хорошей пьесе не нужен Эпилог. Однако на хорошее вино наклеивают этикетки, а хорошие пьесы становятся еще лучше при помощи хороших Эпилогов. Каково же мое положение? Я — не хороший Эпилог и заступаюсь не за хорошую пьесу! Одет я не по-нищенски, значит, просить мне не пристало; мне надо умолять вас; и я начну с женщин. О женщины, той любовью, которую вы питаете к мужчинам, заклинаю вас одобрить в этой пьесе все, что вам нравится в ней. А вас, мужчины, той любовью, что вы питаете к женщинам, — а по вашим улыбкам я вижу, что ни один из вас не питает к ним отвращения, — я заклинаю вас сделать так, чтобы и вам и женщинам пьеса наша понравилась. Будь я женщиной, я расцеловала бы тех из вас, чьи бороды пришлись бы мне по вкусу, чьи лица понравились бы мне и чье дыхание не было бы мне противно; поэтому я уверен, что все, у кого прекрасные лица, красивые бороды и приятное дыхание, в награду за мое доброе намерение ответят на мой поклон прощальными рукоплесканиями. (*Уходит.*)

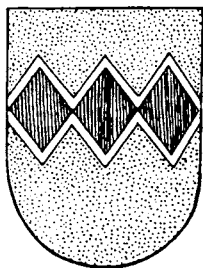
ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

**Двенадцатая ночь,
или
Что угодно**

комедия в V актах

Перевод Э.Линецкой

Действующие лица

Орсино, герцог Иллирийский.

Себастьян, брат Виолы.

Антонио, капитан корабля, друг Себастьяна.

Капитан корабля, друг Виолы.

Валентин		приближенные
----------	--	--------------

Курио		герцога.
-------	--	----------

Сэр Тоби Белч, дядя Оливии.

Сэр Эндрю Эгьючик.

Мальволио, дворецкий Оливии.

Фабиан		слуги
--------	--	-------

Фесте, шут		Оливии.
------------	--	---------

Оливия.

Виола.

Мария, камеристка Оливии.

Придворные, священник, матросы, пристава,
музыканты, слуги.

*Место действия — город в Иллирии и морской берег
вблизи него.*

АКТ I

Сцена 1

Дворец герцога.

Входят герцог, Курио и другие придворные,
музыканты.

Герцог

О музыка, ты пища для любви
Играйте же, любовь мою насытьте,
И пусть желанье, утолясь, умрет!
Вновь повторите тот напев щемящий, —
Он слух ласкал мне, точно трепет ветра,
Скользнувший над фиалками тайком,
Чтоб к нам вернуться, ароматом вея.
Довольно! Он когда-то был нежнее...
Как ты могуч, как дивен, дух любви!
Ты можешь все вместить, подобно морю,
Но то, что попадет в твою пучину,
Хотя бы и ценнейшее на свете,
Утрачивает ценность в тот же миг!

Такого обаянья ты исполнен,
Что подлинно чаруешь только ты!

Курио

Угодно ль вам охотиться сегодня?

Герцог

А на какого зверя?

Курио

На оленя.

Герцог

О, Курио, я сам оленем стал!
Когда мой взор Оливию увидел,
Как бы очистился от смрада воздух,
А герцог твой в оленя превратился,
И с той поры, как свора жадных псов,
Его грызут желанья...

Входит Валентин.

Наконец-то!
Какую весть Оливия мне шлет?

Валентин

Я не был к ней допущен, ваша светлость.
Служанка мне передала ответ,

И он гласил, что даже небеса
Ее лица открытым не увидят,
Пока весна семь раз не сменит зиму.
Росою слез кропя свою обитель,
Она затворницею будет жить,
Чтоб нежность брата, отнятого гробом,
В скорбящем сердце не могла истлеть.

Г е р ц о г

О, если так она платить умеет
Дань сестринской любви, то как полюбит,
Когда пернатой золотой стрелой
Убиты будут все иные мысли,
Когда престолы высших совершенств
И чувств прекрасных — печень, мозг и сердце —
Навек займет единый властелин! —
Идемте же под своды рощ зеленых;
Их тень сладка мечтаниям влюбленных.

Уходят.

Сцена 2

Берег моря.

Входят Виола, капитан и матросы.

В и о л а

Где мы сейчас находимся, друзья?

Капитан

Мы, госпожа, в Иллирию приплыли.

Виола

Но для чего в Иллирии мне жить,
Когда мой брат в Элизии блуждает?
А вдруг случайно спасся он?

Капитан

Возможно:

Ведь вы спаслись!

Виола

Увы! Мой бедный брат...
Какой бы это был счастливый случай!

Капитан

Но, госпожа, должно быть так и есть:
Когда разбился наш корабль о скалы
И все мы — горсть оставшихся в живых —
Носились по волнам в убогой лодке,
Ваш брат, сообразительный в беде,
Наученный отвагой и надеждой,
Себя к плывущей мачте привязал
И, оседлав ее, поплыл по морю,

Как на спине дельфина — Арион.
Я это видел сам.

В и о л а

Вот золото в награду за рассказ.
Он укрепляет робкую надежду,
Рожденную спасением моим,
Что жив и брат. Ты здесь бывал?

К а п и т а н

Еще бы!
Не больше трех часов ходьбы отсюда
То место, где родился я и рос.

В и о л а

Кто правит здесь?

К а п и т а н

Высокородный и достойный герцог.

В и о л а

А как его зовут?

К а п и т а н

Орсино.

В и о л а

Орсино! Мой отец о нем не раз
Мне говорил. Тогда был холост герцог.

К а п и т а н

Он холост был, когда я вышел в море,
А с той поры минул всего лишь месяц,
Но слух прошел, — ведь любит мелкий люд
Судачить о делах людей великих, —
Что герцог наш в Оливию влюблен.

В и о л а

А кто она?

К а п и т а н

Прелестная и юная дочь графа.
Он умер год назад, ее оставив
На попечение сына своего.
Тот вскоре тоже умер, и, по слухам,
Оливия, скорбя о милом брате,
Решила жить затворницей.

В и о л а

О если б
Я к ней на службу поступить могла,

До времени скрывая от людей,
Кто я такая!

Капитан

Это будет трудно:
Она не хочет видеть никого
И даже герцога не принимает.

Виола

Ты с виду прям и честен, капитан.
Хотя природа в благородный облик
Порой вселяет низменное сердце,
Мне кажется, в твоих чертах открытых,
Как в зеркале, отражена душа.
Поверь, тебя вознагражу я щедро, —
Ты лишь молчи, кто я на самом деле,
И помоги мне раздобыть одежду,
Пригодную для замыслов моих.
Я к герцогу хочу пойти на службу.
Шепни ему, что я не я, а евнух...
Он будет мной доволен: я пою,
Играю на различных инструментах.
Как дальше быть — увидим, а пока
Пусть правда не сорвется с языка.

Капитан

Вы евнух, я немой... Ну что ж, клянусь:
Коль проболтаюсь, тотчас удавлюсь.

Виола

Благодарю. Идем.

Уходят.

Сцена 3

Дом Оливии.

Входят сэр Тоби Белч и Мария.

Сэр Тоби. Ну какого дьявола моя племянница так убивается о своем покойном братце? Горе вредит здоровью, это всякий знает.

Мария. А вы, сэр Тоби, пораньше возвращались бы домой. Когда вы поздно засиживаетесь бог весть где, ваша племянница, моя госпожа, прямо из себя выходит.

Сэр Тоби. Ну и пусть себе выходит на все четыре стороны!

Мария. Нет, нехорошо, что вы являетесь в таком неприличном виде.

Сэр Тоби. А что в нем неприличного, скажи на милость? Самый подходящий для выпивки вид. И ботфорты хоть куда. А если никуда, так пусть повесятся на собственных ушках!

М а р и я. Не доведут вас до добра кутежи и попойки. Вчера об этом говорила госпожа, я сама слышала. И еще она поминала вашего дурацкого собутыльника, которого вы притащили сюда ночью и навязывали ей в женихи.

С э р Т о б и. Ты это о ком? О сэре Эндрю Эгьючике?

М а р и я. О ком же еще?

С э р Т о б и. Ну, он почище многих в Иллирии.

М а р и я. Нам-то что от его чистоты?

С э р Т о б и. А то, что у него три тысячи дукатов в год.

М а р и я. Ему и на полгода всех его дукатов не хватит — такой он дурак и мот.

С э р Т о б и. Ну что ты болтаешь! Он и на виоле играет, и на нескольких языках как по писаному говорит, и вообще богатая натура.

М а р и я. Еще бы! Дурак пренатуральный! И не только дурак, но и забияка: разумные люди говорят, что, если бы его задор не ходил в одной упряжке с трусостью, быть бы ему давным-давно покойником.

С э р Т о б и. Клянусь этой рукой, они мерзавцы и клеветники, раз несут такую чушь! Кто это тебе наплел?

М а р и я. Те самые, от которых я узнала, что он вдобавок ко всему вечера не пропустит, чтобы не выпить в вашем обществе.

С э р Т о б и. Все потому, что пьет за мою племянницу. Я буду пить за нее, пока у меня глотка не зарастет, а в Иллирии вино не переведется. Трус и мерзавец, кто не желает пить за мою племянницу, пока мозги не полетят вверх тормашка-

ми. Тсс, красotka! Castiliano vulgo! ¹ Сюда шествует сэр Эндрю Чикчирик!

Входит сэр Эндрю Эгьючик.

Сэр Эндрю. Сэр Тоби Белч! Как живете, сэр Тоби Белч?

Сэр Тоби. Дражайший сэр Эндрю!

Сэр Эндрю. Приветствую тебя, миленькая злючка!

Мария. И я вас тоже, сударь!

Сэр Тоби. Наступай, сэр Эндрю, наступай!

Сэр Эндрю. Кто это?

Сэр Тоби. Камеристка моей племянницы.

Сэр Эндрю. Милейшая миссис Наступай, я бы не прочь познакомиться с тобой поближе.

Мария. Меня зовут Мэри, сударь.

Сэр Эндрю. Милейшая миссис Мэри Наступай...

Сэр Тоби. Ты не понял рыцарь. "Наступай" — это значит "смелей", "не робей", "атакуй", "штурмуй"!

Сэр Эндрю. Ну, знаете, вы столько насчитали, что мне к ней теперь и подступиться страшно. Вот так "наступай"!

Мария. Желаю вам всего хорошего, господа мои.

Сэр Тоби. Чтоб тебе никогда не работать шпагой, сэр Эндрю, если ты так отпустишь эту красотку!

¹ На народном испанском языке! (Исп., искаж.)

Сэр Эндрю. Чтоб мне никогда не работать моей шпагой, милочка, если я так тебя отпущу. Ты что же, красавица, дураками нас считаешь? Придется прибрать тебя к рукам.

Мария. Не так-то легко я даюсь в руки, сударь.

Сэр Эндрю. А ты попробуй, дайся: вот моя рука.

Мария. Сударь, хотенье ваше, да позволение наше. Лучше отнесли бы вы свою руку в погреб и угостили бы ее элем покрепче.

Сэр Эндрю. Это зачем, душечка? Что-то мне непонятна твоя шутка.

Мария. Уж очень она слабосильная.

Сэр Эндрю. Вот это верно. А в моей руке и без эля силы хватает. Но в чем все-таки соль твоей шутки?

Мария. Для вас, сударь, она чересчур соленая.

Сэр Эндрю. И много их у тебя припасено?

Мария. Запас такой, что даже пальцы зудят. А вот сейчас я отпустила вашу руку и сразу обезопасилась. (*Уходит.*)

Сэр Тоби. Ох, рыцарь, подкрепись-ка скорее стаканчиком канарского: отроду не видел, чтобы тебя так здорово укладывали на обе лопатки.

Сэр Эндрю. Пожалуй, что и не видел... Нет, канарское тоже здорово укладывало. Право, мне иногда кажется, что у меня ума не больше, чем у любого христианина, а может, и вообще чем у любого человека. Но я большой любитель говядины, а говядина, наверно, вредит моему остроумию.

Сэр Тоби. Ну разумеется!

Сэр Эндрю. Если бы я и вправду так думал, ни за что не стал бы ее есть. Сэр Тоби, завтра я уезжаю домой.

Сэр Тоби. Pourquoi¹, мой дорогой рыцарь?

Сэр Эндрю. Что это означает — “Pourquoi”? Ехать или не ехать? Эх, если бы я убил на изучение языков то время, которое перевел на фехтование, танцы и медвежью охоту! Если бы я развивал себя!

Сэр Тоби. Твоим волосам это ни к чему.

Сэр Эндрю. А при чем тут мои волосы?

Сэр Тоби. Как это — при чем? Они же у тебя отроду не вились.

Сэр Эндрю. Ну и что же? Разве они мне не к лицу?

Сэр Тоби. Очень к лицу: висят, как лен на прялке. Вот ты обзаведешься женой, и я еще посмотрю, как она зажмет тебя промеж колен да как начнет прясть, только держись.

Сэр Эндрю. Ей-богу, завтра же я уеду. Твоя племянница не желает меня видеть. А если и пожелает, то бьюсь об заклад, что в мужья себе не возьмет: ведь за ней бегает сам герцог.

Сэр Тоби. А герцог ей ни к чему: она ни за что не выйдет за человека старше себя, или богаче, или умней; я сам слышал, как она в этом клялась. Так что не все еще пропало, дружище.

1 Почему? (Франц.)

Сэр Эндрю Эггючик. Рис. Дж. Джильберта.

Сэр Эндрю. Ну ладно, останусь на месяц. Станный у меня нрав: иной раз мне бы только ходить на балы и маскарады...

Сэр Тоби. И ты способен на такие дурачества, рыцарь?

Сэр Эндрю. Могу потягаться с кем угодно в Иллирии — конечно, не считая тех, кто знатнее меня; ну, а старикам я и вовсе в подметки не гожусь.

Сэр Тоби. И ты умеешь отплясывать гальярду, рыцарь?

Сэр Эндрю. Еще бы! Я так умею выписывать козлиные коленца...

Сэр Тоби. Не лучше, чем я умею уписывать бараньи ляжки!

Сэр Эндрю. А уж в прыжке назад мне не найдется равных во всей Иллирии.

Сэр Тоби. Так почему все эти таланты чахнут в неизвестности? Почему они скрыты от нас завесой? Или они так же боятся пыли, как портреты миссис Молл? Почему, идучи в церковь, ты не отплясываешь гальярду, а возвращаясь, не танцуешь куранту? Будь я тобой, я всегда на ходу отплясывал бы джигу и даже мочился бы в темпе контрданса. Как же так? Разве можно в этом мире скрывать свои дарования? У тебя икры такой восхитительной формы, что, бьюсь об заклад, они были созданы под звездой гальярды.

Сэр Эндрю. Да, икры у меня сильные и в оранжевых чулках выглядят совсем недурно. А не пора ли выпить?

Сэр Тоби. Что еще нам остается делать? Мы же родились под созвездием Тельца!

Сэр Эндрю. Телец? Это который грудь и сердце?

Сэр Тоби. Нет, сударь, это который ноги и бедра. А ну-ка, покажи свои коленца. Выше! Еще выше! Отменно!

Уходят.

Сцена 4

Дворец герцога.

Входят Валентин и Виола в мужском платье.

В а л е н т и н. Цезарио, если герцог и впредь будет так благоволять к вам, вы далеко пойдете: он вас знает всего три дня и уже приблизил к себе.

В и о л а. Если вы не уверены в длительности его благоволения, значит, опасаетесь изменчивости его нрава или моей нерадивости. Вы считаете, что герцог непостоянен в своих привязанностях?

В а л е н т и н. Помилуйте, я вовсе не то хотел сказать!

В и о л а. Благодарю вас. А вот и герцог.

Входят герцог, Курио и придворные.

Г е р ц о г

Кто знает, где Цезарио?

В и о л а

Я здесь, к вашим услугам, государь.

Г е р ц о г

Пусть станут все поодаль. — Я прочел,
Цезарио, тебе всю книгу сердца.
Ты знаешь все. К Оливии пойдя,
Стань у дверей, не принимай отказа,

Скажи, что ты ногами врос в порог,
И встречи с ней добейся.

В и о л а

Господин мой,
Она меня не примет, если правда,
Что так полна тоской ее душа.

Г е р ц о г

Шуми, стучи, насильно к ней ворвись,
Но поручение мое исполни.

В и о л а

Положим, я свиданья с ней добьюсь:
Что мне сказать ей?

Г е р ц о г

Пусть она поймет
Всю преданность, весь пыл моей любви.
Рассказывать о страсти и томленье
Пристало больше юности твоей,
Чем строгому, внушительному старцу.

В и о л а

Не думаю.

Г е р ц о г

Поверь мне, милый мальчик:

Кто скажет о тебе, что ты мужчина,
Тот оклеветает дней твоих весну.
Твой нежный рот румян, как у Дианы,
Высокий голосок так чист и звонок,
Как будто сотворен для женской роли.
Твоя звезда для дел такого рода
Благоприятна. Пусть с тобой идут
Вот эти трое. — Нет, вы все идите!
Мне легче одному. — Вернись с удачей
И заживешь привольно, как твой герцог,
С ним разделив счастливую судьбу.

В и о л а

Я постараюсь к вам склонить графиню.

(В сторону.)

Мне нелегко тебе жену добыть:
Ведь я сама хотела б ею быть!

Уходят.

Сцена 5

Дом Оливии.

Входят Мария и шут.

М а р и я. Говори сейчас же, где ты пропадал, а не то я вот
настолечко губ не разожму, чтобы выпросить тебе прощение;
за эту отлучку госпожа тебя повесит.

Ш у т. Ну и пусть вешает: кто повешен палачом, тому и смерть нипочем.

М а р и я. Это еще почему?

Ш у т. Потому, что двум смертям не бывать, а одной не миновать.

М а р и я. Плоская острота. Знаешь, кто говорит: "Двум смертям не бывать"?

Ш у т. Кто, почтенная Мэри?

М а р и я. Отважные воины. А у тебя хватает отваги только на глупую болтовню.

Ш у т. Что ж, дай бог мудрецам побольше мудрости, а дуракам побольше удачи.

М а р и я. И все равно за такую долгую отлучку тебя повесят. Или выгонят. А какая тебе разница — выгонят тебя или повесят?

Ш у т. Если повесят на доброй веревке, то уже не женят на злой бабе, а если выгонят, так летом мне море по колено.

М а р и я. Значит, ты уже не цепляешься за это место?

Ш у т. Нет, не скажи. Две зацепки у меня все-таки остались.

М а р и я. Выходит, что если одна лопнет, так другая останется, а если обе лопнут, то штаны свалятся?

Ш у т. Ловко отбрила, ей-богу, ловко! Продолжай в том же духе, и, если еще вдобавок сэр Тоби бросит пить, я буду почитать тебя за самую занозистую из всех дочерей Евы в Иллирии.

М а р и я. Ладно, негодный плут, придержи язык. Сюда идет госпожа: попроси у нее прощения, да как следует, с умом, — тебе же будет лучше. (*Уходит.*)

Ш у т. Остроумие, если будет на то воля твоя, научи меня веселому дурачеству! Умники часто думают, что они бог весть как остроумны, и все-таки остаются в дураках, а я вот знаю, что неостроумен, однако иной раз могу сойти за умника. Недаром Квинапал изрек: “Умный дурак лучше, чем глупый остряк”.

Входят Оливия и Мальволио.

Благослови вас бог, госпожа!

О л и в и я. Уберите отсюда это глупое существо.

Ш у т. Слышите, что говорит госпожа? Уберите ее отсюда!

О л и в и я. Пошел вон, дурак, твое остроумие иссякло! Видеть тебя не могу! К тому же у тебя нет совести.

Ш у т. Мадонна, эти пороки можно поправить вином и добрым советом: дайте иссякшему дураку вина — и он наполнится; дайте бессовестному человеку добрый совет — и он исправится. А если не исправится, — позовите костоправа, и тот уж справится. Все, что поправлено, — только залатано: дырявая добродетель залатана грехом, а исправленный грех залатан добродетелью. Годится вам такой простой силлогизм — отлично; не годится — что поделаешь? Несчастье всегда рогоносец, а красота — цветок. Госпожа велела убрать глупое существо? Вот я и говорю: уберите ее.

О л и в и я. Я приказала убрать тебя.

Ш у т. Какая несправедливость! Госпожа, *cucullus non facit monachum*¹, а это значит, что дурацкий колпак мозгов не портит. Достойная мадонна, позвольте мне доказать вам, что это вы — глупое существо.

О л и в и я. И ты думаешь, тебе это удастся?

Ш у т. Бессомненно.

О л и в и я. Что ж, попробуйся.

Ш у т. Для этого мне придется допросить вас, достойная мадонна: отвечайте мне, моя невинная мышка.

О л и в и я. Спрашивай: все равно других развлечений нет.

Ш у т. Достойная мадонна, почему ты грустишь?

О л и в и я. Достойный дурак, потому что у меня умер брат.

Ш у т. Я полагаю, что его душа в аду, мадонна.

О л и в и я. Я знаю, что его душа в раю, дурак.

Ш у т. Мадонна, только круглый дурак может грустить о том, что душа его брата в раю. — Люди, уберите отсюда это глупое существо!

О л и в и я. Мальволио, что вы скажете о нашем шуте? Он, кажется, начинает исправляться.

М а л ь в о л и о. Еще бы! Теперь он все время будет исправляться, пока смерть не пришибет его. Старость только умным вредит, а дураков она совершенствует.

Ш у т. Дай тебе бог, сударь, скоропостижно состариться и стать круглым дураком. Сэр Тоби побьется об заклад, что

¹ Клубок не делает человека монахом. (Лат.)

я не лисица: но он и двумя пенсами не поручится, что ты не болван.

О л и в и я. Что вы теперь скажите, Мальволио?

М а л ь в о л и о. Не могу понять, как ваша милость терпит этого пустоголового мерзавца: недавно на моих глазах он спасовал перед обыкновенным ярмарочным шутом, безмозглым как бревно. Видите, он сразу и онемел. Когда вы не смеетесь и не поощряете его, он двух слов связать не может. По-моему, умники, которые хихикают над остроата-

Шут. Средневековая миниатюра.

ми таких завзятых дураков, сами не лучше балаганных фигляров.

О л и в и я. Мальволио, у вас большое самолюбие: оно не переваривает шуток. Человек благородный, чистосердечный и непредубежденный считает такие остроты безвредными горошинами, а вам они кажутся пушечными ядрами. Домашний шут не может оскорбить, даже если он над всем издевается, так же как истинно разумный человек не может издеваться, даже если он все осуждает.

Ш у т. Да ниспошлет тебе Меркурий умение складно врать в награду за твое доброе слово о шутах!

Входит М а р и я.

М а р и я. Сударыня, какой-то молодой человек у ворот очень хочет вас видеть.

О л и в и я. От герцога Орсино, вероятно?

М а р и я. Не знаю, сударыня. Красивый юноша, и свита у него не маленькая.

О л и в и я. А кто его не пропускает?

М а р и я. Ваш родственник, сударыня, сэр Тоби.

О л и в и я. Уведи его оттуда, пожалуйста: вечно он несет всякую чепуху. Просто стыдно за него!

Мария уходит.

Пойдите вы, Мальволио. Если это посланец герцога, то я больна или меня нет дома — все что угодно, только спровадите его.

Мальволио уходит.

Теперь ты сам видишь, сударь, что твои шутки обросли бородой и никого не смешат.

Ш у т. Ты так заступалась за нас, мадонна, словно твоему старшему сыну на роду написано быть дурачком. Желаю тебе, чтобы Юпитер не поскупился на мозги для его черепа, а то у одного из твоих родственников — вот и он, кстати! — *ria mater*¹ — совсем размягчилась.

Входит сэр Тоби.

О л и в и я. Честное слово, он уже успел выпить! Дядя, кто это там у ворот?

С э р Т о б и. Дворянин.

О л и в и я. Дворянин? Какой дворянин?

С э р Т о б и. Этот дворянин... (*Икает.*) А будь она неладна, эта маринованная селедка! — Как дела, дурень?

Ш у т. Достойный сэр Тоби!

О л и в и я. Дядя, дядя, еще совсем рано, а вы уже дошли до такого неподобия!

С э р Т о б и. Преподобия? Плевал я на преподобие! Пускай себе стоит у ворот!

О л и в и я. Да кто же там, наконец?

С э р Т о б и. Хоть сам черт, если ему так нравится, мне-то что? Уж кто-кто, а я врать не стану. Да что с вами разговаривать! (*Уходит.*)

О л и в и я. Дурак, на кого похож пьяный?

¹ Мягкая мозговая оболочка. (*Лат.*)

Ш у т. На утопленника, дурака и сумасшедшего: с одного лишнего глотка он дуреет, со второго — сходит с ума, с третьего — идет ко дну.

О л и в и я. Пойди-ка и приведи пристава, пусть освидетельствует тело моего дядюшки: он в третьей степени опьянения, значит, уже утонул. Присмотри за ним.

Ш у т. Нет, мадонна, пока что он только еще спятил; придется дураку присмотреть за сумасшедшим. (*Уходит.*)

Входит М а л ь в о л и о.

М а л ь в о л и о. Сударыня, этот молодой человек хочет видеть вас во что бы то ни стало. Я сказал, что вы больны; он ответил, что знает и именно поэтому хочет вас видеть. Я сказал, что вы спите; это он тоже предугадал, и как раз поэтому ему особенно нужно вас видеть. Что ему ответить, сударыня? Его не собьешь никакими отговорками.

О л и в и я. Скажите ему, что он меня не увидит.

М а л ь в о л и о. Говорил. Он ответил, что будет стоять у ваших ворот, как столб у дверей шерифа, и что дождется вас, даже если из него сделают подпорку для скамьи.

О л и в и я. Какого рода он человек?

М а л ь в о л и о. Мужского, разумеется.

О л и в и я. Да нет, какого сорта?

М а л ь в о л и о. Хуже не бывает: хотите или не хотите, но он к вам прорвется.

О л и в и я. Каков он на вид и сколько ему лет?

М а л ь в о л и о. Для мужчины мало, для мальчика много: недозрелый стручок, зеленое яблочко. Он, так сказать, ни то

ни се: серединка на половинку между мальчиком и женщиной. Он очень хорош собой и очень задирист. С вашего позволения, у него еще молоко на губах не обсохло.

О л и в и я. Пусть войдет. Только раньше позовите мою камеристку.

М а л ь в о л и о. Мария, вас зовет госпожа. (*Уходит.*)

Входит М а р и я.

О л и в и я

Закрой лицо мне этим покрывалом:
Посол Орсино к нам сейчас придет.

Входят Виола и придворные

В и о л а. Кто из вас достойная хозяйка этого дома?

О л и в и я. Обращайтесь ко мне: я отвечу за нее. Что вам угодно?

В и о л а. Ослепительнейшая, прелестнейшая и несравненнейшая красавица, скажите мне, действительно ли вы хозяйка этого дома. Я никогда ее не видел, и мне не хотелось бы пустить по ветру свое красноречие: не говоря уже о том, что я сочинил замечательную речь, мне еще стоило огромных усилий вытвердить ее наизусть! — Милые красавицы, не вздумайте насмехаться надо мной: я очень обижаюсь, когда со мной неласково обходятся.

О л и в и я. Откуда вы явились, сударь?

В и о л а. Мне трудно сказать что-нибудь сверх того, что я заучил, а этот вопрос не входит в мою роль. Благородная

дама, дайте мне хоть какое-нибудь доказательство, что вы — хозяйка этого дома, иначе я не смогу произнести свою речь.

О л и в и я. Вы комедиант?

Рисунок неизвестного художника

В и о л а. Нет, мое глубокомысленное сердечко, хотя, клянусь клыками хитрости, я действительно не тот, кого играю. Вы хозяйка дома?

О л и в и я. Если я не присваиваю себе собственных прав, то я.

В и о л а. Конечно, присваиваете, если вы — это она, так как то, что вы можете отдать, вы уже не можете оставить при себе.

Впрочем, я превышаю свои полномочия. Сейчас я произнесу похвальное слово в вашу честь, а потом перейду к сути дела.

О л и в и я. Начните с главного; похвалы можете опустить.

В и о л а. Но я так старался их затвердить, и они так поэтичны!

О л и в и я. Значит, особенно лживы: оставьте их про себя. Мне сказали, что вы дерзко вели себя у ворот, и я впустила вас больше из желания выслушать, чем из желания увидеть. Если вы не в себе — уходите, если в здравом рассудке — будьте кратки. Я сейчас не расположена к препирательствам.

М а р и я. Не поднять ли вам паруса? Плывите к дверям.

В и о л а. Нет, дорогой боцман, я еще подрейфую здесь. — Утихомирьте вашего великана, прелестная дама.

О л и в и я. Говорите, что вам угодно?

В и о л а. Я посланец.

О л и в и я. Должно быть, вы посланы с бесчестным порученьем, если вам так трудно изложить его. Приступайте к делу.

В и о л а. Оно предназначено только для вашего слуха. Я не собираюсь объявлять войну или требовать дань: у меня в руках оливковая ветвь. Слова мои и намерения полны миролюбия.

О л и в и я. Однако начали вы с грубости. Кто вы такой? Чего вы хотите?

В и о л а. Эта грубость рождена приемом, который мне здесь оказали. Кто я и чего хочу, должно быть окружено не меньшей тайной, чем девственность. Для ваших ушей — святое откровение, для посторонних — кощунство.

О л и в и я. Оставьте нас одних: послушаем это откровение.

Мария и придворные уходят.

Итак, сударь, что гласит текст?

В и о л а. Очаровательная властительница...

О л и в и я. Очень приятная доктрина, и развивать ее можно без конца. Где хранится подлинник текста?

В и о л а. В груди у Орсино.

О л и в и я. В его груди? В какой именно части?

В и о л а. Если быть точным, то в самой середине сердца.

О л и в и я. Я его читала: это ересь. Больше вам нечего сказать?

В и о л а. Достойная госпожа, позвольте мне взглянуть на ваше лицо.

О л и в и я. Ваш господин поручил вам вступить в переговоры с моим лицом? Вы явно отклонились от текста. Но мы отдернем занавес и покажем вам картину. Смотрите, сударь, вот какова я сейчас. Правда, недурная работа? (*Откидывает покрывало.*)

В и о л а. Превосходная, если это дело рук божьих.

О л и в и я. Краска прочная, сударь: не боится ни дождя, ни ветра.

В и о л а

Да, подлинно прекрасное лицо!

Рука самой искусницы природы

Смешала в нем румянец с белизной.

Вы самая жестокая из женщин,
Коль собираетесь дожить до гроба,
Не снявши копий с этой красоты.

О л и в и я. Что вы, сударь, я совсем не так бессердечна!
Поверьте, я обязательно велю составить опись всех моих прелестей: их внесут в реестр и на каждой частице и принадлежности наклеят ярлык с наименованием. Например: первое — пара губ, в меру красных; второе — два серых глаза и к ним в придачу веки; третье — одна шея, один подбородок... и так далее. Вас послали, чтобы оценить меня?

В и о л а

Я понял вас: вы чересчур надменны.
Но, будь вы даже ведьмой, вы красивы.
Мой господин вас любит. Как он любит!
Будь вы красивей всех красавиц в мире,
Такой любви не наградить нельзя.

О л и в и я

А как меня он любит?

В и о л а

Беспредельно.
Напоминают гром его стенанья,
Вздых опалает пламенем, а слезы
Подобны плодоносному дождю.

О л и в и я

Он знает, что его я не люблю.
Не сомневаюсь, он душой возвыщен
И, несомненно, молод, благороден,
Богат, любим народом, щедр, учен, —
Но все-таки его я не люблю,
И это он понять давно бы должен.

В и о л а

Люби я вас, как любит мой властитель,
С таким несокрушимым постоянством,
Мне был бы непонятен ваш отказ,
И в нем я не нашел бы смысла.

О л и в и я

Да?

А что б вы сделали?

В и о л а

У вашей двери

Шалаш я сплел бы, чтобы из него
Взывать к возлюбленной; слагал бы песни
О верной и отвергнутой любви
И распевал бы их в глухую полночь;
Кричал бы ваше имя, чтобы эхо
“Оливия!” холмам передавало:

Вы не нашли бы на земле покоя,
Пока не сжались бы.

О л и в и я

Вам дано
Достигнуть много... Кто родом вы?

В и о л а

Я жребием доволен, хоть мой жребий
И ниже, чем мой род: я дворянин.

О л и в и я

Вернитесь к герцогу и передайте:
Я не люблю его. Пусть он не шлет
Послов ко мне. Вот разве вы зайдите,
Чтоб рассказать, как принял вас Орсино.
А это вам на память обо мне.

(Протягивает кошелек.)

В и о л а

Я не посыльный. Спрячьте кошелек:
Не мне, а герцогу нужна награда.
Пусть камнем будет сердце у того,
Кто вам внушит любовь; пусть он отвергнет
С презрением холодным вашу страсть,
Как вы отвергли герцога Орсино.
Прощайте же, прекрасная жестокость!

(Уходит.)

О л и в и я

“Кто родом вы?” — “Я жребием доволен,
Хотя мой жребий ниже, чем мой род:
Я дворянин”. Клянусь, что это так!
Поступки, речь, движения, лицо —
Вот твой дворянский герб... Спокойней, сердце!
Когда б слуга был господином... Боже!
Ужели так заразна эта хворь?
Я чувствую, что, крадучись беззвучно,
Очарованье юного посланца
В мои глаза проникло... Будь что будет! —
Мальволио, сюда!

Входит Мальволио.

М а л ь в о л и о

Я здесь, графиня.

О л и в и я

Беги скорей за юношей упрямым,
За герцогским послом, и этот перстень
Верни ему, скажи — он мне не нужен.
Я не хочу надеждами пустыми
Манить Орсино — я не для него.
Вот если юноша зашел бы завтра —
Я объяснила б все... Иди, не медли!

М а л ь в о л и о

Сударыня, иду.

(Уходит.)

О л и в и я

Что делаю — сама не понимаю:

Я не уму, а лишь глазам внимаю...

Нет, человек не властен над собой!

Пусть будет так, как решено судьбой.

(Уходит.)

АКТ II

Сцена 1

Берег моря.

Входят Себастьян и Антонио.

Антонио. Вы не хотите остаться у меня? И не хотите, чтоб я вас проводил?

Себастьян. Простите великодушно, не хочу. Звезда моя еле мерцает во мраке; судьба ко мне столь враждебна, что может обрушиться и на вас. Поэтому я так стремлюсь проститься с вами и одиноко нести свои невзгоды. Я плохо отблагодарил бы вас за расположение ко мне, если бы переложил их хоть отчасти на ваши плечи.

Антонио. Скажите хотя бы, куда вы идете?

Себастьян. Нет-нет сударь! Мой путь — это путь ски-таний. Но вы, я вижу, так скромны, что даже не пытаетесь выведать то, о чем до сих пор я умалчивал: тем легче мне повиноваться учтивости и рассказать о себе. Знайте, Антонио, что, хотя я назвался Родриго, зовут меня Себастьяном. Отец мой был тем самым Себастьяном из Мессалина, о ко-

тором, как мне кажется, вы наслышаны. После его смерти остались близнецы, рожденные в один и тот же час, — я и моя сестра. Почему судьбе не было угодно, чтобы мы и погибли одновременно? Но этому помешали вы, сударь, ибо за час до того, как вы спасли меня от ярости волн, моя сестра утонула.

А н т о н и о. Боже милосердный!

Себастьян. Хотя люди и говорили, что мы с ней очень похожи, многие считали ее красавицей. Разумеется, я был не вправе разделять их восхищение, но одно я утверждаю смело: и сама зависть признала бы, что ее душа была прекрасна. Сударь, сестра моя уже утонула в соленой воде, а я все еще, как видите, топлю память о ней в соленых слезах.

А н т о н и о. Вы уж не взыщите, что я не мог принять вас как подобает.

Себастьян. Добрый мой Антонио, это я должен просить у вас прощения за то, что доставил вам столько хлопот.

А н т о н и о. Если вы не хотите в награду за преданность убить меня, позвольте мне быть вашим слугой.

Себастьян. Если вы не хотите разрушить дело рук своих и уничтожить человека, которого вернули к жизни, не просите меня об этом. Попрощаемся сразу. Я по натуре мягкосердечен и к тому же так похож на свою мать, что достаточно малости — и глаза мои сразу же меня выдают. Я иду ко двору герцога Орсино. Прощайте. (*Уходит.*)

А н т о н и о

Да сохранят тебя благие боги!
Я за тобой пошел бы ко двору,
Но там полно врагов... Нет, будь что будет!
Опасность — вздор. Я так тебя люблю,
Что в бой шутя с любым врагом вступлю!

(Уходит.)

Сцена 2

Улица.

Входит Виола, за ней — Мальволио.

Мальволио. Не вы ли только что вышли от графини Оливии?

Виола. Вы не ошиблись, сударь: я шел не спеша и успел дойти всего лишь до этого места.

Мальволио. Графиня возвращает вам этот перстень. Вы избавили бы меня от лишнего беспокойства, если бы потрудились забрать его сразу. Кроме того, графиня просит вас толковать вашему господину, что он ей не нужен окончательно и бесповоротно. И последнее: не вздумайте еще раз являться к ней от имени герцога, — разве что захотите рассказать, как он принял ее ответ. Вот и все.

Виола. Но перстень дан был ей: он мне не нужен.

Мальволио. Нет уж, сударь, вы дерзко бросили его графине, и она желает, чтобы его вернули вам таким же образом. (Бросает перстень.) Если перстень стоит того, чтобы нагнуть-

ся, — вот он лежит перед вами; если нет — пусть достанется тому, кто его найдет. (*Уходит.*)

В и о л а

Я перстня ей не приносила... Странно!
А вдруг Оливия пленилась мною?
Не дай господь! Она в мои глаза
Так неотрывно, пристально смотрела,
Что спотыкаться стал ее язык
И не вязались меж собою фразы...
Сомнений нет: она в меня влюбилась,
А этот перстень и гонец ворчливый —
Уловка страсти, чтоб меня вернуть.
Орсино, перстень — это все предлоги,
А суть во мне. Но если я права, —
Бедняжка, лучше б ей в мечту влюбиться!
Притворство! Ты придумано лукавым,
Чтоб женщины толпой шли в западню:
Ведь так легко на воске наших душ
Красивой лжи запечатлеть свой образ.
Да, мы слабы, но наша ль в том вина,
Что женщина такой сотворена?
Как дальше быть? Ее мой герцог любит;
Я, горестный урод, люблю его;
Она, не зная правды, мной пленилась...
Что делать мне? Ведь если я мужчина,
Не может герцог полюбить меня;

А если женщина, то как бесплодны
Обманутой Оливии надежды!..
Орешек этот мне не по зубам:
Лишь ты, о время, тут поможешь нам!

(Уходит.)

Сцена 3

Дом Оливии.

Входят сэр Тоби и сэр Эндрю.

Сэр Тоби. Входи, сэр Эндрю! Кто к полуночи не добрался до постели, тот все равно, что встал спозаранку. Знаешь, *diluculo surgere*...¹.

Сэр Эндрю. Вот уж, право, не знаю. Знаю только, что, кто поздно ложится, тот ложится поздно.

Сэр Тоби. Неверное заключение. Оно мне противно, как пустой жбан. Кто лег спать после полуночи, лег в ранний час; ну и выходит: кто лег после полуночи, лег ни свет ни заря. Ведь говорят же, что наша жизнь состоит из четырех стихий.

Сэр Эндрю. Понимаешь, я и сам это слышал, но, по мне, так она состоит из еды и питья.

Сэр Тоби. Ну, ты прямо мудрец! Итак, давай есть и пить. — Эй, Мэриен, вина!

¹ *Diluculo surgere saluberrimum est* — рано вставать полезно. (Лат.)

Входит ш у т.

Ш у т. Как дела, красавчики? Видели вы вывеску “Нас здесь трое”?

С э р Т о б и. Здорово, осел! А ну-ка, споем застольную!

С э р Э н д р ю. Ей-богу, у этого дурака замечательный голос. Будь у меня такая сладостная глотка и такие икры, как у этого дурака, я бы их и на сорок шиллингов не сменял. Знаешь, ты отлично валял дурака вчера ночью, когда болтал о Пигрогромитусе и о вапианцах, которые прошли по Квеубусскому меридиану. Провалиться мне, очень здорово. Я послал тебе шестипенсовик для твоей девчонки. Ты получил?

Ш у т. Да, я приручил его к ней, потому что нос у Мальволио чует, но не бичует, у моей красотки ручки не короткие, а мирмидонцев не пускают туда, где выпивают.

С э р Э н д р ю. Замечательно! Чепуховее этой чепухи и не придумаешь. А теперь запевай.

С э р Т о б и. Мы ждем. Вот тебе шестипенсовик. Заводи песню.

С э р Э н д р ю. И от меня столько же. Если один рыцарь дает...

Ш у т. Вам какую песню — любовную или поучительную?

С э р Т о б и. Любовную, любовную!

С э р Э н д р ю. Конечно, любовную! Ненавижу поучения.

Ш у т
(поет)

Где ты, милая, блуждаешь,
Что ты друга не встречаешь
И не вторишь песне в лад?
Брось напрасные скитанья,
Все пути ведут к свиданью, —
Это знает стар и млад.

С э р Э н д р ю. Ей-богу, отлично!
С э р Т о б и. Неплохо, неплохо.

Ш у т
(поет)

Нам любовь на миг дается.
Тот, кто весел, пусть смеется:
Счастье тает, словно снег.
Можно ль будущее взвесить?
Ну, целуй — и раз, и десять:
Мы ведь молодые не век.

С э р Э н д р ю. Сладкозвучное горло, вот вам слово рыцаря!
С э р Т о б и. И при том такое пахучее!
С э р Э н д р ю. Да-да, сладко пахучее.
С э р Т о б и. Если слушать носом, так все кишки выворотит. Ну как, грянем застольную, чтобы небу жарко стало? Распугаем сов, такого шума наделаем, что и у глухого душа с телом расстанется! Давайте?

Сэр Эндрю. Конечно, давайте, я же на застольных песнях собаку съел.

Шут. Черт подери, сударь, а собака-то, видать, была музыкальная.

Сэр Эндрю. Еще бы! Давайте споем “Мошенника”.

Шут. “Молчи, молчи, мошенник!”, рыцарь? Выходит, мне придется называть тебя мошенником, рыцарь?

Сэр Эндрю. Ну, меня не впервой мошенником называют. Начинай, дурак. Она начинается: “Молчи, молчи!”

Шут. Но если я буду молчать, я никогда не начну.

Сэр Эндрю. Отлично, ей-богу, отлично! Начинай же.

Поют застольную песню.

Входит Мария.

Мария. Это что еще за кошачий концерт? Я не я, если госпожа не послала уже за дворецким Мальволио и не приказала ему выставить вас за дверь.

Сэр Тоби. Твоя госпожа просто эфиопка, Мальволио старая перечница, а мы трое весельчаков. И вообще (*поет*) “Мы трое славных весельчаков!” Что же, я не родственник ей? Не одной с нею крови? Тыфу ты ну ты, госпожа! (*Поет.*) “Жил в Вавилоне человек, эх, госпожа, госпожа!”

Шут. Ох, умру! И знатно же этот рыцарь умеет валять дурака!

Сэр Эндрю. Конечно, умеет, когда хочет, и я тоже. Только у него это получается красивее, а у меня натуральнее.

Сэр Тоби
(поет)

“Двенадцатого декабря...”

М а р и я. Уймись вы, ради бога!

Входит Мальволио.

М а л ь в о л и о. С ума вы сошли, господа мои? Опомнитесь! Где ваш разум, где пристойность и совесть? В такой поздний час гогочете, расселись тут, как в пивной, и горланите свои площадные песни! Неужели у вас нет уважения к госпоже и к ее дому, нет простого такта?..

С э р Т о б и. Нет уж, сударь, что-что, а такт мы в песнях соблюдаем. И вообще заткнитесь.

М а л ь в о л и о. Сэр Тоби, я вынужден говорить с вами без обиняков. Графиня велела передать, что она дает вам приют как своему родственнику, но не потерпит у себя никаких безобразий. Если вы способны расстаться с распутством, ее дом к вашим услугам; если предпочитаете расстаться с ней, она охотно с вами попрощается.

С э р Т о б и
(поет)

“Прощай, о милая, настал разлуки час...”.

М а р и я. Дорогой сэр Тоби, не надо!

Ш у т
(поет)

“Мутнеет взгляд полузакрытых глаз...”.

М а л ь в о л и о. Ах так?

С э р Т о б и
(поет)

“Но не умру я, нет!”

Ш у т
(поет)

“Ты тут наврал, сосед!”

М а л ь в о л и о. Нечего сказать, благородное поведение!

С э р Т о б и
(поет)

“Я прогоню его!”

Ш у т
(поет)

“Вот будет торжество!”

С э р Т о б и
(поет)

“Я прогоню его немедленно, друзья!”

Ш у т
(поет)

“Вы струсите, вы струсите, уверен я”.

С э р Т о б и. Сбился с такта, сударь: теперь врешь ты. — А ты что за птица? Дворецкий какой-то! Думаешь, если ты такой уж святой, так на свете больше не будет ни пирогов, ни хмельного пива? ◆

Ш у т. Клянусь святой Анной, имбирное пиво тоже недурно обжигает глотку!

С э р Т о б и. И то верно. — А ты, сударь, отправляйся-ка восвояси, сними свою цепь и начисти ее как следует. — Мария, принеси вина.

М а л ь в о л и о. Если бы вы хоть немножко дорожили расположением госпожи, уважаемая Мэри, вы не стали бы потакать такой безнравственности. Клянусь этой рукой, графине будет обо всем доложено. (*Уходит.*)

М а р и я. Проваливай-проваливай, лопоухий!

С э р Э н д р ю. Вот была бы потеха — вызвать его на поединок, а самому не прийти и оставить его в дураках! Это вроде как выпить на пустой желудок!

С э р Т о б и. А ты попробуй вызови: я напишу за тебя вызов или, если хочешь, изложу твое негодование устно.

М а р и я. Миленький сэр Тоби, будьте сегодня вечером благоразумны: госпожа места себе не находит после нынешней беседы с этим герцогским юнцом. А уж с мосье Мальволио я сама разделаюсь. Если я не сумею одурачить его и сделать

всеобщим посмешищем, значит, я такая круглая дура, что и в собственную постель не смогу улечься. Я его насквозь вижу, будьте спокойны.

Сэр Тоби. А ну, а ну, расскажи и нам, что ты о нем знаешь.

Мария. Понимаете, сударь, он иногда смахивает на пуританина.

Сэр Эндрю. Если бы я этому поверил, то избил бы его как собаку.

Сэр Тоби. Только за то, что он пуританин? Нечего сказать, основательный резон!

Сэр Эндрю. Ну, резону у меня, может, и нет, но других оснований предостаточно.

Мария. Да какой он, к черту, пуританин! Ни рыба ни мясо, подлиза, надутый осел! Зубрит с чужого голоса правила хорошего тона и сыплет их пригоршнями. Лопается от самодовольства и так уверился в собственном совершенстве, что воображает, будто стоит женщине на него взглянуть, как она тут же и влюбится. Вот на этой его слабой струнке я сыграю и как следует ему отомщу.

Сэр Тоби. А что ты сделаешь?

Мария. Я подкину ему невразумительное любовное послание и так опишу его икры, бороду, походку, выражение глаз, лоб и цвет лица, что он обязательно узнает свой портрет. Я умею подражать почерку графини, вашей племянницы, до того точно, что, если нам попадается какая-нибудь забытая записка, мы с госпожой и сами не можем разобрать, кто из нас ее писал.

Сэр Тоби читает письмо

Сэр Тоби. Отлично! Я уже чую, в чем дело.

Сэр Эндрю. Кажется, и я унюхал.

Сэр Тоби. Он решит, что записку написала моя племянница и что она в него влюбилась.

Мария. Вот-вот, на эту лошадку я и собираюсь поставить.

Сэр Эндрю. И твоя лошадь превратит его в осла.

М а р и я. И в какого осла!

С э р Э н д р ю. Замечательно!

М а р и я. Позабавимся на славу! Будьте спокойны, это лекарство его пройдет! Я спрячу вас обоих и шута в придачу где-нибудь поблизости, так что вы воочию увидите действие моего зелья. А пока что — спать, и пусть вам приснится эта потеха. Спокойной ночи. (*Уходит.*)

С э р Т о б и. Спокойной ночи, Пентезиля.

С э р Э н д р ю. Славная девчонка, провалиться мне на месте!

С э р Т о б и. Да, гончая чистых кровей и к тому же обожает меня. Но дело не в этом.

С э р Э н д р ю. Меня одна тоже обожала.

С э р Т о б и. Пошли спать, рыцарь. Придется тебе еще раз послать за деньгами.

С э р Э н д р ю. Если я не подцеплю вашей племянницы, плохи мои дела.

С э р Т о б и. Посылай за деньгами, рыцарь. Если она в конце концов не станет твоей, можешь называть меня кургузым меринком.

С э р Э н д р ю. Я не я, если не назову. А уж там как хотите.

С э р Т о б и. Ну идем, идем, я приготовлю жженку. Ложиться спать уже поздно. Идем, рыцарь, идем.

Уходят.

Сцена 4

Дворец герцога.

Входят герцог, Виола, Курио и другие.

Герцог

Я музыки хочу. — Друзья, привет вам! —
Цезарио, пусть мне опять сыграют
Ту песенку старинную, простую,
Которую мы слышали вчера.
Она мне больше облегчила душу,
Чем звонкие, холодные напевы
Шальных и суетливых наших дней.
Один куплет сыграйте.

Курио. Простите, ваша светлость, здесь нет того, кто умеет петь эту песню.

Герцог. А кто он такой?

Курио. Шут Фесте, государь. Его выходки очень забавляли отца графини Оливии. Он сейчас где-то во дворце.

Герцог

Найди его. — А вы напев сыграйте.

Курио уходит. Музыка.

Когда узнаешь сладкий яд любви,
Ты вспомяни меня, мой милый мальчик.
Влюбленные все на одно лицо:

Изменчивы, неровны, прихотливы,
И только образу своей любимой
Они всегда верны... Ну, как напев?

В и о л а

Он эхо пробуждает в том дворце,
Где властвует любовь.

Г е р ц о г

Как это метко!
Хотя ты очень молод, но клянусь,
Что чей-то взор, благоволения полный,
Нарушил твой покой.

В и о л а

Вы, государь,
Проникли в самые глубины сердца.

Г е р ц о г

А кто она?

В и о л а

Во всем — подобье ваше.

Г е р ц о г

Ты плохо выбрал. Сколько же ей лет?

В и о л а

Не более, чем вам.

Г е р ц о г

Ох, как стара!

Ведь женщине пристало быть моложе
Супруга своего: тогда она,
Обыкновеньям мужа покоряясь,
Сумеет завладеть его душой.
Хотя себя мы часто превозносим,
Но мы в любви капризней, легковесней,
Быстрее устаем и остываем,
Чем женщины.

В и о л а

Вы правы, государь.

Г е р ц о г

Найди себе подругу помоложе,
Иначе быстро охладеешь к ней.
Все женщины, как розы: день настанет —
Цветок распустится и вмиг увянет.

В и о л а

Как жаль мне их, о, как мне жаль цветы,
Чей жребий — вянуть в цвете красоты!

Курио входит с шутом.

Герцог

А, ты пришел! Порадуй нас, дружище,
Вчерашней песней старой, заунывной.
Ее мурлычут пряжи за работой,
Вязальщицы на солнышке поют,
Перебирая костяные клюшки.
Она полна сердечности и правды,
Как старина.

Ш у т. Можно начинать, государь?

Герцог

Да-да, мы слушаем.

Ш у т
(поет)

Поспеши ко мне, смерть, поспеши
И в дубовом гробу успокой,
Свет в глазах потуши, потуши, —
Я обманут красавицей злой.
Положите на гроб не цветы,
А камни.
Только ты, о смерть, только ты
Мила мне.
Схороните меня в стороне
От больших проезжих дорог,

Чтобы друг не пришел ко мне
И оплакать меня не мог,
Чтобы, к бедной могиле моей
Склоненный,
Не вздыхал, не рыдал над ней
Влюбленный.

Герцог

Возьми себе за труд.

Ш у т. Какой же это труд, государь? Для меня петь — удовольствие!

Герцог

Тогда за удовольствие возьми.

Ш у т. Справедливо, государь: за удовольствие тоже рано или поздно надобно расплачиваться.

Герцог

Прости, но нам придется распротиться.

Ш у т. Да хранит тебя бог меланхолии и да сошьет тебе портной камзол из переливчатой тафты, потому что душа твоя ни дать ни взять — опал. Людей с таким постоянным нравом следовало бы отправлять в море: там они могли бы заниматься чем вздумается и плыть куда заблагорассудится, вот и совершили бы отменное путешествие, ловя собственный хвост. Счастливого пути. (*Уходит.*)

Г е р ц о г

Оставьте нас.

Курио и придворные уходят.

Цезарио, пойдя

Еще раз к ней, к жестокости надменной,
И повтори ей, что моей душе,
Объятой благороднейшей любовью,
Не нужен жалкий прах земных владений.
Я презираю и дары Фортуны,
Которыми Оливия богата,
И самое Фортуны; но безмерно
Я очарован чудом красоты,
Которая по милости природы
В моей владычице воплощена.

В и о л а

Но если вас она любить не может?

Г е р ц о г

Я не могу принять такой ответ.

В и о л а

Но вы должны! Представьте, ваша светлость,
Что женщина — быть может, есть такая! —
Терзается любовью к вам, а вы

Ей говорите: “Не люблю!” Так что же,
Возможно ль ей отказом пренебречь?

Г е р ц о г

Грудь женщины не вынесет биения
Такой могучей страсти, как моя.
Нет, в женском сердце слишком мало места:
Оно любовь не может удержать.
Увы! Их чувство — просто голод плоти.
Им только стоит утолить его —
И сразу наступает пресыщение.
Моя же страсть жадна подобно морю
И так же ненасытна. Нет, мой мальчик,
Не может женщина меня любить,
Как я люблю Оливию.

В и о л а

И все же
Я знаю...

Г е р ц о г

Что, Цезарио, ты знаешь?

В и о л а

Как сильно любят женщины. Они
В любви верны не меньше, чем мужчины.

Дочь моего отца любила так,
Как, будь я женщиною, я, быть может,
Любил бы вас.

Герцог

Ну что же, расскажи,
Что было с ней.

Виола

Ее судьба, мой герцог,
Подобна неисписанной странице.
Она молчала о своей любви,
Но тайна эта, словно червь в бутоне,
Румянец на щеках ее точила.
Безмолвно тая от печали черной,
Как статуя Терпения застыв,
Она своим страданиям улыбалась.
Так это ль не любовь? Ведь мы, мужчины,
Хотя и расточаем обещанья,
Но мы, твердя о страсти вновь и вновь,
На клятвы щедры, скупы на любовь.

Герцог

И от любви твоя сестра исчахла?

В и о л а

Я нынче, государь, — все сыновья
И дочери отца. Хотя, быть может...
К графине мне идти?

Г е р ц о г

Да, и скорее
Вручи мой дар, и пусть она поймет:
Любовь не отступает и не ждет.

Уходят.

Сцена 5

Сад Оливии.

Входят сэр Тоби, сэр Эндрю и Фабиан.

С э р Т о б и. Пойдешь с нами, синьор Фабиан?

Ф а б и а н. Еще бы! Пусть меня заживо сожрет меланхолия, если я упущу хоть крупницу этого развлечения.

С э р Т о б и. А ты хотел бы, чтобы этого мерзавца, этого ничтожного кусачего пса опозорили на глазах у всех?

Ф а б и а н. Запрыгал бы от радости: вы же знаете, он рассказал, что я занимался здесь медвежьей травлей, и с тех пор госпожа меня не жалует.

С э р Т о б и. Сейчас мы ему такую медвежью травлю устроим, что он позеленеет от злости. Мы чучело гороховое из него сделаем. Правда, сэр Эндрю?

Сэр Эндрю. Лопнуть нам на месте, если не сделаем.

Сэр Тоби. А вот и маленькая негодница явилась.

Входит Мария.

Ну, что нового, золото мое индийское?

Мария. Скорее спрячьтесь за буксом, сюда идет Мальволио. Он сейчас на солнцепеке добрых полчаса обучал свою собственную тень хорошим манерам. Если вам охота позабавиться, следите за ним. Ручаюсь, это письмо так вскружит ему голову, что он совсем одуреет. Прячьтесь же, не то конец нашей шутке. А ты лежи тут (*бросает на землю письмо*): сюда плывет рыбка, которая только на лесть и клюет. (*Уходит.*)

Входит Мальволио.

Мальволио. Это зависит от удачи. Все зависит от удачи. Мария как-то сказала мне, будто я нравлюсь графине, да и сама графиня однажды намекнула, что влюбись она, так обязательно в человека вроде меня. И обходится она со мной куда уважительней, чем с другими домочадцами. Какой из этого вывод?

Сэр Тоби. Вот самоуверенная скотина!

Фабиян. Тише! Он размечтался и стал вылитый индюк! Смотрите, как распускает хвост и пыжится!

Сэр Эндрю. Прямо руки чешутся намять бока скоту!

Сэр Тоби. Тише вы!

Мальволио. Стать графом Мальволио!

Сэр Тоби. Ох, пес!

Сэр Эндрю. Пристрелить собаку на месте!

Сэр Тоби. Тише, тише!

Мальволио. Идти за примером недалеко: всем известно, что графиня Стрейчи вышла замуж за собственного камер-лакея.

Сэр Эндрю. Вот Иезавель бесстыжий!

Фабиян. Да тише вы! Теперь он совсем размечтался: ишь, как его распирает.

Мальволио. Я уже три месяца женат на ней и вот сижу в своем кресле под балдахином...

Сэр Тоби. Арбалет мне! Глаз ему выбить!

Мальволио. ...в бархатном расшитом халате; и призываю слуг; и я только что поднялся с ложа, где еще спит Оливия...

Сэр Тоби. Разрази его гром!

Фабиян. Тише! Тише!

Мальволио. ...и тут на меня находит каприз; я медленно обвожу всех взглядом, словно говорю, что хорошо бы им знать свое место, как я знаю свое, и сразу велю позвать моего родственника Тоби.

Сэр Тоби. Чтоб его на части разорвало!

Фабиян. Тише! Тише! Тише! Ну, ну?

Мальволио. Семеро слуг угодливо бегут за ним, а я продолжаю сидеть нахмурившись и, может быть, завожу часы или играю своей... какой-нибудь драгоценной безделушкой. Входит Тоби, отвешивает низкий поклон...

Сэр Тоби. Я ему голову сверну!

Фабиан. Тише! Молчите, даже если из вас будут тянуть слова клещами.

Мальволио. Я протягиваю ему руку вот так, смягчая свой строгий и властный взгляд милостивой улыбкой...

Сэр Тоби. И Тоби не дает тебе затрещины?

Мальволио. ... и говорю: "Кузен мой Тоби, поелику благосклонная судьба соединила меня с вашей племянницей, я вправе обратиться к вам с увещанием".

Сэр Тоби. Что, что?

Мальволио. "Вам не приличествует пьянствовать..."

Сэр Тоби. Умри, мерзавец!

Фабиан. Ну потерпите еще, иначе мы сами же выьем зубы нашей затее.

Мальволио. "К тому же вы расточаете ваше бесценное время с этим олухом... с рыцарем..."

Сэр Эндрю. Ей-богу, он это обо мне!

Мальволио. "... с этим сэром Эндрю".

Сэр Эндрю. Так я и знал, что обо мне! Сколько раз меня уже называли олухом!

Мальволио. А что это тут лежит перед нами? (*Поднимает письмо.*)

Фабиан. Сейчас птичка попадет в силоч!

Сэр Тоби. Тише! Хоть бы бог насмешки надоумил его прочесть письмо вслух!

Мальволио. Почерк графини, клянусь жизнью! Ее "б", ее "в", ее "п"; и заглавное "М" она всегда так пишет. Несомненно ее почерк, тут и спорить не о чем!

Сэр Эндрю. Ее “б”, ее “в”, ее “п” ... Что это значит?

Мальволио. “Моему безыменному возлюбленному вместе с наилучшими пожеланиями”. И слог ее! Не обессудь, воск! Аккуратней! И печать с головой Лукреции: она всегда пользуется этой печаткой. Интересно, кому это она пишет?

Фабиян. Увяз с головой и потрохами!

Мальволио
(читает)

“Я пленена,
Но кем, —
Молчать должна:
Язык, будь нем!”

“Язык, будь нем”. А дальше что? Размер меняется. “Язык, будь нем”. Вдруг это о тебе, Мальволио?

Сэр Тоби. Вздернуть бы тебя, барсук вонючий!

Мальволио
(читает)

“Хотя могу повелевать
Любимым я, но на уста
Легла молчания печать:
М.О.А.И. — моя мечта”.

Фабиян. Вот так головоломка!

Сэр Тоби. Ну не молодчина ли девка!

М а л ь в о л и о. “М.О.А.И. — моя мечта!” Да, это нужно хорошо обмозговать, обмозговать, обмозговать...

Ф а б и а н. И тухлую же приманку она ему подкинула!

С э р Т о б и. А наш сокол налетел на нее как стервятник!

М а л ь в о л и о. “Хотя могу повелевать любимым я”... Конечно, она может мной повелевать: я ей служу, она моя госпожа. Это всякому разумному человеку понятно, тут все ясно как день. Но вот конец, — что может значить такое расположение букв? Если бы они складывались в мое имя... Ага! М.О.А.И...

С э р Т о б и. А ну-ка, а ну, пусть поломает себе голову: он сбился со следа.

Ф а б и а н. Не беспокойтесь; эту дрянь даже такой паршивый пес учует: от нее воняет, как от лисицы.

М а л ь в о л и о. “М” — Мальволио. Да, с “М” начинается мое имя.

Ф а б и а н. Что я вам говорил? Дворняга всегда бежит по ложному следу!

М а л ь в о л и о. “М”, — но в середине все перепутано и ничего не получается: вместо “А” стоит “О”.

Ф а б и а н. Надеюсь, он и в конце закричит: “О”!

С э р Т о б и. Будь спокоен, а не то я его так отлупцую, что он поневоле взревет: “О”!

М а л ь в о л и о. “АИ” стоят рядом.

Ф а б и а н. “Айкать” тебе тоже придется немало: не знаю, как насчет почестей, а уж насмешки тебе обеспечены.

М а л ь в о л и о. “М.О.А.И.” — это будет похитрее, чем начало. Но если нажать, все станет по местам, потому что в

моем имени есть каждая из этих букв. Так, так! Дальше идет проза. (*Читаем.*)

“Если это попадет тебе в руки, — вникни. Волею судеб я стою выше тебя. Но да не устрасит тебя величие: одни рождаются великими, другие достигают величия, к третьим оно нисходит. Фортуна простирает к тебе руки. Овладей ими во всеоружии ума и смелости и, дабы приучить себя к тому, что может стать твоим, сбрось убогую оболочку и явись как заново рожденный. Будь хмур с родственником, надменен с челядью, громогласно рассуждай о делах государственных, по- рази всех странностью повадок: это советует тебе та, что вздыхает по тебе. Вспомни, кого восхищали твои желтые чулки, рождая желание видеть их всегда подвязанными крест-накрест. Вспомни, говорю тебе! Смелей, ты займешь высокое положение, если пожелаешь, а если нет, то пусть ты останешься для меня дворецким, жалким слугой, недостойным коснуться перстов Фортуны. Прощай. Та, что поменялась бы с тобой жребием.

Счастливая Несчастливица”.

Теперь я как среди ровного поля в белый день: все кругом видно, не заблудишься. Я буду надменным, я начну читать политические трактаты, не дам спуску сэру Тоби, порву низменные знакомства, я буду таким, как требуется. Уж на этот раз я себя не обольщаю, не заношусь в мечтах: кто ж усомнится сейчас в том, что графиня меня любит? Она недавно хвалила мои желтые чулки, одобряла подвязки крест-

накрест. В этом письме она признается мне в любви и тонкими намеками учит одеваться по ее вкусу. Хвала небу, я счастлив! Я буду загадочен, груб, в желтых чулках, спозаранку

Мальволио с письмом. Рис. Дж. Джилльберта.

подвязан крест-накрест. Слава богам и моей счастливой звезде! Но здесь есть еще приписка. (*Читает.*)

“Ты не можешь не угадать, кто я такая. Если ты не отвергаешь моей любви, дай мне об этом знать улыбкой: улыбка тебе очень к лицу, поэтому, прошу тебя, драгоценный мой возлюбленный, в моем присутствии всегда улыбайся”.

Примите мою благодарность, боги! Я буду улыбаться, я сделаю все, что ты пожелаешь! (*Уходит.*)

Фабиан. Такое представление я не променял бы на пенсию в тысячу золотых от самого персидского шаха!

Сер Тоби. Я прямо готов жениться на этой девчонке за ее выдумку!

Сер Эндрю. И я готов!

Сер Тоби. И мне не нужно другого приданого, кроме второй такой шутки!

Сер Эндрю. И мне не нужно!

Фабиан. А вот и наша достопочтенная охотница за дураками!

Входит Мария.

Сер Тоби. Хочешь, я стану перед тобой на колени?

Сер Эндрю. И я тоже.

Сер Тоби. Может, мне проиграть в кости свободу и сделаться твоим рабом?

Сер Эндрю. Слушай, а может, и мне сделаться?

С э р Т о б и. Ты навеела на него такие сладкие грезы, что он просто рехнется, проснувшись.

М а р и я. Нет, скажите правду, подействовало на него?

С э р Т о б и. Как водка на повивальную бабку.

М а р и я. В таком случае, если хотите посмотреть, что выйдет из нашей затеи, будьте при его первой встрече с госпожой: он наденет желтые чулки, — а она терпеть не может этот цвет, — и перевяжет их крест-накрест, — а она ненавидит эту моду, — и будет ей улыбаться, — а это как раз не подходит к ее теперешнему расположению духа, к меланхолии, в которую она погружена, что она непременно на него разозлится. Если хотите видеть это, идите за мной.

С э р Т о б и. За таким остроумнейшим дьяволенком хоть в самый Тартар!

С э р Э н д р ю. Ну и я не против Тартара!

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Сад Оливии.

Входят Виола и шут с бубном.

Виола. Бог в помощь тебе и твоей музыке, приятель. Ты что ж, так и состоишь при бубне?

Шут. Нет, сударь, я состою при церкви.

Виола. Как, разве ты священник?

Шут. Не совсем, сударь: понимаете ли, мой дом стоит у самой церкви, вот и выходит, что я состою при церкви.

Виола. Да этак ты, чего доброго, скажешь, что король сумасброд, потому что за ним бредет нищий с сумой, а церковь стала забубенной, если ты с бубном стал перед церковью.

Шут. Все может случиться, сударь. Ну и времена настали! Хорошая шутка нынче все равно что перчатка: любой остряк в два счета вывернет ее наизнанку.

Виола. Пожалуй, ты прав: стоит немного поиграть словом, как его уже треплет вся улица.

Ш у т. Потому-то, сударь, я и хотел бы, чтобы у моей сестры не было имени.

В и о л а. А почему все-таки?

Ш у т. Да ведь имя — это слово: кто-нибудь поиграет ее именем, и она, того и гляди, станет уличной. Что говорить, слова сделались настоящими продажными шукурами с тех пор, как их опозорили оковами.

В и о л а. И ты можешь это доказать?

Ш у т. Видите ли, сударь, без слов этого доказать нельзя, а слова до того изолгались, что мне противно доказывать ими правду.

В и о л а. Как я погляжу, ты веселый малый и не дорожишь ничем на свете.

Ш у т. Нет, сударь, кое-чем все-таки дорожу. Но вот вами, сударь, говоря по совести, я действительно не дорожу. Если это значит не дорожить ничем, значит, вы, сударь, ничто.

В и о л а. Ты случайно не дурак графини Оливии?

Ш у т. Что вы, сударь! Графиня Оливия не в ладах с дурустью; она не заведет у себя дурака, пока не выйдет замуж, а муж и дурак похожи друг на друга, как селедка на сардинку, только муж будет покрупнее. Нет, я у нее не дурак, а главный словоблуд.

В и о л а. Я недавно видел тебя у герцога Орсино.

Ш у т. Дурусть, сударь, вроде как солнце, всюду разгуливает и везде поспевает светить. Мне было бы очень жаль, сударь, если бы вашего господина она навещала реже, чем мою

госпожу. Кстати, господин премудрый, я, кажется, уже встречал вас здесь?

В и о л а. Ну, если ты взялся за меня, лучше мне уйти от тебя. На вот, получай. (*Дает ему денег.*)

Ш у т. Да ниспошлет тебе Юпитер бороду из следующей же партии волос.

Виола и Шут. Рис. Дж. Джилберта.

В и о л а. Сказать по совести, я сам тоскую по бороде (*в сторону*), только не на своем подбородке. — Твоя госпожа дома?

Ш у т (*Показывая монету.*) Вы не думаете, что если эту штуку спарить с другой, то они расплодятся?

В и о л а. Еще бы, если их положить вместе и пустить в дело.

Ш у т. Я с охотой сыграл бы Пандара Фригийского, чтобы заполучить Крессида для этого Троила.

В и о л а. Я тебя понял: ты ловко умеешь попрошайничать.

Ш у т. Надеюсь, сударь, мне будет просто выпросить у вас попрошайку: Крессида-то была попрошайкой. Сударь, моя госпожа дома. Я доложу ей, откуда вы явились, но кто вы такой и что вам нужно, ведомо одному небу; я сказал бы — одним стихиям, да слово больно затерто. (*Уходит.*)

В и о л а

Он хорошо играет дурака.

Такую роль глупец не одолеет:

Ведь тех, над кем смеешься, надо знать,

И разбираться в нравах и привычках,

И на лету хватать, как дикий сокол,

Свою добычу. Нужно много сметки,

Чтобы искусством этим овладеть.

Такой дурак и с мудрецом поспорит,

А глупый умник лишь себя позорит.

Входят сэр Тоби и сэр Эндрю.

С э р Т о б и. Храни вас бог, господин хороший.

В и о л а. И вас также, сударь.

Сэр Эндрю. Dieu vous garde, monsieur¹.

Виола. Et vous aussi; votre serviteur².

Сэр Эндрю. Не сомневаюсь, сударь; а я ваш.

Сэр Тоби. Не заблагорассудится ли вам соизволить в этот дом? Моя племянница вознамерена принять вас, если таково ваше направление.

Виола. Я держу курс на вашу племянницу, сударь: я хочу сказать, что именно ею должно завершиться мое путешествие.

Сэр Тоби. Тогда испыруйте ваши ноги, сударь; приведите их в действие.

Виола. Мои ноги лучше понимают меня, сударь, чем я понимаю ваше предложение испробовать мои ноги.

Сэр Тоби. Я хочу сказать — переступите порог, сударь, входите.

Виола. Я отвечу на это переступлением и входом. Но нас опередили.

Входят Оливия и Мария.

О дивно-совершеннейшая госпожа моя, да изольет на тебя небо потоки благовоний.

Сэр Эндрю. А мальчишка — мастер льстить! “Потоки благовоний” — здорово сказано!

1 Храни вас бог, сударь. (Франц.)

2 И вас тоже; ваш слуга. (Франц.)

В и о л а. Госпожа, дело мое такого рода, что голос его должен достичь только вашего изощреннейшего и многомилостивого слуха.

С э р Э н д р ю. “Благовония”, “изощреннейший”, “многомилостивый”: эта тройка будет у меня теперь всегда наготове.

О л и в и я. Закройте садовые ворота, и пусть никто не мешает мне выслушать его.

Сэр Эндрю, сэр Тоби и Мария уходят.

Вашу руку, сударь,

В и о л а

Я вам готов покорнейше служить.

О л и в и я

Как ваше имя?

В и о л а

Цезарио был назван ваш слуга.

О л и в и я

Вы мой слуга? Стал мир невыносим
С тех пор, как лезть учтивостью назвали.
Вы служите Орсино, а не мне.

В и о л а

Он служит вам, а я служу ему,
И, стало быть, я ваш слуга покорный.

О л и в и я

Ах, что мне в нем. Я из его души
Себя бы стерла, пустоту оставив.

В и о л а

А я хотел бы образом его
Заполнить вашу душу.

О л и в и я

Я просила

Мне никогда о нем не говорить.
Вот если б вы хотели рассказать,
Что кое-кто другой по мне томится,
Вы больше усладили бы мой слух,
Чем музыкою сфер.

В и о л а

О госпожа...

О л и в и я

Молю, не прерывайте. В прошлый раз
Я, словно околдованная вами,

Чтоб вас вернуть, послала вам свой перстень,
Обманом этим оскорбив себя,
Слугу и даже вас. Теперь я жду
Суда над хитростью моей постыдной
И явной вам. Что думаете вы?
Должно быть, честь мою к столбу поставив,
Ее казните вы бичами мыслей,
Рожденных черствым сердцем? Вы умны,
Вам ясно все. Прозрачный шелк, не плоть
Мне облекает сердце. Говорите ж.

В и о л а

Мне жаль вас.

О л и в и я

Жалость близит нас к любви.

В и о л а

Нет, ни на шаг. Ведь всем давно известно,
Что часто мы жалеем и врагов.

О л и в и я

Лишь улыбнуться я могу в ответ.
О люди, как вы преданы гордыне!
Когда терзает ваше сердце хищник,
Вы счастливы, что он не волк, а лев.

Слышен бой часов.

Часы корят меня за трату слов.
Ты мне не нужен, мальчик, успокойся.
И все ж, когда ты возмужаешь духом,
Твоя жена сорвет прекрасный плод!
Направлен вдаль твой путь.

В и о л а

Что ж, значит, вдаль!
Пусть счастье вечно пребывает с вами.
Для герцога ни слова нет у вас?

О л и в и я

Постой!
Что обо мне ты думаешь, признайся?

В и о л а

Что вы не то, чем кажетесь себе.

О л и в и я

Тогда и ты иной, чем я считаю.

В и о л а

Вы правы: я совсем не то, что есть.

Клянусь вам в этом чистотой моей.
Прощайте же. Я не явлюсь к вам боле
С мольбою герцога и стоном боли.

О л и в и я

Нет, приходи: ты властен, может быть,
Мою любовь к немилому склонить.

Уходят.

Сцена 2

Дом Оливии.

Входят сэр Тоби, сэр Эндрю и Фабиан.

Сэр Эндрю. Нет, ей-богу, не останусь здесь больше ни минуты.

Сэр Тоби. Но почему, изверг души моей, почему?

Фабиан. И вправду, сэр Эндрю, объясните нам, почему?

Сэр Эндрю. Да потому, черт возьми, что ваша племянница любезничала в саду с этим герцогским прихвостнем, как она никогда не любезничала со мной. Я сам это видел.

Сэр Тоби. Ты мне вот что скажи, старина: видела она тебя в это время?

Сэр Эндрю. Не хуже, чем я вижу вас.

Фабиан. Да ведь это лучшее доказательство ее любви к вам.

Сэр Эндрю. Что ж, по-вашему, я совсем осел?

Фабиан. Сэр, я берусь доказать это по всем правилам перед судом рассудка и здравого смысла.

Сэр Тоби. А они судили и рядили еще до того, как Ной стал моряком.

Фабиан. Она любезничала на ваших глазах с мальчишкой только для того, чтобы подстегнуть вас, растолкать вашу лежебоку-доблесть, зажечь огонь в сердце, расшевелить желчь в печени. Вы должны были сразу подойти к ней и заткнуть юнцу рот остротами, новенькими и блестящими, прямо с монетного двора. Она играла вам на руку, а вы это проморгали; вы позволили времени стереть двойной слой позолоты с удобного случая, удалились от солнца благоволения графини и теперь плывете на север ее немилости, где повисните, как сосулька на бороде у голландца. Впрочем, вы можете исправить эту ошибку, если представите похвальное доказательство своей отваги или политичности.

Сэр Эндрю. Значит, придется доказывать отвагу. Политичность я терпеть не могу: по мне, уж лучше быть браунистом, чем политиком.

Сэр Тоби. Ладно, тогда строй свое счастье на отваге. Вызови герцогского юнца на поединок и нанеси ему одиннадцать ран. Моя племянница обязательно пронюхает об этом, а, можешь мне поверить, даже самая пронируливая сводня, и та не расположит женщину к мужчине так, как слава о его подвигах.

Фабиан. Другого выхода нет, сэр Эндрю.

Сэр Эндрю. А кто-нибудь из вас отнесет ему мой вызов?

Сэр Тоби. Иди, напиши его размашистым почерком, воинственно и кратко. Плюнь на остроумие: главное, чтобы вызов был красноречивый и выразительный. Заляпай противника чернилами. Можешь тыкнуть его разок-другой, тоже будет не худо. Навороти столько несуразиц, сколько уместится на листе бумаги шириной в уэрскую кровать в Англии. Берись за дело, валий. Пусть в твоих чернилах будет побольше змеиного яду, а чем писать, это не суть важно: хоть гусиным пером. Ну, ступай.

Сэр Эндрю. А где я потом найду вас?

Сэр Тоби. Мы сами придем к тебе в cubiculo¹. Иди же.

Сэр Эндрю уходит.

Фабиян. Видно, сэр Тоби этот человечек вам очень дорог?

Сэр Тоби. Да, дорог. Но я ему еще дороже: обошелся тысячи в две, как пить дать.

Фабиян. Надо думать, письмо он напишет необыкновенное. Но ведь вы его не передадите?

Сэр Тоби. Разрази меня гром, если не передам. А ты во что бы то ни стало постарайся вытянуть ответ у юнца: сдастся мне, эту парочку даже быками и канатами друг к другу не подтащить. Если ты взрежешь Эндрю и в его печени хватит

1 В спальню. (Лат.)

крови, чтобы утопить блошиную ногу, то я готов проглотить всю остальную анатомию.

Ф а б и а н. Да и на лице его соперника, этого мальчишки, тоже не заметно особой свирепости.

Входит М а р и я.

С э р Т о б и. А вот и моя птичка-невеличка.

М а р и я. Если хотите повеселиться и похохотать до упаду, идите за мной. Этот болван Мальволио стал язычником, ну настоящий вероотступник: ведь ни один истинный христианин в жизни не поверит такой дурацкой выдумке. Он в желтых чулках.

С э р Т о б и. И в подвязках крест-накрест?

М а р и я. Да, как самый мерзкий педант-учитель из приходской школы. Я шла за ним по пятам, словно его убийца. Он точка в точку следует письму, которое я ему нарочно подкинула, и так улыбается, что теперь на его физиономии больше борозд, чем на новой карте с добавлением обеих Индий. Вам и во сне ничего подобного не снилось. Так бы чем-нибудь и запустила в него. Вот увидите, госпожа побьет его. Впрочем, пусть побьет, он все равно будет улыбаться и примет это как знак особого расположения.

С э р Т о б и. А ну, ведем, ведем нас к нему.

Уходят.

Сцена 3

Улица.

Входят Себастьян и Антонио.

Себастьян

Я вас хотел избавить от хлопот,
Но если вы находите в них радость,
Я умолкаю.

Антонио

Я не мог оставить
Вас одного. Как острое стальное,
Впилась мне в грудь бессонная тревога:
Не только жажда вместе с вами быть —
Хотя она во мне неутолима, —
Но страх за вашу жизнь. В чужом краю
Неопытному страннику порою
Опасность угрожает. Этот страх
Мою любовь пришпорил и за вами
Погнал сюда.

Себастьян

Антонио, мой друг,
Я вам могу ответить лишь: “Спасибо,
Спасибо много раз”. Такой монетой
Частенько платим мы за доброту,

Но будь я столь богат, сколь благодарен,
Я отплатил бы вам куда щедрее...
Пойдем на город взглянем.

А н т о н и о

Лучше завтра:
Сейчас нам нужно подыскать приют.

С е б а с т ь я н

Я не устал, а ночь еще далеко.
Сперва глаза насытим чудесами,
Живущими в твореньях старины,
Которыми прославлен этот город.

А н т о н и о

Простите, но открыто здесь бродить —
Опасно для меня. Случилось как-то
Мне крепко насолить в морском бою
Галерам герцога. Меня узнают
И, уж поверьте, спуска не дадут.

С е б а с т ь я н

Как видно, многих вы в тот день сразили.

А н т о н и о

Нет, к счастью, кровь тогда не пролилась,
Хотя в пылу ожесточенной схватки
Дойти легко и до кровопролитья.
Конечно, возместить убытки можно,
И многие сограждане мои
Так поступили, чтоб торговых связей
Не порывать. Но я не согласился
И дорого за это заплачу,
Попавшись здесь.

С е б а с т ь я н

Так будьте осторожны.

А н т о н и о

Придется. Вот вам, сударь, кошелек.
Мы остановимся в предместье южном,
В “Слоне” — гостиниц лучше не сыскать.
Я позабочусь обо всем, а вы
Меж тем спокойно проводите время
И насыщайте ум. До скорой встречи.

С е б а с т ь я н

Но кошелек к чему?

А н т о н и о

Захочется безделицу купить,
А ваш карман, я думаю, пустует.

С е б а с т ь я н

Мой друг, я буду вашим казначеем
Всего лишь час.

А н т о н и о

Итак, в “Слоне”?

С е б а с т ь я н

Отлично!

Уходят.

Сцена 4

Сад Оливии.

Входят Оливия и Мария.

О л и в и я

Нет, он придет; ведь я за ним послала.
Как мне принять его? Чем одарить?
Ведь юность легче подкупить подарком,
Чем просьбами смягчить. Как я кричу!
А где Мальволио? Он горд и сдержан, —

Вполне подходит мне такой слуга.
Так где ж Мальволио?

М а р и я. Сейчас явится, сударыня. Но он очень в странном расположении духа: сдается мне, он не в своем уме, сударыня.

О л и в и я

Как — не в своем уме? Он, что же, бредит?

М а р и я. Нет, сударыня, только улыбается. Когда он придет, лучше бы вашей милости не оставаться с ним наедине, потому что, ей-богу, он спятил.

О л и в и я

Поди за ним.

Мария уходит.

Ах, я безумна тоже,
Коль скорбный бред и бред веселый схожи.

Возвращается Мария с Мальволио.

Ты что, Мальволио?

М а л ь в о л и о. Ха-ха-ха, прекрасная дама!

О л и в и я

Тебе смешно? Я за тобой послала,
Чтоб обсудить серьезные дела.

М а л ь в о л и о. Серьезные, сударыня? Я и сам сейчас расположен к серьезности: у меня застой в крови от этих подвязок крест-накрест. Но что из того? Если они нравятся чьим-то глазам, то, как говорится в одном правдивом сонете: “Кто мил одной, тот всем по вкусу”.

О л и в и я. Что с тобой, Мальволио? Как ты себя чувствуешь?

М а л ь в о л и о. Мысли у меня розовые, хотя ноги и желтые. Все получено, и все пожелания будут исполнены. Нам ли не узнать этот изящный римский почерк?

О л и в и я. Не лечь ли тебе в постель, друг мой?

М а л ь в о л и о. В постель? Ну, конечно, милая, я приду к тебе!

О л и в и я. Господи помилуй! Почему ты так улыбаешься и все время целуешь себе руку?

М а р и я. Что это с вами, Мальволио?

М а л ь в о л и о. Вы изволите обращаться ко мне с вопросами? Впрочем, даже соловьи вынуждены слушать галок.

М а р и я. Как вы смеете в присутствии госпожи так глупо и развязно себя вести?

М а л ь в о л и о. “Да не устрасит тебя величие”, — так сказано в письме.

О л и в и я. Как это понять, Мальволио?

М а л ь в о л и о. “Иные рождаются великими...”

О л и в и я. Что, что?

М а л ь в о л и о. “... другие достигают величия...”

О л и в и я. Что ты такое болтаешь?

Мальволио. "... к третьим оно нисходит..."

Оливия. Да смилуются над тобой небеса!

Мальволио. "Вспомни, кого восхищали твои желтые чулки..."

Костюм шута-музыканта.

Оливия. Мои желтые чулки?

Мальволио. "... рождая желание видеть их подвязанными крест-накрест..."

Оливия. Крест-накрест?

Мальволио. "Смелей, ты займешь высокое положение, если пожелаешь..."

Оливия. Я займу высокое положение?

М а л ь в о л и о. “А если нет, пусть ты останешься слугой...”

О л и в и я. Нет, у него несомненно солнечный удар!

Входит слуга.

С л у г а. Госпожа, молодой придворный герцога Орсино явился: я еле-еле упросил его вернуться. Он ждет распоряжений вашей милости.

О л и в и я. Я выйду к нему.

Слуга уходит.

Пожалуйста, Мария, пусть за этим человеком присмотрят. Найди дядюшку Тоби, пусть позаботится, чтобы при нем кто-нибудь неотлучно находился. Я готова отдать половину состояния, только бы с ним не случилось худо.

Оливия и Мария уходят.

М а л ь в о л и о. Ну как, понятно вам, что я за человек? За мной будет присматривать не кто-нибудь, а сам сэр Тоби! Впрочем, это ясно из письма, — она посылает ко мне Тоби нарочно, чтобы я наговорил ему дерзостей: ведь она прямо подбивает меня на это в своем письме. “Сбрось убогую оболочку, — пишет она, — будь хмур с родственником, надменен с челядью, громко рассуждай о делах государственных, порази всех странностью повадок”; и тут же указывает, как мне себя вести: вид должен быть суровый, осанка величаявая, речь медлительная, манеры важного господина и прочее. Теперь ей от меня не уйти! Но все это свершилось волей небес, и я

благословляю небеса. А когда она сейчас уходила: “Пусть за этим человеком присмотрят!” За человеком! Не за Мальволио, не за дворецким, а за человеком! Все ясно, все одно к одному, ни тени сомнений, ни намека на тень сомнений, никаких препятствий, никаких опасностей и тревог. Что говорить! Никаких преград между мной и полным завершением моих надежд! Но я тут ни при чем, так повелели небеса, и небесам я шлю свою благодарность.

Мария возвращается вместе с сэром Тоби и Фабианом.

Сэр Тоби. Ради всего святого, где он? Даже если им черти завладели, пусть хоть целый легион дьяволов, — все равно я должен с ним поговорить.

Фабиан. Вот он, вот он! — Что с вами, сударь? Скажите, что с вами?

Мальволио. Подите прочь, я с вами не знаюсь. Не мешайте мне наслаждаться уединением. Прочь отсюда!

Мария. Слышите? Думаете, это он так хрипло бормочет? Это бес, который в него вселился. — Сэр Тоби, госпожа просила вас присматривать за ним.

Мальволио. Ага! Вам понятно?

Сэр Тоби. Ну-ну-ну, успокойся, успокойся! — С ним нужно обращаться поласковей: предоставьте это мне. — Как ты себя чувствуешь, Мальволио? Как твое здоровье? Не поддавайся дьяволу, друг мой, вспомни — он враг рода человеческого.

Мальволио. Что вы такое несете?

М а р и я. Видите, как он злится, когда бранят нечистого? Упаси нас боже, а вдруг на него напустили порчу?

Ф а б и а н. Надо бы отнести его мочу к знахарке.

М а р и я. Завтра же отнесу, если только доживу до утра. Сказать вам не могу, как расстроится госпожа, если его поте-
ряет.

М а л ь в о л и о. Как-как, сударыня?

М а р и я. Ой господи!

С э р Т о б и. Придержи-ка язык: так нельзя. Видишь, как ты его раздражаешь. Я с ним без твоей помощи справлюсь.

Ф а б и а н. Лаской, только лаской! Совсем ласково. Дьявол такой грубиян, что терпеть не может, когда с ним грубо обходятся.

С э р Т о б и. Ну как, петушок? Как тебе кукарекается?

М а л ь в о л и о. Сударь!

С э р Т о б и. "Пойдем со мною, Бидди!" Вот что, приятель, не подобает порядочному человеку водиться с сатаной: гони его в шею, черномазого!

М а р и я. Дорогой сэр Тоби, заставьте его читать молитвы! Пусть молится!

М а л ь в о л и о. Читать молитвы, дерзкая девчонка?

М а р и я. Вот видите, он просто не выносит, когда при нем говорят о чем-нибудь божественном!

М а л ь в о л и о. Да провалитесь вы все, пустые, жалкие твари! Я вам не чета! Вы еще узнаете, кто я такой. (Уходит.)

С э р Т о б и. Сплю я, что ли?

Фабиан. Если бы я увидел это на сцене, я сказал бы, что в жизни такого вздора не бывает.

Сэр Тоби. Наша выдумка влезла ему прямо в печенки.

Мария. Бегите за ним, а не то как бы эта самая выдумка не вылезла на свет божий и не завоняла.

Фабиан. А вдруг он и впрямь рехнется?

Мария. Спокойнее станет в доме, только и всего.

Сэр Тоби. Пойдемте запихаем его в чулан и свяжем. Племянница уже поверила, что он спятил, поэтому мы можем продолжать, пока эта затея нам не прискучит. Ну, а тогда мы смилуемся над ним. Потом мы обнарудуем всю историю, а тебе выдадим награду за поимку сумасшедшего. Но смотрите, кто идет!

Входит сэр Эндрю.

Фабиан. Еще один шут гороховый!

Сэр Эндрю. Вот мой вызов. Прочтите его. Уж я не пожалел уксуса и перца.

Фабиан. Будто бы и впрямь такой острый?

Сэр Эндрю. Еще бы! Могу поручиться! Читайте же.

Сэр Тоби. Дай-ка мне. (*Читает.*) “Молокосос, кто бы ты ни был, ты паршивое отродье!”

Фабиан. Крепко сказано. И красиво к тому же.

Сэр Тоби (*читает*). Не удивляйся и не спрашивай, почему я тебя так обзываю, потому что я не намерен тебе это объяснять”.

Фабиан. Тонко придумано: на нет и суда нет.

Мальволио читает мнимое письмо Оливии.
Рис. П. Рольстона.

Сэр Тоби (*читает*). “Ты приходишь к графине Оливии, и на моих глазах она любезничает с тобой. Но ты гнусный лжец, хотя я вызываю тебя не по этой причине”.

Фабиян. Кратко и совершенно... бессмысленно!

Сэр Тоби (*читает*). “Я подкараулю тебя, когда ты пойдешь домой, и если тебе удастся убить меня...”

Фабиян. Превосходно!

Сэр Тоби (*читает*). “... ты убьешь меня как подлец и негодяй”.

Фабиян. Лазейку вы все-таки себе оставляете. Превосходно!

Сэр Тоби (*читает*).

“Будь здоров, и да смилуется небо над душой одного из нас. Может, это будет моя душа, но я надеюсь на лучшее: поэтому берегись. Твой друг, если ты хорошо со мной обойдешься, и твой заклятый враг

Эндрю Эгьючик“.

Если это письмо не выведет его из себя, значит, он вообще не в себе.

Мария. И случай сейчас подходящий: он вот-вот кончит беседовать с госпожой и уйдет от нее.

Сэр Тоби. Иди, сэр Эндрю, засядь где-нибудь в саду, точно ты судебный пристав, а как только завидишь его, так прямо и кидайся со шпагой и при этом ругайся на чем свет стоит; знаешь, чтобы прослыть храбрецом, можно обойтись и без подвигов: сумей только браниться позычнее, да похвастливее, да позабористей. Ступай!

Сэр Эндрю. Что-что, а ругаться я мастер. (*Уходит.*)

Сэр Тоби. Ну нет, письмо я передавать не стану. По манерам этого молодого человека сразу видно, что он и неглуп и хорошо воспитан, да и доверие к нему его господина и моей племянницы подтверждает это. Стало быть, такое дурацкое письмо никак не испугает мальчишку: он сразу поймет, что его писал олух. Лучше я передам вызов устно, распишу в самых ужасных выражениях отвагу Эгьючика и заставлю юнца поверить — юность ведь всегда доверчива, — что нет на свете человека более искусного в фехтовании, более бесстрашного, отчаянного и неистового. Они оба до того перетрусят, что прикончат друг друга взглядами, как василиски.

Возвращается Оливия вместе с Виолой.

Фабиан. А вот и он сам, и ваша племянница с ним. Давайте отойдем, пусть он попросается, а потом сразу его нагоним.

Сэр Тоби. Я же тем временем сочиню такой вызов, что у него кровь заледенеет в жилах.

Сэр Тоби, Фабиан и Мария уходят.

Оливия

Я все сказала каменному сердцу,
Я даже гордость в жертву принесла,
И вот корю себя теперь за слабость...

Но эта слабость так во мне сильна,
Что мне смешными кажутся укоры!

В и о л а

Теперь я вижу: ваша страсть похожа
На горе государя моего.

О л и в и я

Возьмите медальон — в нем мой портрет.
Он докучать не станет вам, не бойтесь.
Я жду вас завтра. Как! Опять отказ?
А я ни в чем, что чести не порочит,
Не отказала б вам.

В и о л а

Тогда, прошу,
Отдайте сердце герцогу Орсино.

О л и в и я

Но честно ль подарить Орсино то,
Что отдано тебе?

В и о л а

Я не обижусь.

О л и в и я

Итак, до завтра. Ты исчадь ада,
Но я с тобою и погибнуть рада.

(Уходит.)

Входят сэр Тоби и Фабиан.

Сэр Тоби. Храни вас бог, юноша.

Виола. Вас также, сударь.

Сэр Тоби. Если у вас есть чем защищаться, будьте наготове. Мне неизвестно, чем вы оскорбили этого человека, но он полон злобы и подстерегает вас у садовых ворот, точно алчущий крови охотник. Пусть ваша рапира покинет свое убежи-

Сэр Тоби читает вызов сэра Эндрю. Рис. Дж. Джильберта.

ще, не теряйте ни минуты; ваш недруг искусен, ловок, неутомим.

В и о л а. Сударь, вы ошибаетесь: уверяю вас, на свете нет человека, который мог бы считать себя оскорбленным мною. В здравом уме и твердой памяти говорю вам, что никогда никого ничем не обидел.

С э р Т о б и. А я утверждаю, что скоро вы убедитесь в противном. Поэтому, если вам хоть немного дорога жизнь, приготовьтесь к защите, ибо ваш враг обладает всем, чем юность, сила, ловкость и гнев могут одарить человека.

В и о л а. Сударь, скажите хотя бы, кто он такой?

С э р Т о б и. Рыцарь, посвященный в рыцарство придворной шпагой за кошельковые заслуги. Но в уличных потасовках он — сам дьявол. Он уже трижды разлучал души с телами, а ярость его сейчас так разбуянилась, что утихомирить ее можно только смертными муками и могилой. Будь что будет — таков его клич. Убей или умри!

В и о л а. Я вернусь и попрошу у графини провожатых. Я не любитель драк. Мне доводилось слышать о людях, которые нарочно задирают других, чтобы испытать их храбрость: должно быть, ваш приятель из этой братии.

С э р Т о б и. Нет, сударь, он негодует по очень существенной причине; поэтому приготовьтесь исполнить то, что он требует. Никуда вы не вернетесь, если не хотите иметь дело со мной, а я не менее опасен, чем он. Поэтому, либо идите к воротам, либо обнажайте шпагу. Хотите не хотите, а драться вы будете, или навсегда распрощитесь с оружием.

В и о л а. Это не только неучтиво, но и непонятно. Прошу вас, окажите мне услугу, узнайте у рыцаря, чем я перед ним провинился. Если я и обидел его, то не преднамеренно.

С э р Т о б и. Что ж, так и быть, исполню вашу просьбу. — Синьор Фабиан, побудьте с молодым человеком, пока я вернусь. (*Уходит.*)

В и о л а. Скажите, пожалуйста, сударь, известно вам что-нибудь об этом деле?

Ф а б и а н. Могу только сказать, что рыцарь готов драться не на жизнь, а на смерть, в такой он ярости; больше я ничего не знаю.

В и о л а. Позволю себе спросить вас, что он за человек?

Ф а б и а н. Видите ли, по внешности этого рыцаря никак не скажешь, что он такой уж отважный. Но испытайте его храбрость, и вы поймете, что он самый искусный, свирепый и опасный фехтовальщик во всей Иллирии. Хотите, пойдем к нему навстречу. Я постараюсь помирить его с вами.

В и о л а. Я буду вам очень признателен. Судите как хотите о моем мужестве, но, если на то пошло, общество священников подходит мне больше, чем общество рыцарей.

Уходят.

Возвращается сэр Тоби с сэром Эндрю.

С э р Т о б и. Скажу по правде, он сущий дьявол. В жизни не видал такого гарпия. Я попробовал сразиться с ним на рапирах, ножах и прочем, и у него оказался такой смертельный выпад, что деваться некуда. А уж отбиваясь, он попадает в цель так точно, как ноги в землю при ходьбе. Говорят, он был фехтовальщиком у самого персидского шаха.

Сэр Эндрю. Пропади он пропадом! Не хочу я с ним связываться.

Сэр Тоби. Но его никак не утихомирить: Фабиан еле-еле справляется с ним.

Сэр Эндрю. Вот черт! Знал бы я, что он такой храбрец и так здорово фехтует, я подождал бы с вызовом, пока он не издохнет. Уговорите его отказаться от поединка, и я подарю ему за это мою серую лошадку Капилет.

Сэр Тоби. Что ж, пойду попробую, а ты стой тут и держи голову повыше: вот увидишь, все обойдется без членовредительства. (*В сторону.*) Лопни мои глаза, если я не буду ездить на твоей лошади, как сейчас езжу на тебе.

Возвращаются Фабиан и Виола.

(*Фабиану.*) Я получу его лошадь, если улажу дело. Я его убедил, что этот мальчишка — дьявол, дьявол во плоти.

Фабиан. А тот сам до смерти его боится: видите, побледнел и тяжело дышит, будто за ним медведь гонится.

Сэр Тоби (*Виоле*). Ничего не попишешь, сударь, он поклялся, что будет с вами драться. Но так как, поразмыслив насчет этой обиды, рыцарь считает ее пустячной и не стоящей разговоров, то он обещает не причинить вам вреда, если только вы обнажите шпагу и не помешаете ему исполнить клятву.

Виола (*в сторону*). Да поможет мне бог! Еще немного — и все увидят, что я вот ни настолько не мужчина.

Фабиан. Если он очень уж разъярится — отступайте.

Сэр Тоби. Ничего не попишешь, сэр Эндрю: молодой человек должен разок скрестить с тобой шпагу. Этого требует его честь. По законам дуэли он не может отказаться от схватки, но зато дает слово дворянина и воина, что не причинит тебе вреда. Ну-ка, становись в позицию.

Сэр Эндрю. Дай бог, чтобы он сдержал слово! (*Обнажает шпагу.*)

Виола. Уверяю вас, мне совсем не хочется драться! (*Обнажает шпагу.*)

Входит Антонио.

Антонио
(сэру Эндрю)

Постойте, сударь! Он ли вас обидел,
Иль вы его — но драться на дуэли
Вы будете со мною, а не с ним!

(*Обнажает шпагу.*)

Сэр Тоби. С вами, сударь? А кто вы такой?

Антонио

Тот, кто способен из любви к нему
На большее, чем выразить умеет.

Сэр Тоби. Ну, если вы любитель совать нос в чужие дела, обнажайте шпагу!

Дерутся.

Фабиан. Сэр Тоби, бога ради, прекратите, сюда идут пристава!

Входят пристава.

Сэр Тоби. Сейчас я с ним управлюсь!

Виола (*сэру Эндрю*). Сударь, будьте добры, вложите шпагу в ножны.

Сэр Эндрю. С великой охотой, сударь. А что касается моего обещания, то можете не сомневаться, я свое слово сдержу. Она смиренная и хорошо слушается поводов.

Первый пристав

Вот он. Скорее арестуй его.

Второй пристав

По приказанью герцога Орсино,
Антонио, я арестую вас.

Антонио

Меня? Вы, сударь, верно обознались.

Первый пристав

Ну нет! Я вас в лицо отлично знаю,
Хоть вы и без матросского берета.
Веди его: мы старые знакомцы.

А н т о н и о

Что ж, подчинюсь.

(Виоле.)

Я всюду вас искал,
Вот и попался. Дела не поправишь.
Но вы-то как же? Ведь теперь придется
Мне попросить у вас мой кошелек.
Я не смогу помочь вам — это хуже

Сэр Тоби и дуэлянты — сэр Эндрю и Виола.
Рис. Фр. Пехта.

Всех бед моих. Вы смущены, мой друг?
Прошу вас, не горюйте.

Первый пристав

Ну, пошли.

Антонио

Лишь часть тех денег я возьму себе.

Виола

Какие деньги, сударь?
Я тронут вашей добротой ко мне
И тем, что вы сейчас в беду попали, —
Поэтому, конечно, я согласен
Помочь вам из моих убогих средств.
Немного денег в этом кошельке,
Но вот вам половина.

Антонио

От меня

Вы отрекаетесь? Ужель могли вы
Забуть о том, что сделал я для вас?
В мой черный день меня не искушайте,
Иль я унижусь до напоминанья
О всех моих услугах вам.

В и о л а

Но я

О них не знаю, как не знаю вас.
Неблагодарность в людях мне противней
Хмельного пустословья, низкой лжи,
Любых пороков, что как червь, снедают
Податливую нашу плоть.

А н т о н и о

О небо!

В т о р о й п р и с т а в

Идемте, сударь. Хватит болтовни!

А н т о н и о

Нет, подождите! Этого юнца
Я выхватил из лап когтистых смерти,
Любил его, пред ним благоговел,
Как будто все, что людям в жизни свято,
Он, безупречный, воплотил в себе.

П е р в ы й п р и с т а в

А мы при чем? Нам некогда, пойдемте.

А н т о н и о

Но он кумир презренный, а не бог.
О Себастьян, ты красоту порочишь!
Чернит природу зла тлетворный дух;
Тот выродок, кто к благу сердцем глух;
Добро прекрасно, а порок смазливый —
Бесовский плод — румяный, но червивый.

П е р в ы й п р и с т а в

Совсем рехнулся! Ну пошли, пошли.

А н т о н и о

Ведите, я готов.

(Уходит вместе с приставами.)

В и о л а

Он говорил, в свою ошибку веря
И мучаясь... Но верю ль я химере?
Ах, брат мой, если б не было мечтой,
Что спутали сейчас меня с тобой!

С э р Т о б и. Иди сюда, рыцарь; иди сюда, Фабиан: обменяемся тихонько словечком об этом деле. На этот счет есть презабавные куплеты...

В и о л а

Меня называли Себастьяном... Боже!
Мне стоит в зеркало взглянуть — и что же?
Передо мной его живой портрет:
Черты лица, покрой одежды, цвет...
Да, если мне с ним суждено свиданье,
То в соли волн есть радость состраданья.

(Уходит.)

С э р Т о б и. Бесстыжий, дрянной мальчишка, и к тому же труслив как заяц: что бесстыжий, это ясно, раз он бросил друга в беде, а насчет трусости можешь спросить Фабиана.

Ф а б и а н. Трус, притом добротный — первый сорт!

С э р Э н д р ю. Ей-богу, сейчас пойду за ним и отлупцую его.

С э р Т о б и. Правильно. Отколошмать как следует, только не вздумай обнажать шпагу.

С э р Э н д р ю. Ну нет, обязательно вздумаю. (Уходит.)

Ф а б и а н. Пойдемте посмотрим, что из этого выйдет.

С э р Т о б и. Голову прозакладываю, что ничего.

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Перед домом Оливии.
Входят Себастьян и шут.

Ш у т. И вы думаете, я поверю, что вы не тот за кем меня послали?

Себастьян

Иди-иди, оставь меня в покое:
Ты не в своем уме.

Ш у т. Ей-ей, отлично сыграно! Ну еще бы, я вас в глаза не видел, и госпожа послала меня не за вами, и хочет видеть она не вас, и Цезарио не ваше имя, и мой нос не мой, а чужой. И вообще черное — это белое.

Себастьян

Не изливай потока безрассудств:
Меня не знаешь ты.

Ш у т. Изливать поток безрассудств! Он подцепил эти слова у какого-нибудь важного господина, а теперь повторяет их шуту! Изливать поток безрассудств! Ох, боюсь, как бы весь род людской, этот великовозрастный пентюх, не оказался на проверку жеманным фатом. — Знаешь что, брось кривляться и скажи, что мне излить госпоже: излить ей, что ты придешь?

С е б а с т ь я н

Прошу тебя, уйди, глупец несчастный!
Вот деньги, получай. А не отстанешь,
Получишь по зубам..

Ш у т. Рука у тебя щедрая, ничего не скажешь. Умники тем и славятся, что швыряют деньги дуракам.

Входят сэр Эндрю, сэр Тоби и Фабиан.

С э р Э н д р ю. Как, сударь, вы опять здесь? Получайте, вот вам! (*Дает пощечину Себастьяну.*)

С е б а с т ь я н

А вот тебе, и вот еще, и вот!

(*Бьет сэра Эндрю.*)

Тут, видно, все взбесились!

С э р Т о б и. Прекратите, сударь, или ваша шпага полетит на крышу!

Ш у т. Пойду и доложу обо всем госпоже; ни за какие деньги не согласился бы очутиться в вашей шкуре, — такое она вам пропишет. (*Уходит.*)

Сэр Тоби (держит Себастьяна). Успокойтесь, сударь, прекратите!

Сэр Эндрю. Оставьте, не трогайте его: я с ним по-другому рассчитаюсь. Я подам на него в суд за оскорбление действием — ведь есть же еще в Иллирии законы. Правда, я первый стукнул его, но это не в счет.

Себастьян

Прочь руки от меня!

Сэр Тоби. Утихомирьтесь, сударь, я ваших рук не отпущу. Ну-ну, мой юный вояка, спрячьте эту железку. Слишком уж вы разбуянились, успокойтесь.

Себастьян

(вырываясь из рук сэра Тоби)

Прочь, говорю! Тебе, я вижу, мало?
Коль хочешь драться, шпагу обнажай!

Сэр Тоби. Что, что? Нет, видать, придется мне выпустить из тебя парочку унций твоей бешеной крови. (Обнажает шпагу.)

Входит Оливия

Оливия

Стой, Тоби, слышишь? Отпусти его!

Сэр Тоби. Сударыня!

О л и в и я

Доколь терпеть мне? Грубиян несносный,
Тебе бы жить в горах, в берлогах диких,
Где не нужна учтивость... Вон пошел!
Цезарио, прошу вас, не сердитесь! —
Уйдите, негодяи!

Сэр Тоби, сэр Эндрю и Фабиан уходят.

Милый друг,

Пусть будет разум, а не гнев судьей
Бесчинного и грубого набега
На твой покой. Пойдем ко мне скорей:
Я расскажу о каверзах нелепых
Невежи этого — и сам ты первый
Над ними посмеешься. Ну идем же!
Ах, выносить его уж нет сил:
Задев тебя, он сердце мне пронзил.

С е б а с т ь я н

Что это значит? Кто она, кто он?
Я обезумел иль мне снится сон?
К тебе моление, Лета, возношу:
Коль это сон, продли его, прошу.

О л и в и я

Доверься мне!

Себастьян

Я жизнь вверяю вам.

Оливия

О, повтори обет свой небесам.

Уходят.

Сцена 2

Дом Оливии.

Входят Мария и шут.

Мария. Надень, пожалуйста, эту рясу и подвяжи бороду: пусть он думает, что ты сэр Топас, священник. Только побыстрей, а я тем временем сбегая за сэром Тоби. (*Уходит.*)

Шут. Ладно, надену, притворюсь, что я не я. Эх, кабы я был первым притворщиком в рясе! В проповедники я не го-жусь — ростом не вышел, в ученые богословы меня не возьмут — брюха не отрастил, но, по мне, прослыть честным малым и рачительным хозяином не хуже, чем считаться добрым пастырем и великим ученым. А вот и заговорщики явились.

Входят сэр Тоби и Мария.

Сэр Тоби. Да благословит тебя Юпитер, господин пастор.

Ш у т. Bonos dies¹, сэр Тоби, ибо, подобно тому как древний пражский старец-отшельник, отродясь не выдавший пера и чернил, с великим остроумием ответил племяннице короля Горбодука: “Что есть, то есть”, так и я, поскольку я есмь господин пастор, постольку я есмь господин пастор, ибо что такое “то”, как не “то”, и что такое “есмь”, как не “есмь”?

С э р Т о б и. Обратись к нему, сэр Топас.

Ш у т. Эй, как там тебя! Мир сей темнице!

С э р Т о б и. А здорово передразнивает плут! Отменный плут!

М а л ь в о л и о (*За сценой*). Кто меня зовет?

Ш у т. Сэр Топас, священник, явился навестить Мальволио, помешанного.

М а л ь в о л и о. Сэр Топас, сэр Топас, дорогой сэр Топас, пойдите к моей госпоже.

Ш у т. Изыди, враг неизреченный! Как искушаешь ты сего человека! — Ты что же, только о госпожах и умеешь разговаривать?

С э р Т о б и. Хорошо сказано, господин пастор.

М а л ь в о л и о. Сэр Топас, меня неслыханно оскорбили! Дорогой сэр Топас, поверьте мне, я вовсе не сумасшедший. Они заперли меня здесь в мерзостной темноте.

Ш у т. Сгинь, сатана бесчестный! Скажи спасибо, что я обхожусь с тобой столь мягко: я принадлежу к тем кротким

¹ Добрый день. (*Исп. искаж.*)

душам, которые и с чертом сохраняют учтивость. — Ты смеешь утверждать, что помещение сие погружено во тьму?

М а л ь в о л и о. Как преисподняя, сэр Топас.

Костюм шута. Средневековая миниатюра.

Ш у т. Да ведь тут окна в нишах, и они прозрачны, как забор, и еще есть оконца на юго-север, и они сияют, как черное дерево! И ты смеешь жаловаться на помрачение!

М а л ь в о л и о. Я в своем уме, сэр Топас: говорю вам, тут темно, хоть глаз выколи.

Ш у т. Умалишенный, ты бредишь: говорю тебе, ты не во мрак погружен, а в невежество, в коем блуждаешь, как египтянин во тьме.

М а л ь в о л и о. А я вам говорю, что этот чулан темнее всякого невежества, будь оно темнее преисподней, и что меня неслыханно оскорбили. Я не больше сошел с ума, чем вы: можете проверить, задайте мне любой здравый вопрос.

Ш у т. Каково воззрение Пифагора на дичь?

М а л ь в о л и о. Таково, что, может быть, душа нашей бабушки переселилась в глупую птицу.

Ш у т. Каков твой взгляд на это воззрение?

М а л ь в о л и о. У меня более возвышенный взгляд на душу, и я никак не одобряю его воззрений.

Ш у т. Счастливо оставаться. Продолжай пребывать во тьме. Да проникнешься ты воззрением Пифагора, иначе я не признаю тебя здравомыслящим, и да убоишься стрелять глупышей, дабы не покалечить душу своей бабушки. Счастливо оставаться!

М а л ь в о л и о. Сэр Топас, сэр Топас!

С э р Т о б и. Неподражаемый сэр Топас!

Ш у т. Видите, я и швец, и жнец, и на дуде игрец!

М а р и я. А ряса и борода ни к чему: он ведь тебя не видит.

С э р Т о б и. Поговори с ним обычным своим голосом, а потом расскажешь мне, что и как. Очень мне хочется поскорее развязаться с этой затеей. Хорошо бы освободить его под каким-нибудь пристойным предлогом: моя племянница сейчас так гневается на меня, что продолжать нашу игру не следует. Не мешкай, скорей приходи ко мне в комнату.

Сэр Тоби и Мария уходят.

Ш у т
(поет)

“Эй, ты, Робин, славный Робин,
Ты доволен ли женой?”

М а л ь в о л и о. Шут!

Ш у т
(поет)

“С ней мне больше жить невмочь!”

М а л ь в о л и о. Шут!

Ш у т
(поет)

“Что такое, расскажи!”

М а л ь в о л и о. Шут, послушай!

Ш у т
(поет)

“Изменяет мне...”

Кто это меня зовет?

М а л ь в о л и о. Пожалуйста, дорогой шут, окажи великую услугу, принеси мне свечу, перо, чернил и бумагу. Даю слово дворянина, я по гроб жизни буду тебе обязан.

Ш у т. Господин Мальволио!

М а л ь в о л и о. Что, мой добрый шут?

Ш у т. Увы, сударь, как это случилось, что вы тронулись умом?

М а л ь в о л и о. Шут, со мной обошлись постыднейшим образом. Я так же в своем уме, как и ты.

Ш у т. Как я? Ну, если у вас ум, как у дурака, значит, вы действительно помешанный.

М а л ь в о л и о. Они сунули меня сюда, держат в кромешной тьме, подсылают ко мне каких-то ослов священников и вообще делают все, чтобы я сошел с ума.

Сэр Тоби и шут.

Ш у т. Подумайте, что вы такое болтаете: священник-то здесь. — Мальволио, Мальволио, да укрепят небеса твой разум! Постарайся уснуть и прекрати нечестивую болтовню.

М а л ь в о л и о. Сэр Топас!

Ш у т. Не вступай с ним в переговоры, сын мой. — С ним в переговоры, отче? Да ни за что на свете, отче! Благослови вас бог, дорогой сэр Топас! — Ну еще бы, аминь. — Слушаюсь, отче, слушаюсь.

М а л ь в о л и о. Шут, шут, слышишь, шут!

Ш у т. Имейте терпение, сударь. Что вы говорите, сударь? Меня бранят за то, что я разговариваю с вами.

М а л ь в о л и о. Шут, пожалуйста, раздобудь мне бумагу и свечу. Уверяю тебя, я так же в своем уме, как любой здравомыслящий иллириец.

Ш у т. Эх, кабы оно было так, сударь!

М а л ь в о л и о. Это так, клянусь своей рукой! Ради всего святого, шут, немножко чернил, бумаги и огарок свечи — и отнеси потом мою записку госпоже: ты получишь на чай столько, сколько в жизни не получал ни за одно письмо.

Ш у т. Так и быть, помогу вам. Только скажите по совести, вы и впрямь сумасшедший или только прикидываетесь?

М а л ь в о л и о. Да нет же, истинная правда, нет!

Ш у т. В жизни не поверю помешанному, пока не увижу его мозгов.

М а л ь в о л и о. Шут, я ничего не пожалею, чтобы отблагодарить тебя. Только прошу тебя, поскорее.

Ш у т

(поет)

Иду, бегу
И помог
Тебя поднять на смех.
Болвану спесь
Собьем мы здесь,
Как делает старый Грех,
Когда меч он берет
И от злости орет:
“Ко всем чертям ступай!”
И лукавому вмиг
Когти режет старик:
“Почтенный черт, прощай!”

(Уходит.)

Сцена 3

Сад Оливии.

Входит Себастьян.

С е б а с т ь я н

Вот небеса, вот царственное солнце,
Жемчужина — ее подарок мне...

Со мною чудеса тут происходят,
И все же я не поврежден в уме!
Но где Антонио? Он был в “Слоне”,
И мы с ним разминулись. Мне сказали,
Что в город он пошел искать меня.
Его совет мне был бы драгоценен.
Хотя мой разум, несогласный с чувством,
Здесь видит не безумье, а ошибку,
Но все же этот дивный поворот
В моей судьбе так странен, так немислим,
Что, разуму не веря, я твержу:
“Она безумна или я помешан”.
Но будь она действительно безумна,
Ей было б не по силам дом вести
И так спокойно, твердо, неприметно
Распоряжаться и делами править.
Тут что-то непонятное творится...
Но вот она сама сюда идет.

Входят Оливия и священник.

О л и в и я

Прошу, не осуждай мою поспешность,
Но если ты в своем решении тверд,
Святой отец нас отведет в часовню:
Там под священной кровлей перед ним
Ты поклянешься соблюдать мне верность,
Чтоб наконец нашла успокоенье

Ревнивая, тревожная душа.
Помолвку нашу сохранит он в тайне,
Пока ты сам не скажешь, что пора
Нам обвенчаться, как пристало мне
И сану моему. Ведь ты согласен?

С е б а с т ь я н

Да, я готов произнести обет
И быть вам верным до скончанья лет.

О л и в и я

Идемте, отче. Небеса так ясны,
Как будто нас благословить согласны.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Перед домом Оливии.

Входят ш у т и Ф а б и а н.

Ф а б и а н. Прошу тебя, сделай милость, покажи мне его письмо.

Ш у т. Почтеннейший Фабриан, тогда и ты исполни мою просьбу.

Ф а б и а н. Ну конечно, с удовольствием!

Ш у т. Не проси, чтобы я показал тебе это письмо.

Ф а б и а н. Это называется — возьми мою собаку, а взамен отдай мне ее назад.

Входят герцог, Виола, Курио и придворные.

Г е р ц о г. Вы служите графине Оливии, друзья?

Ш у т. Да, государь: мы вроде как ее парадная амуниция.

Г е р ц о г. А, старый знакомый! Как дела, приятель?

Ш у т. Правду сказать, государь, хорошо по милости врагов, худо по милости друзей.

Г е р ц о г. Наоборот: хорошо по милости друзей.

Ш у т. Нет, государь, худо.

Г е р ц о г. Как же это может быть?

Ш у т. Очень просто, государь: друзья так меня расхваливают, что превращают в осла, а враги прямо говорят, что я осел; стало быть, враги помогают мне познать самого себя, а друзья морочат голову; ну, а так как выводы подобны поцелуям и четыре “нет” дают в итоге два “да”, то и получается, что хорошо по милости врагов и худо по милости друзей.

Г е р ц о г. Восхитительное рассуждение!

Ш у т. Вот уж нет, государь, хотя вы, видать, решили удостоить меня великой чести и вступить в общество моих друзей.

Г е р ц о г. Ну, от моей дружбы тебе худо не будет: на, возьми золотой.

Ш у т. Пожалуйста, государь, станьте двурушником и удвойте левой рукой дело правой.

Г е р ц о г. В твоем совете мало благородства.

Ш у т. Я только советую, чтобы ваше благородство посоветовало вашей плоти и крови слазить в карман.

Г е р ц о г. Что ж, придется согрешить и стать двурушником: на тебе еще один.

Ш у т. Раз, два, три — вот это, действительно круглый счет. Недаром говорят, что без третьего раза как без глаза, а на третий раз ноги сами пускаются в пляс; если вы мне не верите, прислушайтесь к колоколу святого Бенедикта: раз, два, три.

Герцог. Ну нет, больше ты меня не одурачишь и денег из меня не вытянешь. Вот если ты скажешь своей госпоже, что мне нужно побеседовать с ней, и приведешь ее сюда, тогда, может быть, моя щедрость снова проснется.

Шут. В таком случае, государь, побаюкайте вашу щедрость, пока я не вернусь. Я иду, государь, только не думайте, что если я чего-то хочу от вас, так, значит, я и впрямь впал в грех похоти. А покамест, государь, пусть ваша щедрость действительно вздремнет, я ее сию минуточку разбуду. (*Уходит.*)

Виола.

А вот и мой спаситель, ваша светлость.

Входят Антонио и пристава.

Герцог

О, мы уже встречались с ним! Я помню,
Он был тогда в грязи, и, как Вулкан,
Весь черен от порохового дыма.
Он — капитан суденышка дрянного,
Осадки и вместимости ничтожной,
И все же причинил такой ущерб
Сильнейшему из наших кораблей,
Что даже гнев и зависть побежденных
Ему воздали должное. — В чем дело?

Первый пристав

Мой государь, Антонио пред вами:
Им “Феникс” был захвачен вместе с грузом
И “Тигр” на abordаж взят в том бою,
Где ваш племянник Тит ноги лишился.
Сегодня он, забыв и страх и совесть,
Ходил по нашим улицам открыто
И даже с кем-то дрался.

Виола

Государь,
Он шпагу обнажил в мою защиту,
Но столько странного наговорил,
Как будто был горячкою охвачен.

Герцог

Прославленный пират! Морской разбойник!
Что за безумье привело тебя
К твоим врагам, которым ты нанес
Кровавую обиду?

Антонио

Славный герцог,
Прозваний этих я не заслужил:
Я не пират и не морской разбойник,
Хотя и вправду ваш старинный враг.

Сюда я колдовством был завлечен:
Вон тот молокосос неблагодарный
Из пенной пасты яростного моря
Был мной спасен, — он погибал в волнах.
Ему я жизнь вернул, ему я отдал
Свою любовь, не знавшую предела.
Пришел я во враждебный этот город
Из преданности, из любви к нему,
А он, хитрец и лицемер трусливый,
Боясь опасность разделить со мной,
Отрекся от меня и отдалился
На двадцать лет в один короткий миг.
Он даже возвратить мне отказался
Мой кошелек, всего лишь час назад
Ему врученный.

В и о л а

Что за странный бред!

Г е р ц о г

Когда, по-твоему, пришел он в город?

А н т о н и о

Сегодня. А до этого мы с ним
Три полных месяца не разлучались:
Мы дни и ночи проводили вместе.

Входит Оливия со свитой.

Герцог

Графиня! Божество сошло на землю.

(К Антонио.)

А ты, приятель не в своем уме:

Три месяца мне служит этот мальчик.

Герцог

(К приставам.)

Теперь в сторонку отойдите с ним.

Оливия

Чем может быть Оливия полезна
Прославленному герцогу Орсино? —
Цезарио, ты слова не сдержал.

Виола

Сударыня!

Герцог

Прекрасная графиня!

Оливия

Цезарио, ответь же! — Ваша светлость...

Виола

При герцоге мне долг велит умолкнуть.

Оливия

Ах, только старой темы не касайтесь:
Она, как после музыки вытье,
Противна мне.

Герцог

Все так же вы жестоки.

Оливия

Все так же постоянна, государь.

Герцог

В своем упрямстве? Злая красота,
На чей алтарь, молитвам недоступный,
Души моей бесценнейшую нежность
Я приношу, — скажи, что делать мне?

Оливия

Да все, что вам угодно, ваша светлость.

Герцог

Быть может, должен мне служить примером
Египетский пират, что перед смертью

Хотел убить любимую? Ведь ревность
Порой в своих порывах благородна...
Но нет! Хотя ты страсть мою отвергла —
И я отчасти знаю, кто посмел
Закрыть мне путь к венцу моих желаний, —
Живи и впредь принцессой ледяной!
Но твоего избранника, любимца, —
Клянусь, он горячо любим и мной, —
Не допущу к тебе, жестокосердной,
Отвергнувшей меня ради него. —
Пойдем, мой мальчик! Злоба мозг туманит.
Я погублю тебя, ягненок хрупкий,
Мстя ворону в облинии голубки.

(Направляется к выходу.)

В и о л а

А я, чтоб только вам вернуть покой,
С восторгом смерть приму, властитель мой!

(Следует за герцогом.)

О л и в и я

Куда, Цезарио?

В и о л а

Иду за ним,
Кого люблю, кто стал мне жизнью, светом,
Кто мне милей всех женщин в мире этом.

Коль это ложь, пускай огонь небес
Меня сожжет, чтоб я с земли исчез!

О л и в и я

Покинута! Какое вероломство!

В и о л а

Кто вас покинул? Кто обидеть мог?

О л и в и я

Забыл? Уже? В такой короткий срок? —
Позвать священника!

Слуга уходит.

Г е р ц о г
(Виоле)

Ступай за мною.

О л и в и я

Ужели ты расстанешься с женою?

Г е р ц о г

С женой?

О л и в и я

С женой. Посмей солгать в ответ!

Герцог

Ты ей супруг?

Виола

Я? Нет, мой герцог, нет!

Оливия

Увы, ты от меня сейчас отрекся
Из низменного страха. Не страшись,
Прими свою судьбу, собой останься,
И сразу же ты станешь ровень с тем,
Кого боишься.

Входит священник.

О святой отец,
Сейчас неожиданно все узнали то,
Что до поры до времени хотели
Мы утаить, — и я молю поведать,
Какое таинство соединило
Меня вот с этим юношей.

Священник

Какое?

Союз любви нерасторжимый, вечный:
Он подтвержден соединеньем рук,
Запечатлен священным поцелуем,
Скреплен обменом золотых колец.

Обряд в моем присутствии свершился
И засвидетельствован мной как должно.
С тех пор как говорят мои часы,
На два часа я ближе стал к могиле.

Священник. Средневековая миниатюра.

Герцог

Щенок лукавый! Кем ты станешь в жизни,
Когда седины шерсть посеребрят?
Иль, может надувая всех на свете,
Ты в собственные попадешься сети?
Прощай, бери ее и не забудь:
Страшись еще раз пересечь мне путь.

В и о л а

Мой государь...

Г е р ц о г

Молчи, не надо лести:
Храни и в трусости хоть каплю чести.

Входит сэр Эндрю с разбитой головой.

С э р Э н д р ю. Ради бога, лекаря! Скорее лекаря к сэру Тоби!

О л и в и я

Что с ним такое?

С э р Э н д р ю. Он проломил мне голову и сэру Тоби тоже раскроил череп. Ради бога, помогите! Я бы сорока фунтов не пожалел отдать, чтобы мне быть сейчас дома!

О л и в и я

Но кто на вас напал?

С э р Э н д р ю. Герцогский придворный, Цезарио. Мы думали, он трус, а он самый отъявленный дьявол.

Г е р ц о г

Цезарио?

Сэр Эндрю. Господи спаси и помилуй, он опять тут! Вы проломили мне голову ни за что ни про что, а если и было за что, так это сэр Тоби меня подговорил.

В и о л а

Что это значит? Я не трогал вас.
Вы обнажили шпагу без причины,
А я старался вас уговорить.

Сэр Эндрю. Если раскроить череп — значит уговаривать, вы уговорили меня. Для вас, видно, раскроить череп пустячное дело.

Входит шут, поддерживая пьяного сэра Тоби.

А вот и сэр Тоби приплелся. Сейчас он сам все расскажет. — Не будь он так на взводе, уж он бы разделался с вами по-своему!

Г е р ц о г

Что с вами, сударь? Что произошло?

Сэр Тоби. А мне наплевать! Стукнул меня, и все тут. Дурак, куда запропастился Дик-лекарь, а, дурак?

Шут. Да он уже с час назад как совсем упился, сэр Тоби. У него с восьми утра язык не ворочается.

Сэр Тоби. Значит, он скотина и к тому же бодливая. Ненавижу пьяную скотину.

О л и в и я. Уберите его. Кто это их так изукрасил?

Сэр Эндрю. Я помогу вам, сэр Тоби, — нас ведь вместе будут перевязывать.

Сэр Тоби. Поможешь? Ах ты, ослиная голова, плут, худоба несчастная, образина!

О л и в и я

В постель его! Пусть перевяжут рану.

Шут, Фабиан, сэр Тоби и сэр Эндрю уходят.
Входит Себастьян.

С е б а с т ь я н

Я родственника вашего ударил
И виноват, конечно, перед вами.
Но будь он даже брат мне, я не мог бы
Иначе поступить. Смятенье ваше
Мне говорит, что гневаетесь вы.
Во имя нашей нерушимой клятвы,
О милая, простите мне мой грех!

Г е р ц о г

Одно лицо, походка, голос тот же
У двух людей! Как в зеркале волшебном!

Себастьян

Антонио, Антонио, мой друг!
Как я считал минуты, как терзался
С тех пор, как ты бог весть куда пропал!

Антонио

Вы — Себастьян?

Себастьян

Ты не уверен в этом?

Антонио

Но как же вы могли так раздвоиться?
Две половинки яблока различной,
Чем вы. Скажите, кто же Себастьян?

Оливия

Невероятно!

Себастьян

Там не я ль стою?
Нет брата у меня, и я не бог,
Чтоб сразу быть двумя. Мою сестру
Слепые волны жадно проглотили.
Во имя неба, кто же вы такой?
Где ваша родина? Кто ваш отец?

Виола

Отец мой — Себастьян из Мессалина
И брата звали тоже Себастьян, —
Увы, он смерть нашел в могиле водной.
Коль призраки в людской одежде ходят, —
Вы — дух и нас пугать пришли.

Себастьян

Я дух,
Но в том обличье низменном, в котором
На этот свет из чрева был рожден.
Ах, если бы вы женщиною были,
Я зарыдал бы и воскликнул: “Здравствуй,
Виола, погребенная в волнах!”

Виола

Пятном родимым, помню, был отмечен
Лоб моего отца.

Себастьян

И моего.

Виола

И умер он в тот день, когда Виоле
Исполнилось тринадцать.

Себастьян

Неизгладимое воспоминанье!
Земной свой путь окончил он в тот день,
Когда сестре тринадцать лет минуло.

Женский костюм XV века. Средневековая миниатюра.

Виола

Хотя мешает нам отдаться счастью
Лишь мой наряд, не мне принадлежащий, —
Не обнимай меня и не целуй,

Пока приметы времени и места
Не подтвердят тебе, что я — Виола.
Я к капитану отведу тебя:
Он спрятал девичью мою одежду
И к государю мне потом помог
На службу поступить. С тех пор мой жребий
От герцога зависел и графини.

С е б а с т ь я н

(Оливии)

Как видите, графиня, вы ошиблись,
Но промах ваш теперь судьбой исправлен;
Вы с девушкой хотели обвенчаться
И этого по-своему достигли:
Вам достается девственник в мужья.

Г е р ц о г

Вы смущены? Супруг ваш знатен родом.
Ну, что же, если мне мой взор не лжет,
Найду и я в крушение этом счастье.

(Виоле)

Мой мальчик, ты твердил мне много раз,
Что я тебе милей всех женщин в мире.

В и о л а

И в этом снова сотни клятв я дам
И сохранию их в сердце так же прочно,
Как прочно свод небес в себе хранит
Огонь, что день от ночи отделяет.

Г е р ц о г

Дай руку мне. Хочу тебя увидеть
В наряде женском.

В и о л а

Он у капитана,
Который спас меня. Но капитан
Сидит сейчас в тюрьме из-за доноса
Мальволио, дворецкого графини.

О л и в и я

Он будет выпущен. — Позвать немедля
Мальволио. — Ах, я совсем забыла:
Бедняга помешался, говорят.

Возвращаются шу т с письмом и Ф а б и а н.

Смешались у меня самой все чувства,
И вовсе позабыла я о нем.
Скажи, что с ним сейчас?

Ш у т. Что ж, госпожа, он отбрыкивается от сатаны, как может. Вот написал вам письмо, и мне бы следовало передать его утром, да ведь послание помешанного — не проповедь, с ним можно и повременить.

О л и в и я

Вскрой и прочти его.

Ш у т. Да укрепит вас своим примером дурак, чьими устами глаголет помешанный. (*Читает.*) “Клянусь богом, сударыня...”

О л и в и я

Да что с тобой? В своем ли ты уме?

Ш у т. Я-то в своем, да он сбрендил. Если ваша милость желает, чтобы оно было прочитано так, как задумано, вы дозволите мне провопить его.

О л и в и я

Читай как полагается.

Ш у т. Я и стараюсь, мадонна: чтобы это читать как полагается, надо читать именно так. Воспарите же мыслью и преклоните ухо, моя властительница.

О л и в и я

(*Фабиану*)

Нет, лучше ты читай.

Фабиан (*читает*). “Клянусь богом, сударыня, вы оскорбили меня, и скоро все узнают об этом. Вы заперли меня в темноте и поручили вашему пьянчуге дядюшке надзирать за мной, хотя я в таком же здравом уме, как вы сами. Я сохранил ваше собственноручное письмо, побудившее меня принять вид, в котором я перед вами предстал, и не сомневаюсь, что с помощью этого письма добьюсь полного признания моей правоты и полного вашего посрамления. Думайте обо мне что хотите. Я выражаюсь не совсем почтительно, потому что глубоко оскорблен.

Подвергшийся безумному обхождению Мальволио“.

О л и в и я

Записка в самом деле от него?

Ш у т

Да, госпожа.

Г е р ц о г

Я в ней безумия не замечаю.

О л и в и я

Пойди за ним сейчас же, Фабиан.

Фабиан уходит.

Мой государь, коль вы согласны видеть
Во мне свою сестру, а не супругу,

Мы в этом доме две счастливых свадьбы
Отпразднуем в один и тот же день.

Герцог

Я с радостью приемлю приглашение.

(Виоле)

Ваш господин освобождает вас.
Но вы так долго службу мне несли,
Столь несовместную с девичьим нравом
И с вашим благородным воспитаньем,
Меня своим властителем считая,
Что вот моя рука: отныне вы
Становитесь владычицей владыки.

Оливия

А мне сestroю.

Возвращается Фабиан с Мальволио.

Герцог

Это — ваш безумец?

Оливия

Да, государь. — Мальволио, ну как ты?

М а л ь в о л и о

Сударыня, я вами оскорблен,
Жестоко оскорблен.

О л и в и я

Помилуй, чем же?

М а л ь в о л и о

Я оскорблен, графиня. Вот письмо, —
Его писали вы, не отрекайтесь.
Печать, и почерк, и слова, и мысли —
Все ваше, это каждый подтвердит.
Так объясните мне, во имя чести,
Зачем вы, намекая на любовь,
Велели мне носить подвязки накрест,
И желтые чулки, и улыбаться,
И сэра Тоби презирать, и слуг?
Зачем, когда надеждой окрыленный,
Исполнил я все ваши повеленья,
Вы заперли меня в кромешной тьме,
Священника прислали и меня
На посмеянье отдали? Скажите,
Зачем понадобилось это вам?

О л и в и я

Увы, Мальволио, но этот почерк
Не мой, хотя и очень схож с моим:
Письмо написано рукой Марии.

Отец Спиридон. Рис. Дж. Джильберта.

Она-то и сказала мне о том,
Что ты безумен. Вдруг приходишь ты,
Одетый как указано в записке,
Все время улыбаешься... Послушай,

С тобой сыграли очень злую шутку,
Но мы узнаем имена виновных,
И будешь ты судьей и истцом
В своем же деле.

Ф а б и а н

Госпожа моя,
Дозвольте мне покаяться — в надежде,
Что брань, и препирательства, и ссоры
Не запятнают праздничных часов,
Которым я свидетель. Эту шутку
Придумали мы вместе с вашим дядей,
Чтоб наказать Мальволио за спесь.
Письмо по приказанью сэра Тоби
Своей рукой Мария написала, —
За это Тоби обвенчался с ней.
В ответ на эту каверзу смешную
Мальволио не должен был бы злиться,
Особенно же если честно взвесить
Взаимные обиды.

О л и в и я

В какую западню попал бедняга!

Ш у т. Итак, “одни рождаются великими, другие достигают величия, к третьим оно приходит”. Сударь, я принимал участие в этой интерлюдии — играл роль некоего сэра Топа-

са, но это не суть важно. “Клянусь небом, шут, я не помешанный!” Помните, сударь? “И чего вы, сударыня, смеетесь шуткам этого пустоголового мерзавца? Когда вы не улыбаетесь, он и двух слов связать не может”. Вот так-то круговорот времен несет с собой отмщение.

М а л ь в о л и о

Я рассчитаюсь с вашей низкой сворой!

(Уходит.)

О л и в и я

Он в самом деле оскорблен жестоко.

Г е р ц о г

Догнать его и к мировой склонить.
Он должен рассказать о капитане,
А там блаженные настанут дни,
И свяжут нас торжественные узы. —
Сестра моя, до той поры мы будем
У вас в гостях. Цезарио, пойдем.
В наряде этом для меня вы мальчик.
Потом передо мной предстанет дева, —
Моей души любовь и королева.

Все, кроме шута, уходят.

Ш у т
(ноет)

Когда я был и глуп и мал —
И дождь, и град, и ветер, —
Я всех смешил и развлекал,
А дождь лил каждый вечер.
Когда я достиг разумных лет —
И дождь, и град, и ветер, —
Наделал соседям я много бед,
А дождь лил каждый вечер.
Когда я ввел жену в свой дом —
И дождь, и град, и ветер, —
Пошло все в доме кувырком,
А дождь лил каждый вечер.
Когда я стал и стар и хил —
И дождь, и град, и ветер, —
Я эль с утра до ночи пил,
А дождь лил каждый вечер.
Был создан мир бог весть когда —
И дождь, и град, и ветер, —
Но мы сюда вас ждем господа,
И смешить хотим каждый вечер.

(Уходит.)

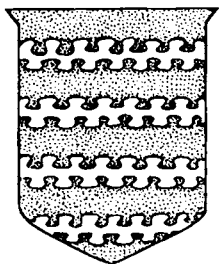
ШЕКСПИР

Юлий Цезарь

трагедия в V актах

*Перевод
М.Зенкевича*

Действующие лица

Юлий Цезарь		
Октавий Цезарь		триумвиры после смерти Цезаря
Марк Антоний		
Марк Эмилий Лепид		
Цицерон		сенаторы
Публий		
Попилий Лена		
Марк Брут		заговорщики против Юлия Цезаря
Кассий		
Каска		
Требоний		
Лигарий		
Деций Брут.		
Метелл Цимбр		
Цинна		
Флавий		трибуны
Марулл		
Артемидор Книдский, учитель риторики.		
Прорицатель.		
Цинна, поэт.		
Другой поэт.		
Луцилий		друзья Брута и Кассия.
Титиний		
Мессала		
Юный Катон		
Волумний		слуги Брута.
Варрон		
Клит		
Клавдий		
Стратон		

Луций		слуги
Дарданий		Брута.
Пиндар, слуга Кассия.		
Кальпурния, жена Цезаря.		
Порция, жена Брута		

Сенаторы, граждане, стража, служители и пр.

*Место действия — Рим; окрестность Сард;
окрестность Филипп*

АКТ I

Сцена 1

Рим. Улица.

Входят Флавий, Марулл и толпа граждан.

Ф л а в и й

Прочь! Расходитесь по домам, лентяи.
Иль нынче праздник? Иль вам неизвестно,
Что, как ремесленникам, вам нельзя
В дни будничные выходить без знаков
Своих ремесл? — Скажи, ты кто такой?

Первый гражданин. Я, сударь, плотник.

М а р у л л

Где ж кожаный передник и отвес?
Зачем одет ты в праздничное платье? —
Ты, сударь, кто такой?

Второй гражданин. По праву говоря, сударь, перед хорошим ремесленником я, с вашего позволения, только починщик.

Марулл

Какое ремесло? Ответь мне толком.

Второй гражданин. Ремесло, сударь, такое, что я надеюсь заниматься им с чистой совестью; ведь я, сударь, залатываю чужие грехи.

Марулл

Какое ремесло? Эй ты, бездельник.

Второй гражданин. Прошу вас, сударь, не расходитесь: ежели у вас что-нибудь разойдется, я вам залатаю.

Марулл

Что мелешь ты? Меня латать ты хочешь, грубиян!

Второй гражданин. Да, сударь, залатаю вам подошвы.

Флавий

Так, значит, ты сапожник?

Второй гражданин. Воистину, сударь, я живу только шилом: я вмешиваюсь в чужие дела — и мужские, и женские — только шилом. Я, сударь, настоящий лекарь старой обуви; когда она в смертельной опасности, я ее излечиваю.

Богиня Рима — Roma

Все настоящие люди, когда-либо ступавшие на воловьей коже, ходят только благодаря моему ремеслу.

Ф л а в и й

Что ж не работаешь сегодня дома?
Зачем людей по улицам ты водишь?

В т о р о й г р а ж д а н и н. Затем, сударь, чтобы они поизносили свою обувь, а я получил бы побольше работы. В самом деле, сударь, мы устроили себе праздник, чтобы посмотреть на Цезаря и порадоваться его триумфу!

М а р у л л

Порадоваться? А каким победам?
Каких заложников привел он в Рим,
Чтоб свой триумф их шествием украсить? ♣
Вы камни, вы бесчувственной, чем камни!
О римляне, жестокие сердца.
Забыли вы Помпея? Сколько раз
Взбирались вы на стены и бойницы,
На башни, окна, дымовые трубы
С детьми в руках и терпеливо ждали
По целым дням, чтоб видеть, как проедет
По римским улицам Помпей великий.
Вдали его завидев колесницу,
Не вы ли поднимали вопль такой,
Что содрогался даже Тибр, услышав,

Как эхо повторяло ваши крики
В его пещерных берегах?
И вот вы платье лучшее надели?
И вот себе устроили вы праздник?
И вот готовитесь устлать цветами
Путь триумфатора в крови Помпея?
Уйдите!
В своих домах падите на колени,
Моля богов предотвратить чуму,
Что, словно меч, разит неблагодарных!

Ф л а в и й

Ступайте, граждане, и соберите
Всех неимущих и для искупленья
Ведите к Тибру их, и лейте слезы,
Пока течение низкое, поднявшись,
Не поцелует берегов высоких.

Все граждане уходят.

Смотри, смягчились даже грубияны;
Они ушли в молчанье виноватом. —
Иди дорогой этой в Капитолий;
Я здесь пойду; и если где увидишь,
Снимай все украшения со статуй.

Марулл

Но можно ль делать это?
У нас сегодня праздник Луперкалий.

Флавий

Что ж из того! Пусть Цезаря трофеи
На статуях не виснут. Я ж пойду,
Чтоб с улиц разгонять простой народ;
И ты так делай, увидав скопление.
Из крыльев Цезаря пощиплем перья,
Чтоб не взлетел он выше всех других;
А иначе он воспарит высоко
И в страхе рабском будет нас держать.

Уходят.

Сцена 2

Площадь.
Трубы.

Входят Цезарь, Антоний, который должен участвовать в беге;
Кальпурния, Порция, Деций, Цицерон, Брут,
Кассий и Каска; занима большая толпа,
исреди нее прорицатель.

Цезарь

Кальпурния!

К а с к а

Молчанье! Цезарь говорит.

Музыка смолкает.

Ц е з а р ь

Кальпурния.

К а л ь п у р н и я

Мой господин!

Ц е з а р ь

Когда начнет Антоний бег священный,
Встань прямо на пути его. — Антоний!

А н т о н и й

Великий Цезарь?

Ц е з а р ь

Не позабудь коснуться в быстром беге
Кальпурнии; ведь старцы говорят,
Что от священного прикосновенья
Бесплодие проходит.

А н т о н и й

Не забуду.
Исполню все, что Цезарь повелит.

Цезарь

Ступайте и свершите все обряды.

Музыка.

Прорицатель

Цезарь!

Цезарь

Кто звал меня?

Каска

Эй, тише! Замолчите, музыканты!

Музыка смолкает.

Цезарь

Кто из толпы сейчас ко мне взывал?

Пронзительнее музыки чей голос

Звал — “Цезарь!” Говори же: Цезарь внимлет.

Прорицатель

Остерегись ид мартовских.

Цезарь

Кто он?

Юлий Цезарь

Б р у т

Пророчит он тебе об идах марта.

Ц е з а р ь

Пусть выйдет он. Хочу его я видеть.

К а с к а

Выдь из толпы, пред Цезарем предстань.

Ц е з а р ь

Что ты сказал сейчас мне? Повтори.

П р о р и ц а т е л ь

Остерегись ид марта.

Ц е з а р ь

Он бредит. Что с ним говорить. Идемте.

Трубный сигнал. Все, кроме Брута и Кассия, уходят.

К а с с и й

Пойдешь ли ты на празднество смотреть?

Б р у т

Нет.

К а с с и й

Прошу, иди.

Б р у т

Я не любитель игр, и нет во мне
Той живости, как у Антония.
Но не хочу мешать твоим желаньям
И ухожу.

К а с с и й

Брут, с некоторых пор я замечаю,
Что нет в твоих глазах той доброты
И той любви, в которых я нуждаюсь.
В узде суровой, как чужого, держишь
Ты друга, что тебя так любит.

Б р у т

Кассий,

Ошибся ты. Коль взор мой омрачен,
То видимую скорбь я обращаю
Лишь к самому себе. Я раздрааю
С недавних пор разладом разных чувств
И мыслей, относящихся к себе.
От них угрюмей я и в обращение;
Пусть не печалятся мои друзья —
В число их, Кассий, входишь также ты, —

К ним невниманье вызвано лишь тем,
Что бедный Брут в войне с самим собой
Забыл выдавать любовь к другим.

К а с с и й

Так, значит, я твоих не понял чувств;
Поэтому в груди я затаил
Немало дум, внимания достойных.
Свое лицо ты можешь, Брут, увидеть?

Б р у т

Нет, Кассий; ведь себя мы можем видеть
Лишь в отражении, в других предметах.

К а с с и й

То правда.
И сожаления достойно, Брут,
Что не имеешь ты зеркал, в которых
Ты мог бы доблесть скрытую свою
И тень свою увидеть. Ведь я слышал,
Что многие из самых лучших римлян
(Не Цезарь славный), говоря о Бруте,
Вздыхая под ярмом порабощенья,
Желали бы, чтоб Брут открыл глаза.

Б р у т

В опасности меня ты вовлекаешь.
Ты хочешь, чтобы я искал в себе
То, чего нет во мне.

К а с с и й

Поэтому, Брут, выслушай меня:
И так как ты себя увидеть можешь
Лишь в отражение, то я, как стекло,
Смирненно покажу тебе твой лик,
Какого ты пока еще не знаешь.

Во мне не сомневайся, милый Брут:
Я не болтун и не унижу дружбы,
Случайному знакомству расточая
Слова любви; вот если бы ты узнал,
Что льщу я людям, обнимаю их,
А после поношу; что на пирах
Всем пьяницам я открываю тайны,
Тогда ты мог бы мне не доверять.

Трубы и крики.

Б р у т

Что там за крик? Боюсь я, что народ
Избрал его в цари.

К а с с и й

А, ты боишься?

Так, значит, этого ты не желаешь.

Б р у т

Нет, Кассий, хоть его я и люблю.
Но для чего меня ты держишь здесь?
И что такое сообщить мне хочешь?
Коль это благу общему полезно,
Поставь передо мной и честь и смерть,
И на обеих я взгляну спокойно.
Богам известен выбор мой: так сильно
Я честь люблю, что смерть мне не страшна.

К а с с и й

В тебе я эту доблесть знаю, Брут,
Она знакома мне, как облик твой,
И я о чести буду говорить.
Не знаю я, как ты и как другие
Об этой жизни думают, но я
И не могу, и не желаю жить
Склоняясь в страхе перед мне подобным.
Родились мы свободными, как Цезарь;
И вскормлены, как он; и оба можем,
Как он, переносить зимою стужу.
Однажды в бурный и ненастный день,

Когда Тибр гневно бился в берегах,
Сказал мне Цезарь: “Можешь ли ты, Кассий,
За мною броситься в поток ревущий
И переплыть туда?” Услышав это,
Я в воду бросился, как был, в одежде,
Зовя его, и он поплыл за мной.
Поток ревел, но, напрягая мышцы,
Его мы пересекали, разбивая,
И, с ним борясь, упорно плыли к цели.
Но не доплыли мы еще, как Цезарь
Мне крикнул: “Кассий, помоги, тону”.
Как славный предок наш Эней из Трои
Анхиза вынес на своих плечах,
Так вынес я из волн ревущих Тибра
Измученного Цезаря; и вот
Теперь он бог, а с ним в сравненьи Кассий
Ничтожество, и должен он склоняться,
Когда ему кивнет небрежно Цезарь.
В Испании бодел он лихорадкой.
Когда был приступ у него, я видел,
Как он дрожал. Да, этот бог дрожал.
С трусливых губ его сбежала краска,
И взор, что держит в страхе целый мир,
Утратил блеск. Я слышал, как стонал он.
Да, тот, чьи речи римляне должны
Записывать потомкам в назиданье,
Увы, кричал, как девочка больная:

“Подай мне пить, Титиний!” — Как же может,
О боги, человек настолько слабый
Величественным миром управлять
И пальму первенства нести?

Крики. Трубы.

Б р у т

Опять они кричат!
Я думаю, то знаки одобренья,
И почестями вновь осыпан Цезарь.

К а с с и й

Он, человек, шагнул над тесным миром,
Возвысясь, как Колосс; а мы, людишки,
Снуем у ног его и смотрим — где бы
Найти себе бесславную могилу.
Порой своей судьбою люди правят.
Не звезды, милый Брут, а сами мы
Виновны в том, что сделались рабами.
Брут и Цезарь! Чем Цезарь отличается от Брута?
Чем это имя громче твоего?
Их рядом напиши, — твое не хуже.
Произнести их, — оба так же звучны.
И вес их одинаков, и в заклятье
“Брут” так же духа вызовет, как “Цезарь”.
Клянусь я именами всех богов, ■
Какою пищей вскормлен Цезарь наш,

Что вырос так высоко? Жалкий век!
Рим, ты утратил благородство крови.
В какой же век с великого потопа
Ты славился одним лишь человеком?
Кто слышал, чтоб в обширных стенах Рима
Один лишь признан был достойным мужем?
И это прежний Рим необозримый,
Когда в нем место лишь для одного!
Мы от своих отцов не раз слышали,
Что Брут — не ты, а славный предок твой —
Сумел бы от тирана Рим спасти,
Будь тот тиран сам дьявол.

Б р у т

Уверен я в твоей любви и знаю,
К чему ты хочешь побудить меня.
Что думаю о нынешних делах,
Я расскажу тебе потом; сейчас же,
Во имя нашей дружбы, я прошу,
Не растревляй меня. Все, что еще добавишь,
Я выслушаю. Мы отыщем время,
Чтобы продолжить этот разговор.
А до тех пор, отважный друг, запомни:
Брут предпочтет быть жителем деревни,
Чем выдавать себя за сына Рима
Под тем ярмом, которое на нас
Накладывает время.

К а с с и й

Я рад, что слабые мои слова
Такую искру высекли из Брута.

Б р у т

Окончен бег, и Цезарь к нам идет.

Входит Цезарь и его свита.

К а с с и й

Когда пойдут, тронь Каску за рукав,
И он с обычной едкостью расскажет,
Что важного произошло сегодня.

Б р у т

Так сделаю, но, Кассий, посмотри —
У Цезаря на лбу пылает гнев,
Все, как побитые, за ним идут;
Кальпурния бледна; у Цицерона
Глаза, как у хорька, налиты кровью
Таким он в Капитолии бывает,
Когда сенаторы с ним несогласны.

К а с с и й

Нам Каска объяснит, что там случилось.

Цезарь

Антоний!

Антоний

Цезарь?

Цезарь

Хочу я видеть в свите только тучных,
Прилизанных и крепко спящих ночью.
А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.
Он много думает, такой опасен.

Антоний

Не бойся, Цезарь; не опасен он;
Он благороден и благонамерен.

Цезарь

Он слишком тощ! Его я не боюсь:
Но если бы я страху был подвержен,
То никого бы так не избегал,
Как Кассия. Ведь он читает много
И любит наблюдать, насквозь он видит
Дела людские; он не любит игр
И музыки, не то что ты, Антоний.
Смеется редко, если ж и смеется,
То словно над самим собой с презреньем

За то, что не сумел сдержать улыбку.
Такие люди вечно недовольны,
Когда другой их в чем-то превосходит,
Поэтому они весьма опасны.
Я говорю, чего бояться надо,
Но сам я не боюсь: на то я Цезарь.
Стань справа, я на это ухо глух,
Откройся, что ты думаешь о нем.

Трубный сигнал. Цезарь и его свита, кроме Каски, уходят.

К а с к а

Ты дернул за рукав меня. В чем дело?

Б р у т

Да, Каска. Расскажи, что там случилось.
Чем Цезарь огорчен.

К а с к а

А разве не были вы с ним?

Б р у т

Тогда б не спрашивал о том, что было.

К а с к а. Ну, ему предложили корону, и когда ему поднесли ее, то он отклонил ее слегка рукой, вот так; и народ начал кричать.

Б р у т

А во второй раз почему кричали?

К а с к а

Из-за того же.

К а с с и й

А в третий? Ведь они кричали трижды?

К а с к а

Из-за того же.

Б р у т

Ему корону предлагали трижды?

К а с к а. Клянусь, что трижды, и он трижды отталкивал ее, с каждым разом все слабее, и, когда он отталкивал, мои достопочтенные соседи орали.

К а с с и й

Кто подносил корону?

К а с к а

Кто? Антоний.

Б р у т

Любезный Каска, расскажи подробней.

К а с к а. Пусть меня повесят, но я не смогу рассказать подробно: это было просто шутовство; я всего и не заметил. Я видел, как Марк Антоний поднес ему корону; собственно, это была даже и не корона, а скорее коронка, и, как я вам сказал, он ее оттолкнул раз, но, как мне показалось, он бы с радостью ее ухватил. Затем Антоний поднес ее ему снова, и он снова оттолкнул ее, но, как мне показалось, он едва удержался, чтобы не вцепиться в нее всей пятерней. И Антоний поднес ее в третий раз, и он оттолкнул ее в третий раз, и каждый раз, как он отказывался, толпа орала, и неистово рукоплескала, и кидала вверх свои пропотевшие ночные колпаки, и от радости, что Цезарь отклонил корону, так заразила воздух своим зловонным дыханием, что сам Цезарь чуть не задохнулся; он лишился чувств и упал; что касается меня, то я не расхохотался только из боязни открыть рот и надышаться их вонью.

К а с с и й

Но отчего лишился Цезарь чувств?

К а с к а. Он упал посреди площади с пеной у рта, и язык у него отнялся.

Б р у т

Понятно, он страдает ведь падучей.

К а с с и й

Не Цезарь, нет, но ты, и я, и Каска,
Мы все падучей этою страдаем.

К а с к а. Не понимаю, на что ты намекаешь, но я сам видел, как Цезарь упал. Назови меня лжецом, если разный сброд не хлопал и не свистел ему, так же как актерам в театре, когда они нравятся или не нравятся.

Б р у т

Что он сказал потом, придя в себя?

К а с к а. Клянусь, перед тем как упасть, заметив, что чернь радуется его отказу от короны, он распахнул одежду и предложил им перерезать ему горло. Будь я человеком дела, я бы поймал его на слове, провалиться мне в преисподнюю как последнему негодяю. Да, он упал. А когда пришел в себя, то сказал, что если сделал или сказал что-нибудь неподходящее, то просит милостиво извинить это его болезнью. Три или четыре девки рядом со мной завопили: "О, добрая душа" - и простили его от всего сердца; но они не стоят внимания; если бы даже Цезарь заколол их матерей, они все равно вели бы себя так же.

Б р у т

И после этого ушел он мрачный?

К а с к а. Да.

К а с с и й. А Цицерон что-нибудь сказал?

К а с к а. Да, но только по-гречески.

К а с с и й. Что же он сказал?

К а с к а. Почему я знаю, пусть я ослепну, если я хоть что-нибудь понял; но те, которые понимали его, пересмеивались и покачивали головой, однако для меня это было греческой тарабарщиной. Могу сообщить вам еще новость: Марулл и Флавий за снятие шарфов со статуй Цезаря лишены права произносить речи. Прощайте. Там было еще много глупостей, да я всего не упомянул.

К а с с и й. Не придешь ли ты вечером ко мне на ужин?

К а с к а. Я зван в другое место.

К а с с и й. Так не зайдешь ли завтра на обед?

К а с к а. Да, если я буду жив, а ты не откажешься от приглашения и твой обед будет стоить того.

К а с с и й. Отлично. Я жду тебя.

К а с к а. Жди. Прощайте оба. (*Уходит*)

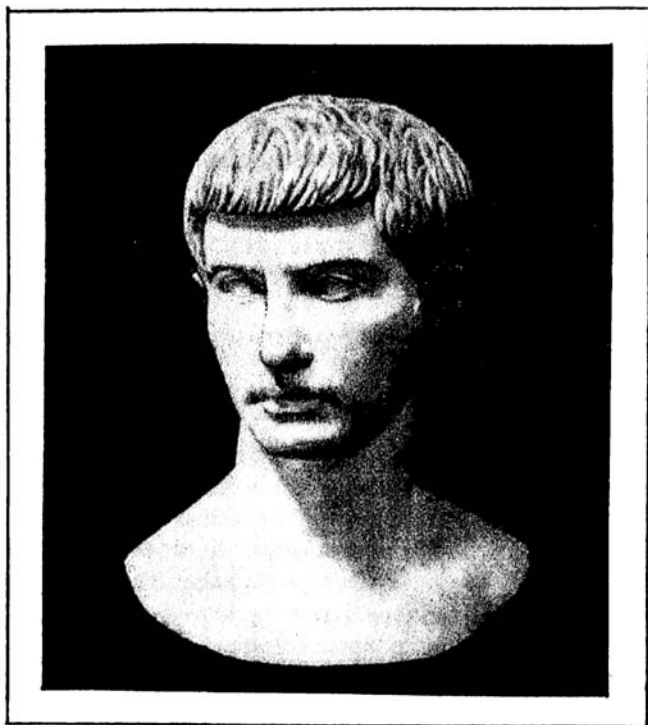
Б р у т

Каким же простаком он стал теперь,
А в школе был таким живым и быстрым.

К а с с и й

Он и сейчас такой при исполнении
Отважных и достойных предприятий.
Поверь, его медлительность притворна,
А неотесанность — приправой служит

Брут

К остротам, чтобы с лучшим аппетитом
Их переваривали.

Б р у т

Да, это так. Теперь тебя оставлю.
А завтра, если хочешь, я приду
К тебе для разговора, или ты
Приди ко мне, я буду ждать тебя.

К а с с и й

Приду к тебе. А ты о Риме думай.

Брут уходит.

Брут, благороден ты; но все ж я вижу,
Что благородный твой металл податлив.
Поэтому-то дух высокий должен
Общаться лишь с подобными себе.
Кто тверд настолько, чтоб не соблазниться ?
Меня не терпит Цезарь. Брута ж любит.
Когда б я Брутом был, а он был Кассий,
Ему б я не поддался. Нынче ж ночью
Ему под окна я подброшу письма,
Как будто бы они от разных граждан;
В них напишу, что имя Брута чтится
Высоко в Риме, намекнув при этом
На властолюбье Цезаря туманно.

Покрепче, Цезарь, свой престол храни:
Встряхнем его, иль хуже будут дни.

(Уходит.)

Сцена 3

Улица. Гром и молния.

Входят с противоположных сторон К а с к а с обнаженным мечом
и Ц и ц е р о н.

Ц и ц е р о н

Привет, о Каска. Цезаря домой
Ты проводил? Но чем ты так взволнован?

К а с к а

А ты спокоен, если вся земля
Заколебалась вдруг? О, Цицерон,
Я видел, как от бури расщеплялись
Дубы ветвистые, как океан
Вздымался гордо, пенясь и бушуя,
До угрожающих туч достигая;
Но никогда до нынешнего дня
Я бури огненной такой не видел.
Иль там, на небесах, междоусобье,
Иль мир наш, слишком надерзив богам,
Побудил их на разрушенье.

Ц и ц е р о н

Что ж более чудесного ты видел?

К а с к а

Какой-то раб — его в лицо ты знаешь —
Вверх поднял руку левую, и вдруг
Она, как двадцать факелов, зажглась,
Не тлея и не чувствуя огня.
Затем — мой меч еще в ножны не вложен —
У Капитолия я встретил льва.
Взглянув свирепо, мимо он прошел,
Меня не тронув; там же я столкнулся
С толпою напуганных и бледных женщин.
Они клялись, что видели, как люди
Все в пламени по улицам бродили.
Вчера ж ночная птица в полдень села
Над рыночную площадью, крича
И ухая. Все эти чудеса
Совпали так, что и сказать нельзя:
“Они естественны, они обычны”.
Я думаю, что зло они вещают
Для той страны, в которой появились.

Ц и ц е р о н

Да, наше время странно, необычно:
Но ведь по-своему толкуют люди

Явленья, смысла их не понимая.
Придет ли Цезарь в Капитолий завтра?

К а с к а

Да, и Антонию он поручил
Сказать тебе, что завтра он придет.

Ц и ц е р о н

Прощай же, Каска; грозовое небо
Не для гуляний.

К а с к а

Цицерон, прощай.

Цицерон уходит.
Входит Кассий.

К а с с и й

Кто это?

К а с к а

Римлянин.

К а с с и й

То голос Каски.

К а с к а

Твой слух хорош. Ну, Кассий, что за ночь!

К а с с и й

Ночь добрая для доблестных людей.

К а с к а

Кто знал, что будет небо так грозить?

К а с с и й

Все знавшие, что мир несчастьем полон.
Я, например, по улицам бродил,
Предав себя зловещей этой ночи.
И, распахнувшись, Каска, как ты видишь,
Открыл я грудь свою ударам молний;
Когда ж твердь неба голубой зигзаг
Раскалывал, я выставлял себя
Как цель под ослепительную вспышку.

К а с к а

Зачем же так ты небо испытуешь?
Удел людской наш — в страхе трепетать,
Когда нам боги в знамениях шлют
Ужасных вестников для устрашения.

К а с с и й

Ты, Каска, туп. В тебе нет искры жизни,
Что в каждом римлянине есть, иль ты
Ее не чувствуешь совсем. Ты бледен,
И перепуган, и дивишься в страхе.
При виде гнева странного небес;
Но если поразмыслишь над причиной
Того, что духи и огни блуждают,
Что звери неверны своим повадкам,
Что старцев превзошли умом младенцы,
Что все они, внезапно изменив
Своей природе и предназначенью,
Чудовищами стали, — ты поймешь,
Что небо в них вселило этот дух,
Их сделав знаменьем предупрежденья
О бедствии всеобщем.
Тебе могу назвать я человека,
Он, с этой ночью схож,
Гремит огнем, могилы разверзает
И в Капитолии, как лев, рычит.
Не выше он тебя или меня
По личным качествам, но стал зловещ
И страшен, как все эти изверженья.

К а с к а

На Цезаря ты намекаешь, Кассий?

К а с с и й

Кто б ни был он. Ведь и сейчас у римлян
Тела и мышцы те же, что у предков.
Но — жалкий век! В нас дух отцов угас,
И нами правит материнский дух,
Ярму мы подчиняемся по-женски.

К а с к а

Сенаторы вновь завтра соберутся,
Чтоб Цезаря провозгласить царем;
И будет он везде — на суше, в море,
Но не в Италии — носить корону.

К а с с и й

Я знаю, где носить кинжал я буду:
От рабства Кассий Кассия избавит.
Так, боги, вы даете слабым силу
И учите тиранов побеждать:
Ни камни башен, ни литые стены,
Ни подземелья душные, ни цепи
Не могут силу духа удержать;
Жизнь, если ей тесны затворы мира,
Всегда себя освободить сумеет.
Я это знаю, пусть весь мир узнает,
Что по желанью я могу с себя
Стряхнуть гнет тирании.

Снова гром.

К а с к а

Как и я!

У каждого раба в руках есть средство
Освободиться от своих оков.

К а с с и й

Так почему же Цезарь стал тираном?
Несчастный! Разве мог бы стать он волком,
Когда б не знал, что римляне — бараны;
Пред римлянами-ланями он лев.
Кто хочет развести скорей огонь,
Тот жжет солому. Римляне, вы щепки,
Вы мусор, коль годитесь лишь на то,
Чтоб освещать ничтожество твое,
Как Цезарь. Но куда меня, о скорбь,
Ты завлекла? Быть может, я открылся
Рабу угодливому; что ж, готов
К ответу я. Ведь я вооружен,
И все опасности я презираю.

К а с к а

Ты с Каской говоришь; он не болтун,
Не зубоскал. И вот моя рука:
Сплоти людей, чтоб зло предотвратить,

И ни на шаг тогда я не отстану
От вожака.

К а с с и й

Союз наш заключен.
Узнай же, Каска, я уже склонил
Немало благородных, честных римлян,
Чтоб разделить со мною предприятие
С опасным и почетным завершением.
Они, собравшись, ждут меня сейчас
Под портиком Помпея; в ночь такую
На улицах пустынно и безлюдно,
И даже небо мрачное похоже
На дело, что готовы мы свершить, —
Кроваво так же, огненно и грозно.

К а с к а

Остерегись, идет поспешно кто-то.

Входит Ц и н н а.

К а с с и й

Я по походке Цинну узнаю.
Он друг наш. — Цинна, ты куда спешишь?

Ц и н н а

Ищу тебя. Кто здесь? Метеллий Цимбр?

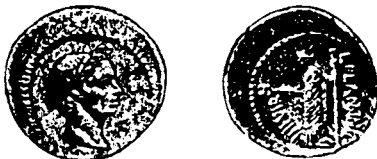

К а с с и й

Нет, это Каска. К нам и он примкнул.
Скажи, меня там ожидают, Цинна?

Ц и н н а

Я Каске рад. Но как ужасна ночь!
Из нас кой-кто чудесное увидел.

Монета с изображением Цезаря в венце

К а с с и й

Там ждут меня? Скажи.

Ц и н н а

Да, ждут.

О, Кассий, если бы мог ты
И доблестного Брута к нам привлечь.

К а с с и й

Доволен, Цинна, будь: письмо вот это

На преторское кресло положи,
Чтоб Брут его нашел; другое ж брось
К нему в окно; а это, третье, воском
К статуе Брута древнего прилепишь.
У портика Помпея ждем тебя.
Брут Деций и Требоний тоже там?

Ц и н н а

Все, кроме Цимбера; он за тобой
Пошел в твой дом. Я быстро все исполню
И письма все, как ты велел, подброшу.

К а с с и й

И приходи потом в театр Помпея.

Цинна уходит.

Должны с тобой мы, Каска, до рассвета
Увидеть Брута дома: ведь сейчас он
Наш на три четверти и целиком
Наш будет после этой новой встречи.

К а с к а

Народ глубоко почитает Брута.
То, что казалось бы в нас преступленьем,
Поддержкою своею, как алхимик,
Он в доблесть претворит и в добродетель.

К а с с и й

Ты верно понял, в чем его значенье
И для чего он нужен нам. Идем,
Ведь за полночь уже, мы до рассвета
Его разбудим, и он будет наш.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Рим. Сад Брута.

Входит Б р у т.

Б р у т

Эй, Луций, встань!
По звездам распознать я не могу,
Далеко ль до утра. Проснись, эй Луций, пробудись!
О, если б мог я так же крепко спать.
Живее, Луций! Эй, проснись же, Луций!

Входит Л у ц и й.

Л у ц и й

Ты звал, мой господин?

Б р у т

В покой мой принеси светильник, Луций.
Когда зажжешь, то позови меня.

Л у ц и й

Все будет сделано, мой господин.

(Уходит.)

Б р у т

Да, только смерть его: нет у меня
Причины личной возмущаться им,
Лишь благо общее. Он ждет короны;
Каким тогда он станет — вот вопрос.
На яркий свет гадюка выползает,
И осторожней мы тогда ступаем.
Короновать его — ему дать жало,
Чтоб зло по прихоти он причинял.
Величье тягостно, когда в разладе
Власть с состраданием. Я не замечал,
Чтоб в Цезаре его пристрастья были
Сильнее разума. Но ведь смирение —
Лишь лестница для юных честолюбий:
Наверх взбираясь, смотрят на нее,
Когда ж на верхнюю ступеньку встанут,
То к лестнице спиною обратятся
И смотрят в облака, презрев ступеньки,
Что вверх их возвели. Вот так и Цезарь.
Предотвратим же это. Пусть причины
Для распри с ним пока еще не видно,
Решим, что, как и все, он, возвеличась,

В такие ж крайности потом впадет.
Пусть будет он для нас яйцом змеиным,
Что вылупит, созрев, такое ж зло.
Убьем его в зародыше.

Входит Луций.

Луций

Светильник я зажег, мой господин.
Кремень искал я у окна и вот
Нашел письмо с печатью, но его
Там не было, когда я спать пошел.

(Подает письмо.)

Брут

Приляг опять, еще не рассвело.
Не мартовские ль иды завтра, мальчик?

Луций

Не знаю, господин.

Брут

Взгляни же в календарь и мне скажи.

Луций

Сейчас, мой господин.

(Уходит.)

Б р у т

По небу так сверкают метеоры,
Что я могу читать при свете их.

(Вскрывает письмо и читает.)

“Ты спишь, о Брут: проснись, познай себя.

Иль Рим... Воспрянь, рази, спасай”.

“Ты спишь, о Брут: проснись”.

Такие подстрекательства мне часто

Подбрасывали, и я их читал.

“Иль Рим...”. Как должен это я дополнить?

Иль Рим под игом одного? Как, Рим?

Из Рима предками моими изгнан

Тарквиний был, когда он стал царем.

“Воспрянь, рази, спасай”. Меня зовут

Воспрянуть и спасать? О Рим, клянусь,

Что, если будешь ты спасен, спасенье

Получишь ты от Брутовой руки!

Входит Л у ц и й

Л у ц и й

Четырнадцать дней мартовских прошло.

Стук за сценой.

Б р у т

Так. Отвори ступай; стучится кто-то.

Луций уходит.

Я сна лишился с той поры, как Кассий
О Цезаре мне говорил.
Меж выполнением замыслов ужасных
И первым побуждением промежутков
Похож на призрак иль на страшный сон:
Наш разум и все члены тела спорят,
Собравшись на совет, и человек
Похож на маленькое государство,
Где вспыхнуло междоусобье.

Входит Луций.

Луций

Мой господин, у входа брат твой Кассий,
Тебя он хочет видеть.

Брут

Он один?

Луций

Пришли с ним и другие.

Брут

Ты знаешь их?

Луций

Нет, господин мой: головы склонив,
Они одеждой лица закрывали.
И я не мог черты их разглядеть,
Как ни старался.

Брут

Пусть они войдут.

Луций уходит.

То заговорщики. О заговор,
Стыдишься ты показываться ночью,
Когда привольно злу. Так где же днем
Столь темную пещеру ты отыщешь,
Чтоб скрыть свой страшный лик? Такой и нет.
Уж лучше ты его прикрой улыбкой:
Ведь если ты его не приукрасишь,
То сам Эреб и весь подземный мрак
Не помешают разгадать тебя.

Входят заговорщики: Кассий, Каска, Деций, Цинна,
Метелл Цимбр и Требоний.

Кассий

К тебе мы вторглись, твой покой нарушив,
Брут, здравствуй. Разбудили мы тебя?

Б р у т

Я встал уже, и я не спал всю ночь.
Знакомы ль мне пришедшие с тобой?

К а с с и й

Ты знаешь каждого из них, и каждый
Тебя глубоко чтит, и каждый хочет,
Чтоб о себе ты был того же мнения,
Как лучшие из римлян о тебе.
Требоний здесь.

Б р у т

Приветствую его.

К а с с и й

Вот Деций Брут.

Б р у т

Привет мой и ему.

К а с с и й

Вот Каска, вот и Цинна, вот и Цимбер.

Б р у т

Привет им всем!
Что за бессонные заботы встали
Меж вашим сном и ночью?

К а с с и й

Могу ль тебе сказать?

Брут и Кассий шепчутся.

Д е ц и й

Вот где восток. Не правда ль, там светает?

К а с к а

Нет.

Ц и н н а

Неправ ты, кромка облаков сереет,
То первые предвестники рассвета.

К а с к а

Сознайтесь же, что оба вы ошиблись.
Я покажу мечом, где всходит солнце;
Сейчас, весной, на повороте года,
Оно встает гораздо ближе к югу.
Два месяца пройдет — и луч рассвета

Мы северней увидим. А сегодня
Заря за Капитолием блеснет.

Б р у т

Все, как один, мне дайте ваши руки.

К а с с и й

И подтвердим решение наше клятвой.

Б р у т

Не надо клятв. Коль нас не побуждают
Вид скорбный граждан, собственная мука,
Зло, что царит кругом, — коль мало вам
Таких причин, — то лучше разойдемся,
Чтобы на ложе праздности возлечь,
И пусть надменно тирания правит,
Готовя смертный жребий нам. Но если
В тех побужденьях пламени довольно,
Чтоб трусы им зажглись и закалился
Дух плавкий женщин, то, сограждане,
Что, кроме дела нашего, нас может
К восстанью побудить? Иль не порукой
Нам скрытность римлян, что сказали слово
И не отступятся? Какая клятва
Нужна, когда мы честно обязались,
Что это будет или мы падем?
Пускай клянутся трусы, и жрецы,

Рельеф, стилизованный в античном стиле

И падаль дряхлая, и те страдальцы,
Что терпят зло. Клянутся в темном деле
Лишь те, кому не верят. Не пятняйте
Высокодоблестного предприятия
И непреклонного закала духа
Предположеньем, что нужны нам клятвы
Для дела нашего. Иль в каждой капле
Той крови благородной, что течет
У римлянина каждого, есть примесь
Нечистая, раз может он нарушить
Хоть в чем-нибудь свое же обещанье.

К а с с и й

Не стоит ли склонить и Цицерона?
Я думаю, он тоже будет с нами.

К а с к а

Нельзя нам упускать его.

Ц и н н а

Конечно.

М е т е л л

Вы правы. Серебро его волос
Нам купит общее распол^ожение.
Все будут восхвалять нас, говоря,

Что ум его направил наши руки;
И нашу юность, наш порыв мятежный
Он скроет величавостью своей.

Б р у т

О нет, ему не надо открываться.
Он никогда поддерживать не станет
Того, что начали другие.

К а с с и й

Верно.

К а с к а

Он непригоден нам.

Д е ц и й

Один ли только Цезарь должен пасть?

К а с с и й

Ты, Деций, прав. И было бы неверно,
Чтоб Марк Антоний, Цезарев любимец,
Его бы пережил; мы в нем найдем
Врага лукавого; его приемы
Известны нам, уж он-то ухитрится
Нам навредить. Предупредим опасность,
Пусть вместе с Цезарем падет Антоний.

Б р у т

Не слишком ли кровав наш путь, Кай Кассий, —
Снять голову, потом рубить все члены?
В смертоубийстве гнев, а после злора.
Антоний — лишь часть Цезарева тела.
Мы — жертв заклатели, не мясники.
Мы против духа Цезаря восстали,
А в духе человеческого нет крови.
О, если б без убийства мы могли
Дух Цезаря сломить! Но нет, увь,
Пасть должен Цезарь. Милые друзья,
Убьем его бесстрашно, но не злобно.
Как жертву для богов его заколем,
Но не изрубим в пищу для собак;
Пусть наши души, как хозяин хитрый,
К убийству подстрекают слуг, а после
Бранят для вида. Идя на это дело,
Должна вести не месть, а справедливость.
Когда так выступим, то все нас примут
За искупителей, не за убийц.
А об Антонии не стоит думать;
Что может сделать Цезаря рука,
Когда он обезглавлен?

К а с с и й

Опасаюсь

Я все ж его: он Цезарю так предан.

Б р у т

Не стоит, Кассий, говорить о нем.
Коль Цезаря он любит, пусть умрет
С тоски по нем — вот все, что может сделать.
И то навряд ли: слишком уж он предан
Увеселеньям, сборищам, распутству.

Т р е б о н и й

Он не опасен нам. Пускай живет.
Он после сам над этим посмеется.

Бьют часы.

Б р у т

Чу! Бьют часы.

К а с с и й

Пробило три часа.

Т р е б о н и й

Пора нам уходить.

К а с с и й

Но неизвестно,
Решится ли сегодня выйти Цезарь;
Он с некоторых пор стал суеверен,
Оставив мнение прежнее свое

О снах и разных предзнаменованиях.
Узнав об ужасах и чудесах,
О небывалых страхах этой ночи,
Услышав предвещения авгуров,
Он в Капитолий не пойдет, быть может.

Д е ц и й

О нет, не бойтесь! Если так решит он,
Отговорю его. Он любит слушать,
Что ловят деревом единорога,
Медведя — зеркалом, слона же — ямой,
Силками — льва, а человека — лестью.
Скажу ему, что лесть он ненавидит. —
И он доволен будет этой честью.
Мне предоставьте.
Сумею я его разубедить
И привести из дома в Капитолий.

К а с с и й

Нет, лучше вместе все придем за ним.

Б р у т

К восьми часам — и уж никак не позже!

Ц и н н а

Пусть соберутся все без опоздания.

М е т е л л

Ведь Цезарем обижен Кай Лигарий,
За то что он Помпея восхвалял.
И как никто из вас о нем не вспомнил!

Б р у т

Поэтому, Метелл, зайди к нему;
Меня он любит, и не без причины.
Пришли его, и с ним я сговорюсь.

К а с с и й

Восходит утро. Брута мы оставим.
Расстанемся, наш уговор запомнив,
И римлянами выкажем себя.

Б р у т

Друзья, смотрите весело и бодро,
И пусть наш вид не выдаст тайных целей;
Играйте так, как римские актеры,
И без запинки исполняйте роли.
Итак, желаю доброго вам утра!

Все, кроме Брута, уходят.

Как, Люций! Вновь уснул! Что ж, упивайся
Медвяной тягостной росой дремоты;
Не знаешь ты тех призраков, видений,

Которыми забота мозг наш мучит;
Ты спишь так крепко.

Входит Порция.

Порция

Брут, мой господин!

Брут

Что, Порция? Что ты так рано встала?
Для хрупкого здоровья твоего
Опасна эта утренняя сырость.

Порция

Как и тебе. Ты нелюбезно, Брут,
Мое покинул ложе, а вчера
Вдруг встал от ужина и стал ходить,
Вздыхая и скрестив в раздумье руки.
Когда ж спросила я тебя, в чем дело,
То на меня ты посмотрел сурово,
Потом, рукою проведя по лбу,
В ответ ногой нетерпеливо топнул.
Настаивала я, но ты молчал
И гневным мановением руки
Дал знак мне удалиться; я ушла,
Боясь усилить это недовольство,
Владевшее тобою, и надеясь,

Что просто ты находишься не в духе,
Как иногда случается со всяким.
Но ты не ешь, не говоришь, не спишь,
И если б вид твой так же изменился,
Как изменился нрав твой, то тебя,
Брут, не узнала б я. Мой повелитель,
Открой же мне причину этой скорби.

Б р у т

Я не совсем здоров, и это все.

П о р ц и я

Брут мудр, и если бы он заболел,
То меры принял бы для излечения.

Б р у т

Я и лечусь. Спать, Порция, иди.

П о р ц и я

Как, болен Брут — и для леченья бродит
Полуодет и впитывает сырость
Туманного рассвета? Болен Брут —
И, крадучись, постель он покидает,
Чтоб подвергаться злой заразе ночи,
Чтобы холодный и нечистый воздух
Болезнь его усилил? Нет, мой Брут;

Недуг опасный твой в душе гнездится,
И я по праву и по положенью
Должна узнать причину; на коленях
Былой красой тебя я заклинаю,
И клятвами твоими, и той клятвой
Великой, что в одно связала нас, —
Открой мне, как себе, как половине
Своей, всю скорбь; скажи, кто те, что
К тебе зашли, шесть или семь их было, —
И даже здесь они скрывали лица.

Б р у т

Встань, Порция. Встань, нежная моя!

П о р ц и я

Я бы не склонялась, будь, как встарь, ты нежен.
Скажи мне, Брут: быть может, по закону
Жене запрещено знать тайны мужа?
Быть может, мой супруг, я часть тебя,
Но с тем ограничением, что могу
Делить с тобой лишь трапезы и ложе
И изредка болтать? Но неужели
Лишь на окраине твоих утех ♣
Я жить должна? Иль Порция для Брута
Наложницею стала, не женой?

Б р у т

Я чту тебя как верную супругу,
Такую ж близкую, как капли крови
В моем печальном сердце.

П о р ц и я

А если так, то знать хочу я тайну.
Пускай я женщина, но ведь меня
В супруги благородный Брут избрал;
Пускай я женщина, но ведь меня
Все доброй славой чтут как дочь Катона.
С таким супругом и с таким отцом —
Поверь мне, Брут, тверда я, как мужчина.
Откройся мне, и тайну я не выдам;
Иль твердость я свою не доказала,
Когда себе я рану нанесла
Сюда в бедро? Коль это я стерпела,
То тайну мужа я не выдам.

Б р у т

Боги,
Да буду я такой жены достоин.

Стук за сценой.

Стучат. На время, Порция, уйди.
Доверю вскоре сердцу твоему
Моей души тревогу,

Все думы, и заботы, и сомненья,
Из-за которых я угрюм и хмур.
Уйди скорее.

Порция уходит.

Кто стучится, Луций?

Входят Луций и Лигарий.

Луций

С тобою хочет говорить больной.

Брут

То Кай Лигарий, присланный Метеллом.
Ступай, мой мальчик. — Здравствуй, Кай Лигарий.

Лигарий

Мне трудно говорить, и все же — здравствуй!

Брут

Некстати, храбрый Кай, твоя повязка!
О, если бы ты был сейчас здоров!

Лигарий

Я выздоровлю, если Брут мне скажет,
Что есть для подвига достойный повод.

Б р у т

Лигарий, есть для подвига предлог.
Да, повод есть — достойный из достойных.

Л и г а р и й

Клянусь богами Рима, я здоров!
Недуги, прочь! О римлянин великий,
Потомок славный доблестного предка!
Ты, словно заклинатель, оживил
Мой омертвелый дух. Скажи; готов я
С любой неодолимой силой биться
И победить. Так что же надо делать?

Б р у т

Нам нужно возвратить больным здоровье.

Л и г а р и й

Отняв притом здоровье у кого-то?

Б р у т

Да. Расскажу тебе, в чем дело, Кай,
Дорогою к тому, к кому пойдем,
Чтоб это совершить.

Л и г а р и й

Идем скорей.
Воспламенившись, за тобой пойду —
На что, не знаю сам: с меня довольно,
Что Брут меня ведет.

Б р у т

За мною следуй.

Уходят.

Сцена 2

Дом Цезаря.

Гром и молния. Входит Цезарь в ночной одежде.

Цезарь

И небо и земля разверзлись ночью;
Во сне Кальпурния кричала трижды:
“На помощь. Цезаря хотят убить!”
Эй, слуги!

Входит слуга.

С л у г а

Господин мой?

Цезарь

Скажи жрецам, чтоб закололи жертву,
И прорицанья их мне сообщи.

Слуга

Исполню, господин.

(Уходит.)

Входит Кальпурния.

Кальпурния

Как, Цезарь? Ты уйти из дома хочешь?
Не должен ты сегодня выходить.

Цезарь

Нет, Цезарь выйдет: ведь всегда опасность
Ко мне крадется сзади, но, увидев
Мое лицо, тотчас же исчезает.

Кальпурния

Ты знаешь, Цезарь, я не суеверна,
Но я теперь боюсь. Сказал мне стражник,
Что ужасы такие он видал,
Каких себе представить мы не можем.
На улице вдруг львица окотилась;
Могилы выплюнули мертвецов;
По правилам военного искусства

Меж туч сражались огненные рати,
И кровь бойцов кропила Капитолий,
Был ясно слышен грозный грохот битвы:
Стонали раненые, ржали кони...
По улицам металась привиденья,
Ужасным воем поражая слух.
О, Цезарь. Это все необычайно,
И я страшусь.

Цезарь

Как можно избежать
Судьбы, нам предназначенной богами?
Нет, Цезарь выйдет; знамения эти
Даны не только Цезарю, а всем.

Кальпурния

В день смерти нищих не горят кометы,
Лишь смерть царей огнем вещает небо.

Цезарь

Трус умирает много раз до смерти,
А храбрый смерть один лишь раз вкушает!
Из всех чудес всего необъяснимей
Мне кажется людское чувство страха,
Хотя все знают — неизбежна смерть
И в срок придет.

Римские ликторы

Входит слуга.

Что говорят авгуры?

С л у г а

Советуют, чтоб ты не выходил.
Из жертвы внутренности вынимая,
Они в животном сердца не нашли.

Ц е з а р ь

Так посрамить желают боги трусость:
Скотиною без сердца Цезарь был бы,
Когда б из страха дома он остался.
Не будет этого: опасность знает,
Что Цезарь поопаснее ее.
Мы — как два льва, два брата-близнеца.
Из нас двоих я старше и страшней.
Нет, Цезарь выйдет.

К а л ь п у р н и я

О, увы, в тебе
Самонадеянность убила мудрость.
Не выходи сегодня; пусть мой страх
Тебя удержит дома, а не твой,
Пошлем мы Марк Антония в сенат.
Пусть скажет он, что болен ты сегодня. ■
Прошу тебя об этом на коленях.

Цезарь

Антоний скажет им: я нездоров;
Чтоб ублажить тебя, останусь дома.

Входит Деций.

Цезарь

Вот Деций Брут, он передаст им это.

Деций

Приветствую тебя, достойный Цезарь!
Пришел я проводить тебя в сенат.

Цезарь

Ты вовремя пришел, чтоб отнести
Сенаторам приветствие мое,
Сказать, что к ним прийти я не могу.
Ложь — не могу, и вовсе ложь — не смею.
Я не хочу прийти; скажи так, Деций.

Кальпурния

Скажи, он болен.

Цезарь

Цезарь — им солжет?
Затем ли я так далеко в победах
Простер над миром длань, чтоб опасаться

Седобородым правду, говорить?
Скажи им, Деций, — Цезарь не придет.

Д е ц и й

Великий Цезарь, объяснить им надо,
В чем дело, а не то осмеян буду,
Когда им передам слова.

Ц е з а р ь

Во мне причина — не хочу прийти,
И этого довольно для сената.
Но я тебя люблю и потому
Тебе открою все. Меня жена,
Кальпурния, удерживает дома.
Ей снилось, будто статуя моя
Струила, как фонтан, из ста отверстий
Кровь чистую и много знатных римлян
В нее со смехом погружали руки.
Сон кажется ей знаменьем зловещим,
И, на колени встав, она молила,
Чтобы остался я сегодня дома.

Д е ц и й

Но этот сон неверно истолкован.
Значение его благоприятно:
Из статуи твоей струилась кровь,
И много римлян в ней омыло руки, —

И это значит, что весь Рим питаем
Твоею кровью и что знать теснится
За знаками отличья и наград.
Вот все, что сон Кальпурнии вещает.

Цезарь

Ты сон ее истолковал отлично.

Деций

Да, если внемлешь ты моим словам.
Узнай же, что сенаторы решили
Корону поднести тебе сегодня.
Узнав, что ты не явишься, они
В решение поколеблются, и слово
Крылатое из уст в уста пойдет:
“Прервем сенат, пока хороших снов
Супруга Цезарева не увидит”.
Коль ты не выйдешь, то шептаться будут:
“А Цезарь испугался!”
Прости меня, о Цезарь, лишь любовь
К твоим делам велит сказать мне правду;
Мой разум подчинен любви.

Цезарь

Нелепы страхи все твои, Кальпурния!
И стыдно мне, что я поддался им. —
Подайте тогу, я иду.

Входит Публий, Брут, Лигарий, Метелл,
Каска, Требоний и Цинна.

А вот и Публий, он пришел за мной.

П у б л и й

С добрым утром, Цезарь.

Ц е з а р ь

Здравствуй, Публий. —
Как, Брут, и ты сегодня встал так рано? —
Тебе привет мой, Каска. — Кай Лигарий,
И Цезарь не был так к тебе враждебен,
Как лихорадка, что тебя сгноила. —
Который час?

Б р у т

Пробило восемь, Цезарь.

Ц е з а р ь

Благодарю я всех вас за вниманье.

Входит Антоний.

Как, и Антоний! Ночь в пирах проводит
И все же встал. Антоний, с добрым утром!

Цезарь

Пусть приготовят все.
Я виноват, что ждать вас заставляю.
А, Цинна, и Метелл, и ты,
Требоний.
С тобою будет разговор особый,
Ко мне сегодня должен ты прийти.
Будь ближе, чтобы о тебе я помнил.

Требоний

Да, Цезарь.

(В сторону.)

И так близко, что друзьям
Твоим захочется, чтоб я был дальше.

Цезарь

Друзья, пойдем со мной вина отведать,
А после вместе выйдем как друзья.

Брут

(в сторону)

Так только кажется тебе, о Цезарь,
И мысль об этом мучит сердце Брута.

Уходят.

Сцена 3

Улица около Капитолия.

Входит А р т е м и д о р, читая письмо.

А р т е м и д о р.

“Цезарь, остерегайся Брута; опасайся Кассия; держись по-дальше от Каски; следи за Цинной; не доверяй Требонию; наблюдай за Метеллом Цимбером; Деций Брут тебя не любит; ты оскорбил Кая Лигария. У всех этих людей одно намерение, и оно направлено против Цезаря. Если ты не бессмертен, будь осмотрителен: доверчивость расчищает дорогу для заговора. Да защитят тебя всемогущие боги!

Твой друг Артемидор”.

Динарий с изображением Брута, отчеканенный в Азии

Здесь подожду, пока он не пройдет,
И, как проситель, дам ему письмо.
Душа скорбит о том, что доблесть может
Пасть от зубов завистничества злого.
Прочтешь письмо, о Цезарь, — будешь жить;
А нет — так Судьбы в заговоре с ними.

(Уходит.)

Сцена 4

Другая часть той же улицы, перед домом Брута.

Входят Порция и Луций.

Порция

Прошу тебя, беги к сенату, мальчик;
И не расспрашивай, скорей иди.
Что ж ты стоишь?

Луций

Не знаю порученья.

Порция

Хотела б я, чтоб ты назад вернулся
Скорей, чем порученье дам тебе.
О твердость, будь со мной и между сердцем
И языком моим воздвигни гору!
Мужчина духом, женщина я силой.
Как трудно женщине не выдать тайну.
Ты здесь еще?

Луций

Что, госпожа, мне делать?
Бежать до Капитолия, вернуться
Сюда назад — и больше ничего?

П о р ц и я

Мне сообщи, как выглядит мой муж.
Ведь вышел он больным; и посмотри,
Что Цезарь делает, кто близ него. —
Чу, мальчик. Что за шум?

Л у ц и й

Не слышу, госпожа.

П о р ц и я

Так слушай лучше.
Я слышу, гул внезапный и мятежный
Из Капитолия доносит ветер.

Л у ц и й

Не слышу ничего.

Входит прорицатель.

П о р ц и я

К нам подойди.
Откуда ты?

П р о р и ц а т е л ь

Из дому, госпожа.

П о р ц и я

Который час?

П р о р и ц а т е л ь

Девятый, госпожа.

П о р ц и я

Отправился ли Цезарь в Капитолий?

П р о р и ц а т е л ь

Нет, госпожа; я здесь стою и жду,
Когда пройдет он мимо в Капитолий.

П о р ц и я

Ты хочешь Цезарю подать прошение?

П р о р и ц а т е л ь

Да, госпожа, и, если Цезарь будет
Так милостив к себе, чтобы мне внять,
Я попрошу, чтоб он был добр к себе.

П о р ц и я

Узнал ты, что ему грозит опасность?

Прорицатель

Покуда нет еще, но может быть.
Прощайте. Эта улица тесна.
За Цезарем спешащая толпа
Сенаторов, и преторов, и разных
Просителей здесь слабого задавит.
Найду просторней место, чтобы Цезарь
Меня услышал, мимо проходя.

(Уходит.)

Порция

И я должна уйти. Ах, горе мне,
Как слабо сердце женщины. О Брут,
Пусть делу твоему поможет небо.
Ведь мальчик слышал. Есть у Брута просьба,
Но Цезарь ей не внимлет. — Сил нет больше.
Беги с моим поклоном к Бруту, Луций;
Скажи, что весела я, и назад
Мне принеси ответ его скорее.

Уходят в разные стороны.

АКТ III

Сцена 1

Рим. Перед Капитолием. Заседание сената.
Толпа народа; среди нее Артемидор и прорицатель.

Трубы.

Входит Цезарь, Брут, Кассий, Каска, Деций, Меттелл,
Требоний, Цинна, Антоний, Лепид, Попий,
Публий и другие.

Цезарь

Настали иды марта.

Прорицатель

Но, Цезарь, не прошли.

Артемидор

Привет, о Цезарь, прочитай письмо.

Деций

Требоний просит, чтоб ты на досуге
Прочел его смиренное прошение.

Артемидор

Прочти мое сперва, оно тебя
Касается. Прочти, великий Цезарь.

Цезарь

Что нас касается, пойдет последним.

Артемидор

Не медли, Цезарь; прочитай сейчас.

Цезарь

Иль он с ума сошел?

Публий

Эй ты, дорогу!

Кассий

Что подаешь на улице прошение?
Ступай же в Капитолий.

Цезарь идет вверх к сенату, остальные — за ним.

П о п и л и й

Желаю я успеха вам сегодня.

К а с с и й

Успеха в чем, Попилий?

П о п и л и й

До свиданья.

(Направляется к Цезарю).

Б р у т

А что сказал Попилий Лена?

К а с с и й

Он пожелал успеха нам сегодня.
Боюсь, что заговор открыт.

Б р у т

Смотри, он к Цезарю подходит.

К а с с и й

Не медли, Каска, помешать нам могут.
Что делать, Брут? Коль заговор раскрыт,
Иль Кассий, или Цезарь не вернется,
Я заколю себя.

Б р у т

Будь тверже, Кассий,
То не о нас Попилий говорит,
Смеется он, и Цезарь так спокоен.

К а с с и й

Требоний действует: смотри, как он
Антония уводит за собой.

Антоний и Требоний уходят.
Цезарь и сенаторы занимают свои места.

Д е ц и й

Так где ж Метелл? Пускай вперед он выйдет
И Цезарю свою изложит просьбу.

Б р у т

Он вышел; ближе следуйте за ним.

Ц и н н а

Ты, Каска, первым нанесешь удар.

К а с к а

Готовы ль все?

Цезарь

Какие непорядки
Должны исправить Цезарь и сенат?

Метелл

Великий и могущественный Цезарь,
Ты видишь, Цимбр перед тобой смиренно
Склоняется.

(Опускается на колени.)

Цезарь

Предупреждаю, Цимбр,
Что пресмыкание и низкопоклонство
Кровь зажигают у людей обычных
И прежнее решение иль указ
В игрушку превращают. Но не думай,
Что Цезарь малодушен, как они,
Что кровь его расплавить можно,
Чем кровь безумцев, то есть сладкой лестью,
Низкопоклонством и виляньем псиным.
Твой брат изгнанию предан по декрету;
Коль будешь ты молить и унижаться,
Тебя, как пса, я отшвырну с дороги.
Знай, Цезарь справедлив и без причины
Решенья не изменит.

М е т е л л

Чей голос более, чем мой, достоин,
Чтобы великий Цезарь внял мольбе
О возвращенье брата моего?

Б р у т

Не лстя, твою целую руку, Цезарь,
Молю тебя о том, чтоб Публий Цимбр
Из ссылки был тобою возвращен.

Ц е з а р ь

Как, Брут?

К а с с и й

Прощенье, Цезарь, милость, Цезарь!
К твоим ногам склоняется и Кассий
С мольбой о том, чтоб Цимбра ты простил.

Ц е з а р ь

Будь я, как вы, то я поколебался б,
Мольбам я внял бы, если б мог молить.
В решеньях я неколебим, подобно
Звезде Полярной: в постоянстве ей
Нет равной среди звезд в небесной тверди.
Все небо в искрах их неисчислимых;
Пылают все они, и все сверкают,

Но лишь одна из всех их неподвижна;
Так и земля населена людьми,
И все они плоть, кровь и разуменье:
Но в их числе лишь одного я знаю,
Который держится неколебимо,
Незыблемо; и человек тот — я.
Я это выкажу и в малом деле:
Решив, что Цимбр из Рима будет изгнан,
Решенья своего не изменю.

Ц и н н а

Великий Цезарь!

Ц е з а р ь

Иль Олимп ты сдвинешь?

Д е ц и й

О Цезарь!..

Ц е з а р ь

Брут — и тот молил напрасно.

К а с к а

Тогда пусть руки говорят!

Каска первый, затем остальные заговорщики и Марк Брут
поражают Цезаря.

Цезарь

И ты, о Брут! Так падай, Цезарь!

(Умирает.)

Цинна

Свобода! Вольность! Пала тирания!
По улицам об этом разгласите.

Кассий

На ростры поднимитесь и кричите:
“Свобода, вольность и освобождение!”

Брут

Народ, сенаторы, не бойтесь, стойте!
Смотрите: властолюбья долг оплачен!

Каска

Взойди на ростру, Брут.

Деций

И Кассий тоже.

Брут

Где Публий?

Смерть Юлия Цезаря. Худ. Вильгельм фон Каульбах.

Ц и н н а

Он здесь и потрясен восстаньем этим!

М е т е л л

Смотрите, чтобы Цезаря друзья
Не вздумали...

Б р у т

Пустая болтовня! — Не бойся, Публий;
Мы ни тебе, ни римлянам другим
Вреда не причиним, — скажи всем это.

К а с с и й

Оставь нас, Публий; ведь народ нахлынет
И старости твоей не пощадит.

Б р у т

Уйди; пусть отвечают за деянье
Свершившие его.

Возвращается Т р е б о н и й.

К а с с и й

Антоний где?

Т р е б о н и й

В свой дом в смятеньс скрылся.
Бегут, вопя, мужи и жены, дети,
Как в Судный день.

Б р у т

Узнаем судьб решение;
Мы знаем, что умрем, но люди тщатся
Как можно дольше дни свои продлить.

К а с к а

Тот, кто отнимет двадцать лет у жизни,
Отнимет столько же у страха смерти.

Б р у т

Раз так, то смерть есть благо. Были мы
Друзьями Цезарю, его избавив
От страха смерти. —

Римляне, склонитесь,
Омоем руки Цезаревой кровью
По локоть и, мечи обрызгав ею,
Идемте все немедленно на форум
И, потрясая красное оружие,
Воскликнем все:

“Мир, вольность и свобода!”

К а с с и й

Склонясь, омойтесь. Ведь пройдут века,
И в странах, что еще не существуют,
Актеры будут представлять наш подвиг.

Б р у т

И снова кровью истечет наш Цезарь,
Лежащий здесь, у статуи Помпея,
Как прах ничтожный.

К а с с и й

Да, и каждый раз
Нас, совершивших это, назовут
Людьми, освободившими отчизну.

Д е ц и й

Пора нам уходить.

К а с с и й

Да, вместе выйдем:
Брут впереди, а мы за ним; пусть видят,
Что в Риме нет сердец смелей и лучше.

Входит слуга.

Б р у т

Кто там идет? Антония посланец.

С л у г а

Так, Брут, велел мой господин склониться, —
Так Марк Антоний приказал мне — пасть
И, распростершись, так тебе сказать:
Брут благороден, мудр, и храбр, и честен;
Велик был Цезарь, царствен, смел и добр.
Скажи, что Брута я люблю и чту,
А Цезаря боялся, чтил, любил.
И если Брут дозволит, чтоб Антоний
Мог невредим к нему прийти узнать,
Чем Цезарь заслужил такую смерть,
То Брут живой ему дороже будет,
Чем мертвый Цезарь,
и себя он свяжет
С судьбой и делом доблестного Брута
Среди опасностей и смут грядущих
Как верный друг.

Так говорит Антоний.

Б р у т

Он — римлянин и доблестный и мудрый,
Его всегда я чтил.
Скажи, что если он придет сюда,
То все узнает и, ручаюсь честью,
Уйдет нетронут.

С л у г а

Он сейчас придет.

(Уходит.)

Б р у т

Я думаю, он станет нашим другом.

К а с с и й

О, если б так. Его я опасаюсь,
И, как всегда, предчувствие мое
Меня в том не обманет.

Входит А н т о н и й.

Б р у т

Вот он идет. Привет, о Марк Антоний!

А н т о н и й

Великий Цезарь! Ты лежишь во прахе?
Ужели слава всех побед, триумфов
Здесь уместилась? Так покойся с миром. —
Все ваши замыслы мне неизвестны,
Кому еще хотите кровь пустить;
Коль мне, то самый подходящий час —
Час смерти Цезаря, и нет оружия
Достойнее того, что обагрилось
Чистейшею и лучшей в мире кровью.

Прошу вас, — если вам я неугоден,
Пока дымятся кровью ваши руки,
Меня убейте. И тысячелетье
Прожив, не буду к смерти так готов;
Нет места лучшего, нет лучшей смерти,
Чем пасть близ Цезаря от ваших рук,
От вас, решающих все судьбы века.

Б р у т

Антоний, смерти не проси у нас.
Мы кажемся кровавы и жестоки —
Как наши руки и деянье наше;
Но ты ведь видишь только наши руки,
Деяние кровавое их видишь,
А не сердца, что полны сострадания.
Лишь сострадание к общим бедам Рима —
Огонь мертвит огонь, а жалость — жалость —
Убило Цезаря. Но для тебя
Мечи у нас притуплены, Антоний,
И наши руки, так же как сердца,
В объятия тебя принять готовы
С любовью братской, с дружбой и почетом.

К а с с и й

В раздаче новых почестей и ты
С другими наравне получишь голос.

Б р у т

Будь терпелив, пока мы успокоим
Народ, который вне себя от страха.
Тогда мы объясним тебе причины,
За что я, Цезаря всегда любивший,
Его убил.

А н т о н и й

Я знаю вашу мудрость.
Кровавые мне ваши руки дайте;
И первому, Марк Брут, тебе жму руку;
Второму руку жму тебе, Кай Кассий;
Тебе, Брут Деций, и тебе, Метелл;
И Цинне, и тебе, мой храбрый Каска;
Последним ты, но не в любви, Требоний.
Патриций — увы! — что я скажу?
Доверие ко мне так пошатнулось,
Что вправе вы сейчас меня считать
Одним из двух — иль трусом, иль льстецом. —
О, истинно тебя любил я, Цезарь!
И если дух твой носится над нами,
То тягостнее смерти для тебя
Увидеть, как Антоний твой мирится
С убийцами, им руки пожимая
Здесь, о великий, над твоим же трупом!
Имей я столько ж глаз, как ты ранений,

Точащих токи слез, как раны — кровь,
И то мне было б легче, чем вступать
С убийцами твоими в соглашение.
Прости мне, Юлий. Как олень затравлен,
Ты здесь лежишь, охотники ж стоят,
Обагрены твоею алой кровью.
Весь мир был лесом этого оленя,
А он, о мир, был сердцем для тебя.
Да, как олень, сражен толпою знати,
Ты здесь лежишь.

К а с с и й

Марк Антоний!

А н т о н и й

Прости меня, Кай Кассий. —
О Цезаре так скажут и враги,
В устах же друга то простая скромность.

К а с с и й

Не порицаю, что его ты хвалишь,
Но с нами как себя ты поведешь?
Скажи, решил ли ты стать нашим другом,
Иль не рассчитывать нам на тебя?

А н т о н и й

Я руки ваши жал, но я отвлекся
От этого, на Цезаря взглянув.
Друзья, я с вами весь и вас люблю,
И я надеюсь, вы мне объясните,
Чем и кому был Цезарь так опасен.

Б р у т

Иначе б диким зрелищем то было.
Но побужденья наши так высоки,
Что, будь ты сыном Цезаря, Антоний,
Ты внял бы им.

А н т о н и й

Лишь этого хочу.
А сверх того прошу я вас, чтоб тело
Дозволили мне вынести на площадь
И на похоронах его с трибуны,
Как подобает другу, речь держать.

Б р у т

Да, Марк Антоний.

К а с с и й

Брут, одно лишь слово.
(Тихо, Бруту).
Не знаешь сам, что делаешь: нельзя

Нам допускать, чтоб речь держал Антоний;
Как знать, не возбудит ли он народ
Своею речью?

Б р у т

Ты меня прости.

Сам на трибуну первым я взойду
И разъясню, за что убит был Цезарь;
Скажу, что будет говорить Антоний
С согласия нашего и разрешенья,
Что праху Цезаря мы отдадим
Все почести, какие подобают.
Нам это только пользу принесет.

К а с с и й

Как знать, что будем. Мне это не любо.

Б р у т

Итак, возьми прах Цезаря, Антоний.
В надгробной речи нас не порицай,
Но Цезарю воздай хвалу как должно,
Сказав, что это разрешили мы;
А иначе ты будешь отстранен
От похорон; и говорить ты будешь
С трибуны той же самой, что и я,
Когда окончу речь.

А н т о н и й

Быть по сему.

Мне большего не надо.

Б р у т

Приготовь же

Прах Цезаря и приходи на форум.

Все, кроме Антония уходят.

А н т о н и й

Прости меня, о прах кровоточащий,
Что кроток я и ласков с палачами.
Останки благороднейшего мужа,
Кому в потоке времени нет равных.
О, горе тем, кто эту кровь пролил!
Над ранами твоими я пророчу, —
Рубиновые губы уст немых
Открыв, они через меня вещают —
Проклятье поразит тела людей;
Гражданская война, усобиц ярость
Италию на части раздерут;
И кровь и гибель будут так привычны,
Ужасное таким обычным станет,
Что матери смотреть с улыбкой будут,
Как четвертует их детей война;
И жалость всякую задушит дикость;

Дух Цезаря в погоне за отмщеньем,
С Гекатою из преисподней выйдя,
На всю страну монаршьим криком грянет:
“Пощады нет!” — и спустит псов войны,
Чтоб злодеянье вся земля узнала
По смраду тел, просящих погребенья.

Входит слуга.

Ты послан от Октавия, не так ли?

С л у г а

Да, Марк Антоний.

А н т о н и й

Цезарь писал ему, чтоб в Рим он прибыл.

С л у г а

Он получил письмо и скоро будет.

Тебе же устно он передает...

(Увидев тело.)

О Цезарь!

А н т о н и й

Великодушен ты; уйди и плачь.
Скорбь заразительна; мои глаза,
Увидев перлы скорби на твоих,
Слезятся. Где сейчас твой господин?

С л у г а

Стал на ночь лагерем, семь миль от Рима.

А н т о н и й

Спеши назад, скажи, что здесь случилось;
Рим в трауре, в опасном возбуждении,
И Рим Октавию небезопасен;
Так передай ему. Нет, подожди.
Мы вместе тело вынесем на площадь,
Там буду речь держать и попытаюсь
Узнать, как отзывается народ
На злодеянье этих кровопийц;
И сообразно этому потом
Октавию доставишь донесенье.
Ну, помогай.

Уходят, унося труп Цезаря.

Сцена 2

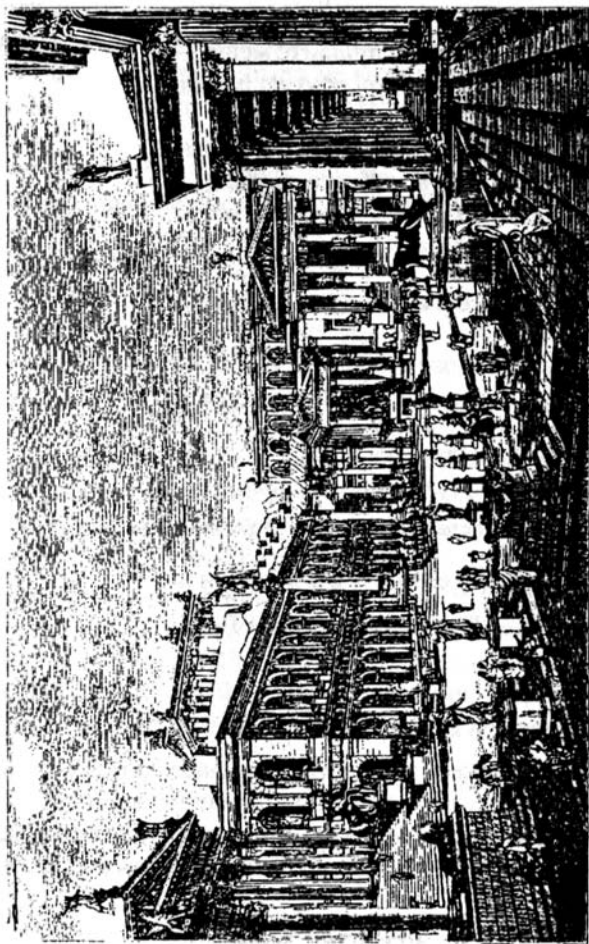
Форум.

Входят Брут, Кассий и толпа граждан

Г р а ж д а н е

Хотим мы знать причину! Объясните!

Римский форум в I веке. Реставрация худ. Релендера.

Б р у т

Друзья, за мной и слушайте меня. —
Ты ж, Кассий, избери другую площадь,
Толпу разделим. —
Кто хочет выслушать меня, останьтесь;
Кто хочет, пусть за Кассием идет;
Мы объясним, зачем для блага всех
Убит был Цезарь.

П е р в ы й г р а ж д а н и н

Брута буду слушать.

В т о р о й г р а ж д а н и н

Я Кассия послушаю, а после,
Все выслушав, их доводы сравним.

Кассий уходит с частью граждан. Брут всходит на ростру.

Т р е т и й г р а ж д а н и н

Молчанье! Говорит достойный Брут.

Б р у т

Терпенье до конца.

Римляне, сограждане и друзья! Выслушайте, почему я поступил так, и молчите, чтобы вам было слышно; верьте мне ради моей чести и положитесь на мою честь, чтобы поверить; судите меня по своему разумению и пробудите ваши чувства, чтобы вы

могли судить лучше. Если в этом собрании есть хоть один человек, искренне любивший Цезаря, то я говорю ему: любовь Брута к Цезарю была не меньше, чем его. И если этот друг спросит, почему Брут восстал против Цезаря, то вот мой ответ: не потому, что я любил Цезаря меньше, но потому, что я любил Рим больше. Что вы предпочли бы: чтоб Цезарь был жив, а вы умерли рабами, или чтобы Цезарь был мертв и вы все жили свободными людьми? Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его. За его любовь — слезы; за его удачи — радость; за его доблести — почет; за его властолюбие — смерть. Кто здесь настолько низок, чтобы желать стать рабом? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Кто здесь настолько одичал, что не хочет быть римлянином? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Кто здесь настолько гнусен, что не хочет любить свое отечество? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Я жду ответа.

В с е. Такого нет, Брут, нет.

Б р у т. Значит, я никого не оскорбил. Я поступил с Цезарем так, как вы поступили бы с Брутом. Причина его смерти записана в свитках Капитолия; слава его не умалена в том, в чем он был достоин, и вина его не преуменьшена в том, за что он поплатился смертью.

Входит Антоний и другие стелом Цезаря.

Вот его тело, оплакиваемое Марком Антонием, который, хотя и непричастен к его убийству, но выиграет от этого — он

будет жить в республике. В таком же выигрыше будет и любой из вас. С этим я ухожу, — и так же, как я поразил моего лучшего друга для блага Рима, так сохраню я этот кинжал для себя, если моей отчизне потребуется моя смерть.

В с е

Живи, о Брут! Живи! Живи!

Первый гражданин

С триумфом отнесем его домой.

Второй гражданин

Воздвигнем статую ему, как предкам.

Третий гражданин

Пусть станет Цезарем.

Четвертый гражданин

В нем увенчаем

Все лучшее от Цезаря.

Первый гражданин

Проводим его домой с почетом.

Б р у т

Сограждане!

Речь Антония у трупа Цезаря. Худ. Александр Цик.

Второй гражданин

Брут говорит. Молчанье!

Первый гражданин

Потише, эй!

Брут

Друзья, позвольте, я уйду один,
А вас прошу с Антонием остаться.
Почтенье праху Цезаря воздайте,
А также славе доблестной его,
О них в надгробном слове Марк Антоний
Здесь с разрешения нашего вам скажет.
Я уйду, а вы не расходитесь,
Пока Антоний речи не закончит.

(Уходит.)

Первый гражданин

Останемся Антония послушать.

Третий гражданин

Антоний благородный, на трибуну
Ты поднимись. — Послушаем его.

А н т о н и й

Обязан Бруту я за разрешение
Здесь речь держать.

(Всходит на роstrу.)

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н

Что он сказал о Бруте?

Т р е т и й г р а ж д а н и н

Что он обязан Бруту разрешеньем
Здесь перед нами всеми речь держать.

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н

Пусть говорит почтительней о Бруте.

П е р в ы й г р а ж д а н и н

Ведь Цезарь был тиран.

Т р е т и й г р а ж д а н и н

В том нет сомненья,
Но, к счастью, от него избавлен Рим.

В т о р о й г р а ж д а н и н

Послушаем Антония. Молчанье!

А н т о н и й

О римляне!

В с е

Послушаем его.

А н т о н и й

Друзья, сограждане, внимлите мне.
Не восхвалять я Цезаря пришел,
А хоронить. Ведь зло переживает
Людей, добро же погребают с ними.
Пусть с Цезарем так будет. Честный Брут
Сказал, что Цезарь был властолюбив.
Коль это правда, это тяжкий грех,
За это Цезарь тяжело поплатился.
Здесь с разрешенья Брута и других, —
А Брут ведь благородный человек,
И те, другие, тоже благородны, —
Над прахом Цезаря я речь держу.
Он был мне другом искренним и верным,
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Гнал толпы пленников к нам Цезарь в Рим,
Их выкупом казну обогащая,
Иль это тоже было властолюбьем?
Стон бедняка услыша, Цезарь плакал,

А властолюбье жестче и черствей;
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Вы видели, во время Луперкалий
Я трижды подносил ему корону,
И трижды от отверг — из властолюбья?
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Что Брут сказал, я не опровергаю,
Но то, что знаю, высказать хочу.
Вы все его любили по заслугам,
Так что ж теперь о нем вы не скорбите?
О справедливость! Ты в груди звериной,
Лишились люди разума. Простите;
За Цезарем ушло в могилу сердце.
Позвольте выждать, чтоб оно вернулось.

Первый гражданин

В его словах как будто много правды.

Второй гражданин

Выходит, если только разобраться, —
Зря Цезарь пострадал.

Третий гражданин

А я боюсь,
Его замснит кто-нибудь похуже.

Четвертый гражданин

Вы слышали? Не взял короны Цезарь;
Так, значит, не был он властолюбив.

Первый гражданин

Тогда они поплатятся жестоко.

Второй гражданин

От слез глаза его красны, как угли.

Третий гражданин

Всех благородней в Риме Марк Антоний.

Антоний

Вчера еще единым словом Цезарь
Всем миром двигал: вот он недвижим,
Без почестей, пренебрегаем всеми.
О граждане, когда бы я хотел
Поднять ваш дух к восстанью и отмищенью,
Обидел бы я Кассия и Брута,
А ведь они достойнейшие люди.
Я не обижу их, скорей обижу
Покойного, себя обижу, вас,
Но не таких достойнейших людей.
Вот здесь пергамент с Цезаря печатью,
Найденный у него, — то завещанье.

Когда бы весь народ его услышал, —
Но я читать его не собираюсь, —
То раны Цезаря вы лобызали б,
Платки мочили бы в крови священной,
Просили б волосок его на память
И, умирая, завещали б это
Как драгоценнейшее достоянье
Своим потомкам.

Ч е т в е р т ы й г р а ж д а н и н

Прочти нам завещанье, Марк Антоний.

В с е

Прочти нам Цезарево завещанье!

А н т о н и й

Друзья, терпенье. Мне нельзя читать.
Нельзя вам знать, как Цезарь вас любил.
Вы — люди, а не дерево, не камни;
Услышав Цезарево завещанье,
Воспламенитесь вы, с ума сойдете;
Не знаете вы о своем наследстве,
А иначе — о, что бы здесь свершилось!

Четвертый гражданин

Мы слушаем. Читай скорей, Антоний,
Прочти нам Цезарево завещанье.

Антоний

Терпенье. Можете вы подождать.
О завещанье я вам проболтался,
Боюсь обидеть тех людей достойных,
Что Цезаря кинжалами сразили.

Четвертый гражданин

Достойных! Нет, предатели они.

Все

Читай нам завещанье!

Второй гражданин

Они злодеи, убийцы. Читай же завещанье!

Антоний

Хотите, чтоб прочел я завещанье?
Над прахом Цезаря все станьте кругом,
Я покажу того, кто завещал.
Могу ль сойти? Вы разрешите мне?

Все

Сходи.

Второй гражданин

Спускайся.

Антоний сходит с ростры.

Третий гражданин

Мы разрешаем.

Четвертый гражданин

Станьте в круг.

Первый гражданин

От тела и носилок отойдите.

Второй гражданин

Место Антонию, благородному Антонию!

Антоний

Так не теснитесь. Расступитесь шире.

Все

Назад! Назад! Раздайтесь!

А н т о н и й

Коль слезы есть у вас, готовьтесь плакать.
Вы эту тогу знаете; я помню,
Как Цезарь в первый раз ее надел:
То было летним вечером, в палатке,
В тот день, когда он нервиев разбил.
Смотрите! След кинжала — это Кассий;
Сюда удар нанес завистник Каска,
А вот сюда любимый Брут разил;
Когда ж извлек он свой кинжал проклятый,
То вслед за ним кровь Цезаря метнулась,
Как будто из дверей, чтоб убедиться —
Не Брут ли так жестоко постучался.
Ведь Брут всегда был Цезарев любимец,
О боги, Цезарь так любил его!
То был удар из всех ударов злейший:
Когда увидел он, что Брут разит,
Неблагодарность больше, чем оружие,
Его сразила; мощный дух смутился,
И вот, лицо своей закрывши тогой.
Перед подножием статуи Помпея,
Где кровь лилась, великий Цезарь пал.
Сограждане, какое то паденье!
И я и вы, мы все поверглись ниц,
Кровавая ж измена торжествует.
Вы плачете; я вижу, что вы все
Растроганы: то слезы состраданья.

Вы плачете, увидевши раненья
На тоге Цезаря? Сюда взгляните,
Вот Цезарь сам, убийцами сраженный.

Первы й гражданин
О скорбный вид!

Второй гражданин
О благородный Цезарь!

Третий гражданин
Злосчастный день!

Четвертый гражданин
Предатели, убийцы!

Первый гражданин
О зрелище кровавое!

Второй гражданин
Мы отомстим!

В с е. Мечь! Восстанем! Найти их! Сжечь! Убить! Пусть
ни один предатель не спасется.

А н т о н и й
Сограждане, постойте.

Первый гражданин

Молчанье! Марк Антоний говорит.

Второй гражданин. Мы слушаем его, мы пойдем за ним, мы умрем с ним.

Антоний

Друзья мои, я вовсе не хочу,
Чтоб хлынул вдруг мятеж потоком бурным.
Свершившие убийство благородны;
Увы, мне неизвестны побужденья
Их личные, они мудры и честны
И сами все вам могут объяснить.
Я не хочу вас отвратить от них.
Я не оратор, Брут в речах искусней;
Я человек открытый и прямой
И друга чтит; то зная, разрешили
Мне говорить на людях здесь о нем.
Нет у меня заслуг и остроумья,
Ораторских приемов, красноречья,
Чтоб кровь людей зажечь. Я говорю:
Здесь прямо кто, что вам самим известно:
Вот раны Цезаря — уста немые,
И я прошу их — пусть вместо меня
Они заговорят. Но будь я Брутом,
А Брут Антонием, тогда б Антоний
Воспламенил ваш дух и дал язык

Всем ранам Цезаря, чтоб, их услышав,
И камни Рима, возмуться, восстали.

В с е

Восстанем мы!

П е р в ы й г р а ж д а н и н

Сожжем дотла дом Брута!

Т р е т и й г р а ж д а н и н

Скорее заговорщиков ловите!

А н т о н и й

Внемлите мне, сограждане, внемлите!

В с е

Молчанье, эй! Антоний говорит.

А н т о н и й

Друзья, восстали вы, еще не зная,
Чем Цезарь заслужил любовь такую.
Увы, не знаете; я вам открою;
Забыли вы о завещанье.

В с е

Он прав: узнать нам надо завещанье.

А н т о н и й

Вот завещанье с Цезаря печатью.
Он римлянину каждому дает,
На каждого по семьдесят пять драхм.

В т о р о й г р а ж д а н и н

О, благородный Цезарь! Месть за смерть!

Т р е т и й г р а ж д а н и н

О, Цезарь царственный!

А н т о н и й

Дослушайте меня!

В с е

Молчанье, эй!

А н т о н и й

Он завещал вам все свои сады,
Беседки и плодовые деревья
Вдоль Тибра, вам и всем потомкам вашим,
На веки вечные для развлечений,
Чтоб там вы отдыхали и гуляли.
Таков был Цезарь! Где найти другого?

Первый гражданин

Нет, никогда. Скорей, скорей идемте!
Мы прах его сожм в священном месте
И подожжем предателей дома.
Берите тело.

Второй гражданин. Огня добудьте.

Третий гражданин. Скамьи ломайте.

Четвертый гражданин. Скамьи выламывайте, ок-
на, все!

Граждане уходят с телом.

Антоний

Я на ноги тебя поставил, смута!
Иди любым путем.

Входит слуга.

Ну как дела?

Слуга

Октавий прибыл в Рим, мой господин.

Антоний

Где ж он?

Слуга

С Лепидом вместе в Цезаревом доме.

А н т о н и й

Сейчас отправлюсь я туда к нему.
Он прибыл кстати. Весела Фортуна
И потому ни в чем нам не откажет.

С л у г а

Я слышал, он сказал, что Брут и Кассий
Промчались бешено в ворота Рима.

А н т о н и й

Пронюхали, наверно, что народ
Я подстрекнул. К Октавию идем.

Уходят.

Сцена 3

Улица.

Входит поэт Цинна.

Ц и н н а

Мне снилось, что я с Цезарем пирую.
Предчувствия гнетут воображенье;
Я не хотел из дома выходить,
Но что-то тянет прочь.

Входят граждане.

Первый гражданин. Как твое имя?

Второй гражданин. Куда идешь?

Третий гражданин. Где ты живешь?

Четвертый гражданин. Женат ты или холост?

Второй гражданин. Отвечай всем прямо.

Первый гражданин. Да, и коротко.

Четвертый гражданин. Да, и толково.

Третий гражданин. Да, и правдиво, это будет лучше для тебя.

Цинна. Как мое имя? Куда я иду? Где я живу? Женат я или холост? Ответить всем прямо, коротко, толково и правдиво. Говоря толково, я холостяк.

Второй гражданин. Это все равно что сказать: все женатые глупцы. Ты мне за это еще ответишь. Отвечай прямо.

Цинна. Прямо — я шел на похороны Цезаря.

Первый гражданин. Как друг или враг?

Цинна. Как друг.

Второй гражданин. Вот это прямой ответ.

Четвертый гражданин. Где живешь, — коротко.

Цинна. Коротко — я живу у Капитолия.

Третий гражданин. Как зовут тебя, — правдиво.

Цинна. Правдиво — меня зовут Цинна.

Первый гражданин. Рвите его на клочки: он заговорщик.

Цинна. Я поэт Цинна! Я поэт Цинна!

Четвертый гражданин. Рвите его за плохие стихи, рвите его за плохие стихи!

Цинна. Я не заговорщик Цинна.

Второй гражданин. Все равно, у него то же имя — Цинна; вырвать это имя из его сердца и разделаться с ним.

Третий гражданин. Рвите его! Рвите его! Живей, головни, эй! Головни. К дому Брута и к дому Кассия. Жгите все. Одни к дому Деция, другие к дому Каски, третьи к дому Лигария. Живей, идем!

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Рим. Комната в доме Антония.

Антоний, Октавий и Лепид сидят за столом.

А н т о н и й

Погибнут все, отмеченные нами.

О к т а в и й

И брат твой в их числе. Лепид, согласен?

Л е п и д

Согласен.

О к т а в и й

Так отметь его, Антоний.

Л е п и д

Но при условии, что жить не будет
И Публий, сын твоей сестры, Антоний.

А н т о н и й

Умрет и он; ему знак смерти ставлю.
В дом Цезаря иди теперь, Лепид,
За завещанием, и мы решим,
Как сократить расходы из наследства.

Л е п и д

А сами вы где будете? Иль здесь, иль в Капитолии?

О к т а в и й

Здесь или в Капитолии.

Лепид уходит.

А н т о н и й

Вот жалкий, недостойный человек.
Ему бы на посылках быть, а он,
Когда мы натрое разделим мир,
Получит третью часть?

О к т а в и й

Считая так,
Ты допустил, чтоб он голосовал.

Когда решалось, кто достоин смерти
И попадет в проскрипционный список.

А н т о н и й

Годами старше я, чем ты, Октавий.
Мы почести возложим на него,
Чтоб с нас самих снять этот груз позорный,

Динарий с изображением Антония и Октавия

И он пойдет, как с золотом осел,
Потея и кряхтя под тяжелой ношей,
Куда мы поведем или погоним;
Когда ж он нам сокровища доставит,
Мы снимем их, его ж погоним прочь.
Пусть, как осел, он хлопает ушами,
На выгоне пасясь.

О к т а в и й

Так можно сделать,
Но он испытанный и храбрый воин.

А н т о н и й

Как и мой конь, Октавий, и за это
Ему я обеспечиваю корм;
Его я тоже обучил сражаться,
Сворачивать, и мчаться, и стоять,
Его движениями я управляю.
Примерно так же нужно и Лепида
Учить, и направлять, и понукать.
Безмозглый человек, он ум питает
Отбросами чужими, подражаньем
И старые обноски с плеч чужих
Берет за образец. О нем довольно,
Он лишь орудье. А теперь, Октавий,
Поговорим о главном: Брут и Кассий
Собрали войско, соберем и мы;
Поэтому союз наш укрепим,
Сплотим друзей, приложим все усилия.
Давай немедленно вдвоем обсудим,
Как лучше козни скрытые открыть
И явные опасности рассеять.

О к т а в и й

Согласен я. Ведь мы с тобой в облаве
И в окружение лающих врагов;
Боюсь, у многих скрыта под улыбкой
Тьма козней злых.

Уходят.

Сцена 2

Перед палаткой Брута в лагере около Сард.
Барабанный бой.

Входят Брут, Луцилий, Луций и солдаты;
Титиний и Пиндар встречают их.

Б р у т

Стой!

Л у ц и л и й

Скажи пароль. И стой!

Б р у т

Ну как, Луцилий! Далеко ли Кассий?

Л у ц и л и й

Он близко, и уже явился Пиндар,
Чтоб передать тебе его привет.

Б р у т

Он шлет привет мне. — Господин твой, Пиндар,
Сам в раздражение или чрез других
Дал веский повод мне для сожаленья
О сделанном; но, если он прибудет,
Все разъяснится.

П и н д а р

Я не сомневаюсь,
Он явится к тебе таким, как был,
Исполнен и вниманья и почтения.

Б р у т

Не сомневаюсь в том. — Скажи, Луцилий,
Какой прием оказан был тебе?

Л у ц и л и й

С почетом и любезностью, как должно,
Но не с таким доверчивым радушьем
И дружеским свободным обращеньем,
Как раньше то бывало.

Б р у т

Это значит,
Что пылкий друг остыл; заметь, Луцилий,
Когда любовь пресыщена и тает,
То внешний церемониал ей нужен.
Уверток нет в прямой и честной вере;
А человек пустой, как конь строптивый,
Выказывает стать свою и прыть,
Но, получив удар кровавых шпор,
Вдруг никнет и, не выдержавши пробы,
Как кляча, падает. Ведет он войско?

Луцилий

Заночевать они хотели в Сардах;
Часть большая, вся конница сюда
Прибудет с Кассием.

Топот за сценой.

Брут

Чу! Вот и он.

Идем к нему навстречу.

Входит Кассий с войском.

Кассий

Эй, стой!

Брут

Стой, эй! Отдать приказ!

Первый солдат

Стой!

Второй солдат

Стой!

Третий солдат

Стой!

К а с с и й

Мой брат, как ты несправедлив ко мне.

Б р у т

О боги! Я ль несправедлив к врагам?
Могу ль я быть несправедливым к брату?

К а с с и й

Спокойствие твое зловеще, Брут,
И если только...

Б р у т

Успокойся, Кассий.
Спокойно скажешь все, тебя я знаю.
Не будем ссориться, — им нужно видеть
Лишь знаки нашей дружбы. Отведи их,
Потом в моей палатке все упреки
Мне выскажешь открыто, Кассий.

К а с с и й

Пиндар,

Скажи начальникам, чтоб отвели
Свои отряды дальше.

Б р у т

Луцилий, сделай то же. Пусть никто
Не входит к нам во время совещанья.
У входа встанут Луций и Титиний.

Уходят.

Сцена 3

Палатка Брута.

Входят Брут и Кассий.

К а с с и й

Ты оскорбил меня тем, что запятнан
И осужден тобою Люпий Пелла
За взяточничество и поборы с Сард,
А все мои ходатайства о нем
Отвергнуты, хотя его я знаю.

Б р у т

Ты оскорбил себя, прося о нем.

К а с с и й

В такое время, как сейчас, нельзя
Наказывать за мелкие проступки.

Б р у т

И про тебя ведь, Кассий, говорят,
Что будто бы ты на руку нечист
И недостойных званьем облакаешь
За золото.

К а с с и й

Я на руку нечист!
Не будь ты Брутом, то, клянусь богами,
Такая речь была б твоей последней.

Б р у т

А имя Кассия порок прикрыло,
И наказание головой поникло.

К а с с и й

Наказанье!

Б р у т

Припомни март и мартовские иды:
Иль Цезарь пал не ради правосудья?
Иль негодяями он был сражен
Несправедливо? Разве кто из нас,
Сразивших мужа первого на свете
За покровительство разбою, станет
Себя пятнать позорным лихоимством

И продавать величье, нашей чести
За хлам ничтожный, липнувший к рукам?
Быть лучше псом и лаять на луну,
Чем быть таким.

К а с с и й

Брут, не трави меня,
Я не стерплю; ты, позабывшись, хочешь
Меня унижить. Я солдат и старше
Тебя по опыту, умею лучше
Вести переговоры.

Б р у т

Нет, нет, Кассий.

К а с с и й

Я прав.

Б р у т

Нет, ты неправ.

К а с с и й

Довольно, или из себя я выйду.
Остерегись, не искушай меня.

Б р у т

Ничтожный, прочь!

К а с с и й

Возможно ль?

Б р у т

Выслушай мои слова.

Иль ярости твоей мне уступить?

Иль трепетать пред взглядами безумца?

К а с с и й

О боги, боги! Как снести мне это?

Б р у т

И больше вынесешь, сломив гордыню.

Рабам показывай, как вспылчив ты,

Пускай они дрожат. Мне ль уступать?

Иль должен я почтительно склоняться

Пред вспышками твоими? Нет, клянусь,

Яд желчный свой в себе ты переваришь,

Хотя б тебя взорвал он; я ж отныне

Над гневностью твоей смеяться буду

И потешаться.

К а с с и й

До того ль дошло?

Б р у т

Ты говоришь, что как солдат ты лучше.
Так докажи на деле хвастовство,
Доставь мне удовольствие: ведь я
Учиться рад у доблестных людей.

К а с с и й

Ты всячески меня поносишь, Брут.
Я говорил, что я как воин старше,
Иль я не так сказал?

Б р у т

Мне все равно.

К а с с и й

И Цезарь так не оскорблял меня.

Б р у т

И ты его не смел так раздражать.

К а с с и й

Не смел?!

Б р у т

Нет.

К а с с и й

Не смел так раздражать?!

Б р у т

Не смел из страха.

К а с с и й

Не злоупотребляй моей любовью,
Иль то свершу, о чем сам пожалею.

Б р у т

Ты сделал то, о чем жалеть сам должен.
Мне не страшны твои угрозы, Кассий,
Вооружен я доблестью так крепко,
Что все они, как легкий ветер, мимо
Пронесятся. Я посылал к тебе
За золотом и получил отказ.
Я не могу добыть бесчестьем денег;
Скорее стану я чеканить сердце,
Лить в драхмы кровь свою, чем вымогать
Гроши из рук мозолистых крестьян
Бесчестным способом. Ведь я просил
Те деньги на оплату легионам,

И ты мне отказал. Так сделал Кассий?
Иль Каю Кассию я отказал бы?
Когда Марк Брут так скуп и алчен станет,
Чтоб прятать деньги от своих друзей,
Тогда, о боги, молниями всеми
Его сразите!

К а с с и й

Я не отказал.

Б р у т

Ты отказал.

К а с с и й

Нет, и безумен тот,
Кто мой ответ принес. Мне сердце ранил Брут.
Друг переносит недостатки друга,
А Брут преувеличивает их.

Б р у т

Ты начал их выказывать на мне.

К а с с и й

Меня не любишь ты.

Б р у т

Я не люблю твои пороки.

К а с с и й

Глаз друга должен их не замечать.

Б р у т

Льстецы не видят даже и пороки
Величиной с Олимп.

К а с с и й

Придите же, Антоний и Октавий,
И одному лишь Кассию отмстите,
Мир Кассию постыл, он ненавидим
Любимым другом, опорочен братом,
Как раб, поруган. Все его ошибки
Записаны, затвержены на память,
Чтоб в зубы мне швырнуть. О, душу всю
Я б выплакал из глаз! Вот мой кинжал,
Вот грудь моя нагая, и в ней сердце
Богаче золота и руд Плутона.
Когда ты римлянин, возьми его;
Я, отказавший в золоте, дам сердце;
Рази меня, как Цезаря. Я знаю,
Что в ненависти ты его любил
Сильней, чем Кассия.

Б р у т

Вложи кинжал,
Излей свой гнев как хочешь на свободе,
Как хочешь поноси, ты только вспылчив.
О, Кассий, ты в ярмо впряжен с ягненком,
В нем гнев таится, как в кремне огонь;
Он при ударе высекает искру
И тотчас остывает.

К а с с и й

Будет Кассий
Посмешищем для Брута своего,
Когда он распалится в раздраженье?

Б р у т

Я тоже в раздраженье говорил.

К а с с и й

Ты сознаешься в этом? Дай мне руку.

Б р у т

И сердце вместе с ней.

К а с с и й

О, Б р у т.

Б р у т

В чем дело?

К а с с и й

Иль нет в тебе любви ко мне настолько,
Чтобы сносить ту вспыльчивость, что мать
Передала мне?

Б р у т

Да, отныне, Кассий.
Когда вспылишь на Брута, знать он будет,
Что мать твоя бранится с ним, и только.

Поэт

(за сценой)

К военачальникам меня пустите,
У них там ссора, и нельзя одних
Их оставлять.

Л у ц и л и й

(за сценой)

Нет, к ним ты не пройдешь.

Поэт

(за сценой)

Лишь смерть меня удержит.

Входит поэт в сопровождении Луцилия, Титиния и Луция.

К а с с и й

Что там? В чем дело?

П о э т

Военачальники! Как вам не стыдно?
Любовь и дружба быть меж вас должны,
Поверьте мне — я больше жил, чем вы.

К а с с и й

Ха-ха! Рифмует циник очень плоско.

Б р у т

Ступай отсюда прочь. Уйди, бесстыдник.

К а с с и й

Терпенье, Брут; ведь он всегда таков.

Б р у т

Терплю я шутовство в другое время.
Война не дело этих стихоплетов. —
Любезный, прочь!

К а с с и й

Ступай, ступай отсюда!

Поэт уходит.

Б р у т

Луцилий и Титиний, мой приказ
Начальникам — встать лагерем здесь на ночь.

К а с с и й

Потом вернитесь и с собой Мессалу
К нам приведите.

Луцилий и Титиний уходят.

Б р у т

Луций, дай вина!

К а с с и й

Не знал я, что так вспыльчив ты бываешь.

Б р у т

О, Кассий, угнетен я тяжелой скорбью.

К а с с и й

Ты философию свою забыл,
Когда случайным бедам поддаешься.

Б р у т

Кто тверже в скорби: ведь Порция мертва.

К а с с и й

Как, Порция?

Б р у т

Она мертва.

К а с с и й

Как смерти я избег, тебе переча?

О, тяжкая и скорбная утрата.

Что за болезнь?

Б р у т

Тоска по мне в разлуке,
Скорбь, что враги, Октавий и Антоний,
Сильнее нас, известья оба эти
Совпали; и в расстройстве чувств она,
Слуг отославши, проглотила пламя.

К а с с и й

И умерла?

Б р у т

Да, умерла.

К а с с и й

О боги!

Возвращается Луций с вином и светильником.

Брут

О ней ни слова больше. — Дай мне кубок! —
В нем утоплю я нашу ссору, Кассий.

(*Пьет.*)

Кассий

Тост благородный будит в сердце жажду. —
Налей мне. Луций, кубок через край,
Пить без конца готов за дружбу Брута.

(*Пьет.*)

Брут

Войди, Титиний.

Луций уходит.
Входят Титиний и Мессала.

Мой привет, Мессала.
Тесней вокруг светильника садитесь,
И наши затруднения обсудим.

Кассий

Нет Порции!

Б р у т

Прошу, о ней ни слова. —
Мессала, получил я извещение
О том, что Марк Антоний и Октавий
Собрали против нас большое войско
И с ним идут походом на Филиппы.

М е с с а л а

Я получил такое ж сообщение.

Б р у т

И что еще?

М е с с а л а

Проскрипцией вне всякого закона
Октавий, и Антоний, и Лепид
Предали смерти сто сенаторов.

Б р у т

В том наши письма разнятся немного,
Мне пишут о семидесяти павших
Сенаторах, в числе их Цицерон.

К а с с и й

Как — Цицерон?

Мессала

И Цицерон казнен,
Проскрипция коснулась и его.
Не от жены ль ты письма получил?

Брут

Нет, Мессала.

Мессала

И в письмах ничего о ней не пишут?

Брут

Ничего, Мессала.

Мессала

Это странно.

Брут

К чему вопрос? Иль есть о ней известья?

Мессала

Нет, Брут.

Брут

Как римлянин, скажи мне прямо правду.

Мессала

И ты, как римлянин, снеси всю правду:
Она погибла необычной смертью.

Брут

Прости, о Порция. — Мы все умрем, Мессала.
Лишь мысль о том, что смертна и она,
Дает мне силу пережить утрату.

Мессала

Так переносит горе муж великий.

Кассий

Я на словах все это также знаю,
На деле же осуществить не в силах.

Брут

За дело, за живое. Ваше мнение
О том, чтоб нам самим идти к Филиппам?

Кассий

Я против.

Брут

Почему?

К а с с и й

Вот почему:

Пусть лучше враг отыскивает нас,
Он утомит войска, растратит средства
И понесет урон, мы ж сохраним
На отдыхе и силы и подвижность.

Б р у т

Хороший довод лучшему уступит.
Все жители вокруг, вплоть до Филипп,
Нам подчиняются по принуждению,
Раздражены поборами и данью,
И неприятель, проходя средь них,
Свои ряды пополнить может ими,
И станет он смелее, подкрепленный.
Всех этих выгод мы его лишим,
Когда мы встретимся с ним при Филиппах,
Народ в тылу оставив.

К а с с и й

Слушай, брат мой...

Б р у т

Постой. Прими в расчет, что от друзей
Все взято нами; наши легионы
Здесь в полном сборе; наш успех созрел,

Враг на подъеме, набирает силы;
А нам с вершины под уклон идти.
В делах людей прилив есть и отлив,
С приливом достигаем мы успеха,
Когда ж отлив наступит, лодка жизни
По отмелям несчастий волочится.
Сейчас еще с приливом мы плывем.
Воспользоваться мы теченьем,
Иль потерям груз.

К а с с и й

Итак, вперед!
Идем и под Филиппами их встретим.

Б р у т

Подкралась тьма во время разговора,
И мы должны природе подчиниться
И дать себе хотя бы скудный отдых.
Все ль обсудили мы?

К а с с и й

Все. Доброй ночи.
С рассветом выступаем мы туда.

Б р у т

Луций!

Входит Луций.

Одежду дай.

Луций уходит.

Прощай, Мессала. —
Титиний, доброй ночи! — Славный Кассий,
Спокойно спи и отдыхай.

К а с с и й

Мой брат!
Начало ночи было беспокойно.
Не будет больше между нас разлада!
Не так ли, Брут?

Б р у т

Теперь все хорошо.

К а с с и й

Спокойной ночи, Брут.

Б р у т

Спокойной ночи, брат.

Т и т и н и й , М е с с а л а

Спокойной ночи, Брут.

Б р у т

Прощайте все.

Кассий, Титиний и Мессала уходят.
Входит Лу ц и й с одеждой.

Одежду дай. А лютня где твоя?

Лу ц и й

В палатке здесь.

Б р у т

Ты говоришь так сонно.
Я не виню тебя: не спал ты долго.
Пусть Клавдий и еще один из стражи
В моей палатке лягут на подушках.

Лу ц и й

Варрон и Клавдий!

Входят Варрон и Клавдий.

В а р р о н

Что, господин?

Б р у т

Ложитесь спать здесь у меня в палатке,
Быть может, вскоре вас я подниму
И к Кассию с известием отправлю.

В а р р о н

Так лучше нам не спать и быть на страже.

Б р у т

Не нужно, лучше спать ложитесь оба.
Быть может, посылать вас не придется. —
Вот книга, Луций. Я ее искал,
Хоть сам же положил в карман одежды.

Варрон и Клавдий ложатся.

Л у ц и й

Мой господин ее мне не давал.

Б р у т

Прости меня, мой мальчик, я забывчив.
Не можешь ты пободрствовать немного
И мне на лютне что-нибудь сыграть?

Л у ц и й

Коль господин мой хочет.

Б р у т

Да, мой мальчик,
Тебя я беспокою, ты ж послушен.

Л у ц и й

Ведь это долг мой.

Б р у т

Не требую я долга свыше сил,
Я знаю, юность любит отдохнуть.

Л у ц и й

Я спал, мой господин.

Б р у т

И хорошо, и должен лечь опять.
Сыграй немного. Если жить останусь,
Тебя я отдарю.

Музыка и пенис.

Дремотный звук. Не ты ли, сон-убийца,
К нему жезлом свинцовым прикоснулся
И музыку прервал? Спи, нежный отрок,
Не буду я тебя будить, ты дремлешь
И можешь лютню, выронив, разбить.
Возьму ее; спокойной ночи, мальчик.

Взгляну — не перевернута ль страница,
Где я читал? Вот, кажется, она.

Входит призрак Цезаря.

Как потускнел светильник! Эй, кто там?
Глаза мои устали; оттого
Почудилось им страшное виденье.
Но близится оно... Что ты такое?
Кто ты такой — бог, добрый дух иль демон,
Что леденеет кровь и волос дыбом
Становится? Ответь мне, кто ты?

П р и з р а к

Я твой злой гений, Брут.

Б р у т

Зачем явился?

П р и з р а к

Сказать, что встретимся мы при Филиппах.

Б р у т

Тебя увижу вновь?

П р и з р а к

Да, при Филиппах.

Б р у т

Тебя готов я при Филиппах встретить.

Призрак уходит.

Пришел в себя, а он уже исчез.

Злой гений, я с тобой поговорил бы. —

Эй, Луций! Клавдий и Варрон! Проснитесь!
Клавдий!

Л у ц и й

Я не настроил струны.

Б р у т

Он думает, что все еще играет. —
Проснись же, Луций!

Л у ц и й

Мой господин?

Б р у т

Какой ты видел сон, что так кричал?

Л у ц и й

Я не заметил, чтобы я кричал.

Б р у т

Нет, ты кричал. Ты видел что-нибудь?

Л у ц и й

Нет, господин.

Б р у т

Спи, Луций. — Пробудись же, Клавдий.

(*Варрону.*)

Вставай и ты!

В а р р о н

Мой господин?

К л а в д и й

Мой господин?

Б р у т

Что вы кричали громко так во сне?

В а р р о н, К л а в д и й

Кричали мы?

Б р у т

Да, что вы увидали?

В а р р о н

Я ничего не видел.

К л а в д и й

И я тоже.

Б р у т

Спешите к Кассию с моим посланьем.
Пусть с войском раньше выступит, а мы
За ним последуем.

В а р р о н, К л а в д и й

Приказ исполним.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Равнина у Филипп.

Входят Октавий, Антоний и их войска.

О к т а в и й

Сбылись надежды наши, Марк Антоний.
Ты говорил, что враг вниз не сойдет,
А будет на горах вверх держаться.
Совсем не так: вон их войска, вблизи,
Они хотят нас у Филипп настигнуть,
Ударив раньше, чем на них ударят.

А н т о н и й

Я лучше знаю их и понимаю,
Что гонит их сюда. Они бы рады
Уйти в другое место, но спустились
С трусливой храбростью, надеясь этим

Нам выказать свою неустрашимость.
Но это ложь.

Входит вестник.

Вестник

Готовьтесь, полководцы;
Противник движется в порядке стройном,
И поднял он знамена боевые.
Немедленно мы действовать должны.

Антоний

Октавий, ты веди свои войска,
Не торопясь, налево по равнине.

Октавий

Направо поведу, а ты налево.

Антоний

Зачем перечишь мне в такое время?

Октавий

Я не перечу; просто так хочу.

Движение войск.

Барабанный бой. Входят Брут, Кассий и их войска; Луцилий,
Титиний, Мессала и другие.

Б р у т

Они стоят и ждут переговоров.

К а с с и й

Титиний, стой: мы выйдем говорить.

О к т а в и й

Антоний, дать ли нам сигнал к сражению?

А н т о н и й

Нет, Цезарь, лучше отразим их натиск.
Пойдем; вожди их говорить хотят.

О к т а в и й

Ни с места до сигнала.

Б р у т

Начнем с речей, а биться после будем.

О к т а в и й

Но мы речей не любим так, как вы.

Б р у т

Речь добрая удара злого лучше.

Антоний

Ты злой удар приправил речью доброй.
Не ты ли, Брут, его ударив в сердце,
Кричал: "Да, здравствует! Живи, о Цезарь!"

Римские воины

Кассий

Как ты разишь, не знаем мы, Антоний,
Слова ж твои ограбили пчел Гиблы,
Ты мед у них похитил.

А н т о н и й

Но не жало.

Б р у т

Не только мед и жало, но и голос.
Ведь ты жужжанье их украл, Антоний,
И, прежде чем ударить нас, жужжишь.

А н т о н и й

Не так, как вы, злодеи, чьи кинжалы
Сшибались, в тело Цезаря вонзаясь.
По-обезьяньи скалясь, ластясь псами,
Вы рабски Цезарю лобзали ноги,
А Каска, трус, как пес подкравшись сзади,
Ударил в шею Цезаря. Льстецы!

К а с с и й

Льстецы! Ну, Брут, благодари себя:
Язык его не поносил бы нас,
Когда бы внял ты Кассию.

О к т а в и й

Поближе к делу: спор нас в пот бросает,
А битва выжмет капли покрасней.
Смотрите:
На заговорщиков я вынул меч.

Когда он в ножны вложится опять?
Не раньше, чем отмстятся тридцать три
Все раны Цезаря иль новый Цезарь
Вновь кровью обагрят мечи убийц.

Б р у т

От рук убийц ты, Цезарь, не падешь,
Коль ты с собой их не привел.

О к т а в и й

Надеюсь.

Я не рожден для Брутова меча.

Б р у т

О юноша, и отпрыск самый лучший
Почетней этой смерти не найдет.

К а с с и й

Школяр-драчун не стоит этой чести
В придачу с маскарадником, кутилой.

А н т о н и й

Все тот же Кассий!

О к т а в и й

Прочь пойдем, Антоний! —
Убийцы, вызов вам в лицо бросаем:
Осмелитесь, — сегодня ждем вас в поле,
Коль нет — в другой раз наберитесь духа.

Октавий, Антоний и их войска уходят.

К а с с и й

Дуй, ветер! Бей, прибой! Плыви, корабль!
Поднялась буря, и всем правит случай.

Б р у т

Луцилий, на два слова.

Л у ц и л и й

(выходя вперед)

Что, начальник?

Брут и Луцилий разговаривают в стороне.

К а с с и й

Мессала!

М е с с а л а

(выходя вперед)

Что прикажешь мне?

К а с с и й

Мессала,

Сегодня день рожденья моего
Родился Кассий в этот день. Дай руку
И будь свидетелем, что против воли
Я на одно сражение, как Помпей,
Поставить должен все свободы наши.
Ты знаешь, я сторонник Эпикура,
Но мнение свое переменил
И склонен верить в предзнаменованья.
Когда от Сард мы шли, на наше знамя
Спустились два орла, как на насест.
Из рук солдат они хватали пищу.
И до Филипп сопровождали нас.
Сегодня ж утром вдруг они исчезли,
И вороны и коршуны взамен их
Кружат над нами и на нас глядят
Как на добычу: тени их сгустились,
Как полог роковой, и наше войско
Под ним готово испустить свой дух.

М е с с а л а

Не думай так.

К а с с и й

Я верю лишь отчасти,

Но дух мой бодр, и я решился твердо
Опасностям всем противостоять!

Б р у т

Вот так, Луцилий.

К а с с и й

Благородный Брут,
К нам боги благосклонны; да продлятся
Нам дни до старости средь
дружбы мирной!
Но переменчивы дела людские,
И к худшему должны мы быть готовы.
Ведь если мы сражение проиграем,
То здесь беседуем в последний раз.
Что ты тогда решишься предпринять?

Б р у т

Согласно философии своей
Катона за его самоубийство
Я порицал; и почему, не знаю,
Считаю я и низким и трусливым
Из страха перед тем, что будет, —
жизнь
Свою пресечь. Вооружась терпением,
Готов я ждать решения высших сил,
Вершительниц людских судеб.

Сцена 2

Поле битвы.

Боевой сигнал. Входят Брут и Мессала.

Брут

Скачи, скачи, Мессала, и приказ
К тем легионам отвези скорей.

Громкий боевой сигнал.

Пусть разом нападают; я заметил,
Что дрогнуло Октавия крыло,
Удар внезапный опрокинет их.
Скачи, Мессала: пусть ударят сверху.

Уходят.

Сцена 3

Другая часть поля.

Боевые сигналы. Входят Кассий и Титиний.

Кассий

Смотри, Титиний, как бегут мерзавцы!
И для своих я сделался врагом.
Вот этот знаменосец побежал,
И, труса заколовши, взял я знамя.

Т и т и н и й

О Кассий, Брут приказ дал слишком рано.
Октавия он одолеть успел,
Но грабить кинулись его солдаты,
А нас Антоний окружил кольцом.

Входит П и н д а р.

П и н д а р

Беги, мой господин, беги скорей!
Ведь Марк Антоний захватил твой лагерь.
Спасайся, Кассий доблестный, спасайся!

К а с с и й

Но холм от них далек. Взгляни, Титиний,
Не там ли лагерь мой, где видно пламя?

Т и т и н и й

Да, там.

К а с с и й

Титиний, из любви ко мне
Вскочи на моего коня и мчись,
Его пришпорив, до того вон войска
И вновь назад — чтобы я знал наверно,
Враги ли это там или друзья.

Т и т и н и й

Вернусь назад я с быстротою мысли.

(Уходит.)

К а с с и й

Ты, Пиндар, поднимись на холм повыше,
Я зреньем слаб; следи за ним глазами
И говори о всем, что видно в поле.

Пиндар всходит на холм.

Дал жизнь мне этот день и жизнь возьмет.
И там, где начал, должен я окончить.
Круг жизни завершен. Что там ты видишь?

П и н д а р

(сверху.)

О господин!

К а с с и й

Какие вести?

П и н д а р

Титиний отовсюду окружен.
За ним, прищпорив, всадники несутся;
Он скачет. Вот они его нагнали.
Титиний! Спешились. С коня сошел он.
Он взят.

Крик

Они от радости кричат.

К а с с и й

Довольно. Не смотри.
Я трус и дожил до того, что вижу,
Как лучший друг взят на глазах моих!

Пиндар спускается.

Ко мне приблизься.
Тебя в плен захватил я у парфян,

Древнеримский орнамент

И ты тогда, спасенный мной, поклялся
Исполнить все, что прикажу тебе.
Теперь приблизься и исполни клятву.
Свободен будь; и этим вот мечом,
Сразившим Цезаря, убей меня.
Не возражай; держись за рукоять;
Как только я лицо свое закрою,
Убей меня мечом.

Пиндар закалывает его.

Отмщен ты, Цезарь,
Мечом тем самым, что тебя сразил.

(Умирает.)

П и н д а р

Свободен я; но не такой ценой
Хотел добыть свободу я. О Кассий!
Далеско Пиндар убежит отсюда,
И не услышат римляне о нем.

(Уходит.)

Входят Титиний и Мессала.

М е с с а л а

В расчете мы, Титиний; ведь Октавий
Разбит войсками доблестного Брута,
Как легионы Кассия Антонием.

Т и т и н и й

Известье это Кассия подбодрит.

М е с с а л а

Где ты его оставил?

Т и т и н и й

В скорби здесь,
На этом вот холме, с ним Пиндар, раб.

М е с с а л а

Не он ли это на земле лежит?

Т и т и н и й

Лежит, как мертвый, он. О, горе мне!

М е с с а л а

То он?

Т и т и н и й

Нет, это было им, Мессала,
Нет больше Кассия. Как ты, о солнце,
Кроваво заходящее пред ночью,
День Кассия померк в его крови, —
Угасло солнце Рима! День наш кончен;

Мгла, гибель близки; завершён наш подвиг!
Неверье в мой успех его сгубило.

Мессала

Неверие в успех его сгубило.
Ужасная ошибка, дочь печали,
Зачем морочишь ты воображенье
Несуществующим? Зачавшись быстро,
Не знаешь ты счастливого рожденья
И губишь мать, родившую тебя.

Титиний

Эй, Пиндар! Где ты, Пиндар, отзовись!

Мессала

Ищи его, Титиний. Я ж пойду,
Чтоб доблестного Брута прямо в уши
Сразить известьем этим; да, сразить, —
Пронзающая сталь и копья с ядом
Приятней были б для ушей его,
Чем эта весть.

Титиний

Спешу к нему, Мессала,
Я ж Пиндара покуда поищу.

Мессала уходит.

Зачем меня послал ты, храбрый Кассий?
Иль не нашел друзей я? Не они ль
Меня венком победным увенчали,
Чтоб передать тебе? Не слышал ты их кликов?
Увы, ты это все превратно понял.
Прими же на чело свое венок,
Твой Брут дал для тебя его, и я
Исполню порученье. Брут, приди
Взглянуть, как мной увенчан Кассий Кай
Вот, боги, римлянина долг: найди,
Меч Кассия, и сердце здесь в груди.

(Убивает себя.)

Боевой сигнал. Входит Мессала вместе с Брутом,
юным Катонем, Стратоном, Луцилием и другими.

Б р у т

Где, где, Мессала, прах его лежит?

М е с с а л а

Вон там, и вместе с ним Титиний в скорби.

Б р у т

Простерт Титиний навзничь.

К а т о н

Тоже мертв.

Б р у т

О Юлий Цезарь, ты еще могуч!
И дух твой бродит, обращая наши
Мечи нам прямо в грудь.

Отдаленные боевые сигналы.

К а т о н

Титиний Храбрый!
Взгляните: мертвый Кассий им увенчан!

Б р у т

Таких двух римлян больше нет на свете!
Последний из всех римлян, о прости!
Не сможет никогда Рим породить
Подобного тебе. Друзья, я должен
Ему слез больше, чем сейчас плачу.
Сейчас не время, Кассий, нет, не время.
На остров Фазос прах его доставьте:
На место в лагере для погребенья.
Оно расстроит нас. — Идем, Луцилий,
И ты, Катон; на поле все пойдем. —
Войска ведите, Лабеон и Флавий.
Час третий. Римляне, еще до тьмы
В бою вновь счастье попытаем мы.

Уходят.

Сцена 4

Другая часть поля.

Боевой сигнал.

Входят, сражаясь, солдаты обеих армий;
затем — Брут, юный Катон, Луцилий и другие.

Б р у т

Вперед, сограждане, не падать духом!

К а т о н

Меж нас нет выроdkов! Эй, кто со мной?

Свое я имя оглашаю в поле.

Отец мой Марк Катон, я сын его!

Тиранам враг и друг своей отчизне!

Я сын Катона Марка, эй вы там!

Б р у т

Я — Брут, Марк Брут! Узнайте же, кто я.

Брут, друг своей страны! Узнайте Брута!

(Уходит сражаясь.)

Юный Катон, сраженный, падает.

Л у ц и л и й

О юный доблестный Катон, ты пал?

Ты умираешь храбро, как Титиний,

И доказал, что ты Катона сын.

Первый солдат

Сдавайся иль умри!

Луций

Сдаюсь, чтоб умереть.
Довольно ли, чтоб ты меня убил?

(Предлагает деньги.)

Убей же Брута, славься этой смертью.

Первый солдат

Нет, не убьем. Ведь это знатный пленник!

Второй солдат

Антонию скажите: Брут захвачен.

Первый солдат

Сейчас скажу. Вот он сюда идет.

Входит Антоний.

Брут взят, Брут нами взят, мой господин.

Антоний

Где ж он?

Луций

Не здесь, Антоний. Брут вам не отдастся.
Ручаюсь я, что никогда живым
Враг не захватит доблестного Брута.
Ему защитой боги от позора!

Отборная часть римского войска (преторианцы)

Найдете ль вы его живым иль мертвым,
Все ж верен Брут останется себе.

А н т о н и й

Не Брута взяли вы, друзья; но все же
Цена его не меньше. Охраняйте
Его с почетом. Я б хотел иметь
Таких людей друзьями, не врагами.
Узнайте, жив ли Брут или убит,
И обо всем в Октавия палатку
Нам сообщите после.

Уходят.

Сцена 5

Другая часть поля.

Входят Брут, Дарданий, Клит, Стратон и Волумний

Б р у т

Остатки жалкие друзей, на отдых!

К л и т

Стабий поднял факел, господин мой,
Но не вернулся: в плен взят иль приколот.

Б р у т

Присядь же, Клит. Приколот, да, сейчас
Прикалывают нас. Послушай, Клит.

(Шепчет ему.)

К л и т

О, господин? Нет, ни за что на свете.

Б р у т

Молчи.

К л и т

Нет, я скорей убью себя.

Б р у т

Дарданий, слушай.

(Шепчет ему.)

Д а р д а н и й

Чтоб я это сделал?

К л и т

Дарданий!

Д а р д а н и й

О Клит!

К л и т

О чем ужасном Брут тебя просил?

Д а р д а н и й

Убить его. Смотри, он размышляет.

К л и т

Переполняет душу Брута скорбь
Так, что она из глаз его струится.

Б р у т

Волумний добрый, на одно лишь слово...

В о л у м н и й

Что хочешь ты сказать?

Б р у т

Вот что, Волумний,
Тень Цезаря ко мне являлась дважды
Средь мрака ночи, — в первый раз у Сард
И прошлой ночью в поле у Филипп.
Я знаю, что мой час пришел.

В о л у м н и й

Нет, Брут!

Б р у т

О нет, не ошибаюсь я, Волумний.
Ты видишь, что свершается на свете:
Врагами загнаны мы к ловчей яме.

Звучит боевой сигнал.

И лучше прыгнуть нам в нее самим,
Чем ждать, пока столкнут. Волумний добрый,
Ты помнишь, в школе мы учились вместе.
Прошу тебя во имя старой дружбы,
Держи мой меч — я брошусь на него.

В о л у м н и й

Не дружеская то услуга, Брут.

Снова боевой сигнал.

К л и т

Беги, мой господин. Нельзя здесь медлить!

Б р у т

Прощайте все, и ты, и ты, Волумний. —
Стратон, все это время ты дремал,
Прощай и ты, Стратон. — Сограждане,
Я рад сердечно, что ни разу в жизни
Людей мне изменивших не встречал.
Прославлюсь я несчастным этим днем,

И больше, чем Октавий и Антоний,
Достигшие своей победы низкой.
Прощайте все; язык мой досказал
Повествование о жизни Брута.
Перед глазами ночь. Покоя жажду,
Я заслужил его своим трудом.

Боевой сигнал. Крик за сценой: "Бегите! Бегите! Бегите!"

К л и т

Беги, мой господин!

Б р у т

Сейчас! За вами!

Клит, Дарданий и Волумний уходят.

А ты, Стратон, останься с господином.
Ведь ты как будто человек достойный
И не лишенный искры благородства.
Ты отверни лицо и меч держи,
Я брошусь на него. Стратон, согласен?

С т р а т о н

Дай руку мне. Прощай, мой господин.

Б р у т

Прощай, Стратон. О Цезарь, не скорбя,
Убью себя охотней, чем тебя!

Брут бросается на свой меч. Картина Р.Вестоля

(Бросается на свой меч и умирает.)

Боевой сигнал.

Отступление. Входят Октавий, Антоний, Мессала,
Луцилий и войско.

О к т а в и й

Кто этот человек?

М е с с а л а

Служитель Брута. Где же Брут, Стратон?

С т р а т о н

Не будет он в плену, как ты, Мессала,
И победитель может сжечь его.
Брут лишь самим собою побежден.
Никто его убийством не прославлен...

Л у ц и л и й

Не сдался Брут живым. Спасибо, Брут,
Ты подтвердил Луцилия слова.

О к т а в и й

Беру к себе всех, кто служил у Брута.
Скажи — согласен ли ты мне служить?

С т р а т о н

Да, коль на то Мессала согласится.

О к т а в и й

Мессала, согласиcь.

М е с с а л а

Как умер Брут, Стратон?

С т р а т о н

Он бросился на меч, что я держал.

М е с с а л а

Октавий, так возьми к себе на службу
Того, кто Бруту до конца служил.

А н т о н и й

Он римлянин был самый благородный.
Все заговорщики, кроме него,
Из зависти лишь Цезаря убили,
А он один — из честных побуждений,
Из ревности к общественному благу.
Прекрасна жизнь его, и все стихии
Так в нем соединились, что природа
Могла б сказать: “ Он человеком был!”

О к т а в и й

За эту доблесть мы его как должно,
Торжественно и пышно похороним,

Положим прах его в моей палатке,
Все воинские почести отдав.
Войска на отдых! И пойдем скорее
Делить счастливейшего дня трофеи.

Уходят.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

“Как вам это понравится”

Комедия “Как вам это понравится” вместе с “Двенадцатой ночью” и “Много шума из ничего” венчает серию ранних комедий Шекспира, полных нежного лиризма, ласки и жизнерадостности.

Время ее написания определяется довольно просто: отсутствие ее в списке Мереса указывает, что она возникла не ранее 1598 года. С другой стороны, один книгоиздатель взял лицензию на ее опубликование в 1600 году. Следовательно, пьеса была написана в 1598 или 1600 году. Правда, лицензия не была использована, и пьеса была опубликована впервые лишь в фолио 1623 года.

Если “Сон в летнюю ночь” является трансформированной “маской”, то комедия “Как вам это понравится” содержит в себе элементы также трансформированные, другого драматического жанра — пасторали.

Основные сцены пьесы протекают в лесу, где добрый изгнанный герцог ведет с последовавшими за ним придворными простую и здоровую жизнь, которую он так убедительно восхваляет.

После того как Боккачо в своих “Фьезоланских нимфах” дал первый в европейской поэзии образец пасторали, насытив взятую у древних (например у Вергилия) схему гу-

манистическими чувствами и живым реалистическим содержанием, жанр повествовательной и драматической пасторали испытал большую эволюцию, причем в основном он аристократизировался. Таковы виднейшие образцы пасторального романа или поэмы конца XV и XVI века: в Италии — “Аркадия” Саннадзаро (ок. 1490 г.), в Испании — “Презрение ко двору и хвала сельской жизни” Антонио де Гевары (1539; в том же году было переведено на английский язык Франсисом Брайаном; незадолго до появления комедии Шекспира перевод этот вышел новым изданием) и “Диана” Монтемайора (1559), в Англии — произведения современников Шекспира: “Ода о презрении ко двору” или “Золотое наследие Эвфуса” Томаса Лоджа (1590; затем вышло еще несколько изданий в 90-х гг.). Последний из этих романов и послужил сюжетным источником шекспировской комедии.

Шекспир весьма близко придерживается своего источника, изменяя лишь все собственные имена (кроме Розалинды). Из более крупных его отклонений отметим лишь введение им таких значительных персонажей, как придворный шут Оселок и меланхолический Жак. Он опустил также несколько мелких сюжетных деталей. Но гораздо важнее всего этого внесенное им коренное изменение духа и смысла рассказа.

В романе Лоджа, так же как и во всех перечисленных выше образцах жанра, изображающих прелесть жизни на ло-

не природы, среди простых и честных пастухов, довольных своим скромным уделом и способных на благородные чувства, несомненно звучит здоровый протест против типичного для той эпохи разврата феодальных дворов и жестокой, беззащитной хищности входящей в силу буржуазии. Но по существу это призыв не к поискам лучших, более справедливых форм активной жизни, а к уходу от действительности в мир отвлеченной, идеальной мечты. Пастушеская жизнь в этих произведениях изображена в условных, слащавых тонах, имеющих мало общего с реальностью. Пастухи и пастушки, томно вздыхающие, изысканно вежливые, сочиняющие вычурные стихи, — в сущности, переряженные аристократы. Таков же и слог этих поэм-романов, чрезвычайно манерный и витиеватый.

Шекспир придал всему этому совершенно иной характер и направленность. Прежде всего он заострил в своей комедии сатирический момент, осудив устами некоторых ее персонажей порочность современного ему городского, особенно столичного общества. Старый честный слуга Адам сетует о наступившем упадке нравов, когда достоинства человека “являются врагами” ему, а Орlando, восхваляя благородство души Адама, называет его примером

Той честной, верной службы прежних лет
Когда был долгом труд, а не корыстью.

Умный шут Оселок, хотя и сам отравлен придворной культурой, обличает лицемерие и пошлость знати. Меланхолический Жак бичует бессердечие “жирных мещан”, в стремительном беге за наживой бросающих без помощи раненого товарища, чванство разбогатевших горожан, которые “наряды княжеские надевают на тело недостойное свое”, жен ювелиров с тупыми и пошлыми надписями на их кольцах (весьма ярко все это выражено в его размышлениях о раненом олене — II, 1).

В свете этих высказываний получает особый смысл изображение в пьесе злых и беззаконных поступков. Захват престола насильником Фредериком и ограбление Орlando его старшим братом — это лишь проявление воцарившейся всюду погони за наживой, бессердечия. По сравнению с этим жизнь изгнанников в лесу оказывается действительно полной нравственной чистоты и здоровой человечности. Не случайно поэтому при первом упоминании в пьесе о лесной жизни герцога и его приближенных они сравниваются не с томными пастухами, а с Робинем Гудом, героем английских народных баллад, собравшим, по преданию, отряд “благородных” разбойников в целях борьбы против злых насильников — богачей и помощи беднякам (I, 1).

Вообще же, рисуя картину жизни среди природы, Шекспир придает ей, насколько это возможно, правдоподобие.

Бесспорно, и в его пьесе есть черты специфически “пасторального” стиля: таковы страдающий от неразделенной любви пастушок Сильвий и прециозно жеманная, зараженная аристократическим эвфуизмом пастушка Феба. Но эти образы носят скорее характер шутилой пародии, так как Шекспир для снижения их выводит рядом фигуру избранницы Оселка крестьянки Одри, в словах и поведении которой так много здравого смысла и прямотушия. Преодоление пасторального идеала в этой пьесе достигается также помимо пародирования любовного дуэта Сильвия — Фебы выступлением старого пастуха Корина с вымазанными дегтем руками, жалующегося на суровый нрав своего хозяина, богатого пастуха. Так Шекспир вкрапливает реалистические черточки в свое идиллически-мечтательное изображение жизни на лоне природы.

Существенно то, что, отдавая дань пасторальному стилю (тому, что можно было бы назвать реалистическим вариантом его), Шекспир преодолевает пасторальность еще и тем, что показывает пребывание изгнанников в лесу как вынужденное и привлекательное лишь до того момента, когда победа над злыми силами позволяет всем вернуться к реальной и деятельной жизни. В лесу остается лишь брюзгливый мечтатель Жак, полный мизантропии и предпочитающий одиночество среди природы людскому обществу, неисправимо, по его

мнению, глупому и пошлomu. Некоторые критики, например Брандес, хотели видеть в Жаке прообраз Гамлета и считали его речи выражением образа мыслей самого Шекспира. Без сомнения, в уста Жака Шекспир вложил ряд своих собственных тонких наблюдений, но в целом, конечно, автор этой очаровательной, веселой и дышащей любовью к природе и людям пьесы бесконечно далек от унылого человеконенавистника Жака. Шекспир в этой пьесе явно заодно с теми, на чью сторону он привлекает все симпатии зрителей: с Орландо, воплощающим в себе юную силу и смелость, наряду со способностью глубоко и благородно чувствовать, и Розалиндой, такой же смелой и глубоко чувствующей, но вместе с тем пленительно остроумной и нежной.

Новый оттенок “пасторальному” жанру Шекспир придает в этой пьесе трактовкой обстановки действия. В пьесе есть некоторые указания на то, что местом и временем действия в ней является Фламандско-Бургундское княжество XV века: Арденнский лес, некий герцог, суверенно правящий в этих краях, французская форма большинства имен. Но дело в том, что в Англии, в близком Шекспиру Уоркшире, был тоже Арденнский лес (с ударением на первом слоге), тесно связанный с фольклорной традицией о Робин Гуде. Отсюда Шекспир и черпал краски для обрисовки своего Арденнского леса. Несомненно, надо предположить, что географическая локализа-

ция леса двоилась в его сознании, приближаясь к у т о п и ч е - с к о м у образу. Лиственный лес, где водятся змеи и львы,— этого не бывало ни в английских, ни во французских лесах той эпохи. Этот абсолютно сказочный лес является не только местом, но и фактором действия, подобно афинскому лесу в “Сне в летнюю ночь”. Этим отчасти объясняется и легкость исправления “злодеев”, едва они попадают в его атмосферу (Оливер, узурпатор герцог). Мы здесь оказываемся в сказочной стране чудес, очень далекой от слащаво жеманных “красот” пасторальной фантазии.

Музыка и пение насыщают эту прелестную комедию. Но это не условная мелодика итальянских напевов, а нечто родственное по духу лихим песням Робина Гуда и его товарищей, беспечно и радостно живущих “под зеленым деревом”, и задорным хорам английских охотников. К этим народным корням восходит инспирация данной комедии Шекспира.

В этой пьесе, самая обстановка которой не оставляет места для “злых”, имеется целый ряд положительных образов: старый герцог, Амьен, Адам, Корин... Но все они тускнеют и отступают на задний план перед основной парой — Розалиндой и Орландо. Орландо — идеальная, рыцарственная натура того же склада, что и Эдгар в “Лире”, соединяющая в себе силу и смелость с душевной тонкостью, обладающая фантазией, которая позволяет ей вести себя сообразно обсто-

ятельствам — то как разбойник с большой дороги, то как нежный юноша, слагающий любовные стихи. Он образован, не учившись, воспитан без школы.

Розалинда — воплощение нежности и деятельного начала в жизни. Лукавая, задорная, плетущая свои прелестные интриги в Арденнском лесу, словно лесной дух, ставший духом жизни.

Вся пьеса похожа на сказку, но сказку почти без событий, — скорее на мечту, фантазию, сюиту грез, полных сладостной нежности и любви к жизни.

А. Смирнов

Примечания к тексту “Как вам это понравится”

К с. 41. *Оно подобно ядовитой жабе, что ценный камень в голове таит.* — Одно из многочисленных перешедших из средневековья в Возрождение суеверных представлений о чудесных свойствах некоторых животных.

К с. 57. *Декдем, декдем, декдем* — припев неясного происхождения. Возможно, что это уэльское слово, означающее: “приди ко мне”.

... всех перворожденных Египта.— Начитанные в биб-
лии (см. Вторую книгу Моисея), англичане того времени ра-
зумели под этим богатых и знатных людей.

К с. 72. *Будут вместо книг деревья... и т.д.*— Сцена
эта является пародией на эпизод поэмы Ариосто “Неистовый
Роланд”, где описывается, как влюбленный в Анджелику Ро-
ланд (по-итальянски — Орландо) бродит среди деревьев, чи-
тает на их стволах сплетенные инициалы Анджелики и своего
соперника Медора и рубит мечом эти надписи вместе с де-
ревьями.

К с. 80. *Аталанта* — в греческой мифологии девушка,
славившаяся своей гордостью и нравственной чистотой.

Лукреция — древняя римлянка, лишившая себя жизни
после того, как ее обесчестил сын царя Тарквиния.

Елена — Елена Прекрасная, из-за красоты которой
разгорелась, согласно мифу, Троянская война, длившаяся де-
сять лет.

К с. 82. ...с тех пор как я была ирландской крысой...—
Намек на ирландских “заклинателей”, выманивавших пени-
ем и игрой на волынке крыс из погребов и топивших их.

...целый Южный океан открытий.— На рубеже XVI и
XVII веков английские мореплаватели открыли в океанах це-
лый ряд новых островов и земель.

К с. 85. *...не заучивали ли вы наизусть надписи на их перстнях?* — На обручальных кольцах в те времена нередко вырезались краткие изречения из библии или какие-либо морализирующие сентенции.

...отвечаю вам, как на обоях, с которых вы заимствовали ваши вопросы. — В те времена на стенных обоях нередко изображались человеческие фигуры с выходившими из их уст лентами, на которых были написаны какие-нибудь ходячие изречения.

К с. 91. *похож на... Овидия среди готов.* — Овидий, поэт времен Августа (I в. до н. э. — I в. н. э.), был сослан на побережье Черного моря, заселенное тогда готами.

К с. 92. *Даже у Юпитера под соломенным кровом шалаша было лучшее пристанище.* — Намек на рассказ Овидия (в “Метаморфозах”) о посещении Юпитером хижины Филемона и Бавкиды, двух престарелых любящих супругов.

К с. 94. *А здесь нет никого, чтобы вручить вам вашу невесту?* — По английским обычаям свадебный обряд требовал присутствия лица, обычно пожилого, передававшего невесту жениху.

К с. 95. *...у сокола — свой бубенчик...* — Во время соколиной охоты к лапке сокола прикреплялся бубенчик для того, чтобы, если сокол далеко залетит и не вернется, было легче его отыскать, идя на звон бубенчика.

К с. 96. “О милый Оливер” и “Ступай назад! Прочь, говорят!..” — строки из баллад того времени.

К с. 108. ...я испытываю самую гумористическую грусть. — Согласно учению Аристотеля о темпераментах, общий жизненный тонус человека определяется преобладанием в теле одной из четырех “жидкостей” (humores, откуда — “гуморальный”, “гумористический”, позднее — “юмористический”). Грусть, меланхолическое настроение, согласно этой теории, объяснялось преобладанием в организме так называемой “черной желчи”.

...иначе я никак не поверю, что вы катались в гондолах. — То есть побывали в Венеции. Уже в те времена Венеция была излюбленным местом, посещавшимся богатыми и знатными путешественниками.

К с. 111. *Троил* — см. пьесу “Троил и Крессида”.

Леандр — герой древнегреческого сказания, переплывавший каждый вечер при свете звезд Геллеспонт (пролив, отделяющий Черное море от Мраморного, нынешние Дарданеллы), чтобы повидаться со своей возлюбленной Геро, жившей на противоположном берегу, пока однажды темной и бурной ночью он не утонул.

К с. 113. ...буду плакать... как Диана у фонтана. — В 1596 году в Лондоне, в Чипсайде, был поставлен фонтан из

серого мрамора с изваянием Дианы, из грудных сосков которой лилась вода.

К с. 129 ...*старый господин*. — Сказано, вероятно, в шутку.

К с. 130 *Языческий философ, когда ему приходило желание поесть винограду*... — Намек на басню Эзопа о лисице и винограде. “Языческий философ” — сказано в шутку, вероятно о самом Эзопе.

К с. 131 *Бастонада* — итальянское слово, означающее “избиение палками”.

К с. 144 ...*ссора наша была по седьмому пункту*. — Эта строка и следующие являются пародией на переведенный в 1595 году на английский язык трактат итальянца Савболи “О чести и честных ссорах”.

К с. 149 *О брак, Юноны ты оплот*. — Юнона (Гера), супруга Юпитера (Зевса), подобно Гименею, также считалась хранительницей чистоты брака.

“Двенадцатая ночь, или что угодно”

Сохранились сведения, что эта комедия игралась в 1602 году в юридической корпорации Мидл-Темплъ. Из этого не следует, однако, что она была новой пьесой. Э. К. Чемберс датирует ее 1599 — 1600 годами.

Название является случайным. Двенадцатая ночь после Рождества была концом зимних праздников, и она отмечалась особенно бурным весельем. К такому случаю и была приурочена комедия, для которой Шекспир не искал названия, предложив публике считать ее “чем угодно”. Критика, однако, приписала названию более значительный смысл. Двенадцатая ночь рождественских праздников была как бы прощанием с весельем. Если верить принятой хронологии творчества Шекспира, то его комедия оказалась “прощанием с веселостью” и для самого драматурга. После “Двенадцатой ночи” появляются “мрачные комедии” и великие трагедии Шекспира, ни одной веселой комедии он уже не создает.

Как и в ряде других комедий, действие “Двенадцатой ночи” происходит в обстановке несколько нереальной. Чувства героев являются вполне земными, и сами они — существа из плоти и крови, но мир, в котором они живут, — это сказочная для англичан шекспировского времени Иллирия.

В прекрасной Иллирии живут даже более беззаботно, чем в Арденнском лесу. Здесь не трудятся, не воюют, и только иногда охотятся. Главное же занятие населения — любовь и развлечения. Этим занимаются все — от герцога до слуг. Правитель этой сказочной страны делами своего государства не озабочен. У Орсино более важное занятие: он влюблен и ус-

лаждает душу мечтами о своей прекрасной возлюбленной, слушая музыку.

В эту страну любви и веселых шуток попадает юная Виола сразу же после кораблекрушения, во время которого она потеряла единственного близкого человека, брата Себастьяна, как две капли воды похожего на нее лицом. И стоит ей оказаться на берегу Иллирии, как ее сразу охватывает особая атмосфера этой сказочной страны. Отважная девушка любит приключения, и раз судьба забросила ее сюда, она готова пойти навстречу любым неожиданностям. Переодевшись в мужское платье, она поступает музыкантом ко двору герцога. И, конечно же, она сразу влюбляется, не только потому, что молода, но и потому, что попала в атмосферу двора, наполненного мечтаниями Орсино о прекрасной любви. В него она и влюбляется, и эта любовь оказывается для нее источником мучительных переживаний.

Ее любовь не эгоистична. Для нее будет горьким счастьем, если она сумеет добиться расположения к Орсино со стороны любимой им Оливии. Хотя аналогия не является полной, но строй чувств Виолы находит некоторое соответствие в “Сонетах” Шекспира, лирический герой которых тоже испытывал удовлетворение в том, что два прекрасных существа, дорогих для него, полюбили друг друга.

То, что происходит в кругу Орсино — Оливии — Виолы — Себастьяна, является высокой комедией, комедией чи-

стых и прекрасных чувств. Все они люди большого душевного благородства, может быть, даже слишком прекрасные для реального мира, но идеальный душевный склад таких людей и вносит в жизнь истинную красоту. Искусство, стремящееся к тому, чтобы поднять человека до подлинных высот гуманности, истины и красоты, избирает таких героев, чтобы через них раскрыть, на что способен человек в своих лучших проявлениях.

Но это не та бесплодная идеальность, которая лишает художественное изображение убедительности, а высокая духовная настроенность, сочетающаяся с изумительным проникновением в действительные свойства человеческого сердца. Вот почему Шекспир остается реалистом и тогда, когда погружается в мир романтики. И поэтому же во всей этой милой сказке, где красивые чувства ставят людей в смешные положения, мы ощущаем несомненную жизненную правду.

Рядом с этим миром высоких чувств — иной, более земной мир, где человек предстает не в столь изящном виде, но все же не лишен черт по-своему симпатичных. Это мир сэра Тоби Белча и Марии. Они — центр его, как центром мира красивых чувств является Виола.

Сэр Тоби Белч совсем не иллирийский житель. У него не только имя английское. Он типичный “пожиратель бифштексов” и такой же любитель веселых попок, как сэр Джон

Фальстаф. Остроумия у него поменьше, чем у славного рыцаря, но разгульную жизнь он любит не меньше его и хорошей шутке тоже знает цену.

Под стать пожилому ветрогону сэру Тоби озорная Мария. Она мастерица на выдумки, которыми потешает себя и других. Ей хочется женить на себе сэра Тоби: это сравняло бы ее с госпожой, которой она прислуживает. Впрочем, расчетливость она проявляет не столько в этом, сколько в забавных проделках, увлекающих ее гораздо больше матримональных планов. Завлечь сэра Тоби в сети брака — не легкое дело, ибо он не из тех мужчин, которые добровольно расстаются со свободой бражничать и веселиться. Если уж ему и придет в голову жениться, то разве что на такой озорной девчонке, как Мария, которая сама неистощима на веселые проделки.

Есть у этих людей враг — дворецкий Мальволио. Положение он занимает невысокое, но окружающим может принести достаточно вреда. Он враг не только им, но и приятной жизни вообще. Его образ, вначале комический, постепенно приобретает иную окраску. В нем появляется нечто вызывающее жалость. Это с одной стороны. А с другой — фигура его становится зловещей. И хотя в этом мире веселья и любви он бессилен, мрачная тень, отбрасываемая им, напоминает о зле, которое существует в реальном мире, ибо, пусть в уменьшенном виде, он все же обладает такими чертами, кото-

рые омрачали ренессансные идеалы. Его честолюбие, злобность, ханжество и мстительность были теми пороками, которые Шекспир видел и показывал как источники трагического в жизни.

Но здесь Мальволио только угрожает. В мире сказки он немощен. Поэтому даже его герцог велит “уговорить на мир”. Мальволио, однако, покидает сцену непримиренным и непримиримым врагом радости и веселья. Они торжествуют победу в серии браков, завершающих комедию. А у нас остается ощущение, что хотя все кончается благополучно, но где-то за пределами этого сказочного мира таятся страшные угрозы человеку и человечности.

Кроме Мальволио, все персонажи комедии добры, жизнерадостны, отзывчивы и веселы. Но есть еще один персонаж, выделяющийся среди них. Это шут Фесте.

Фесте меланхоличен, в нем ощущается некоторая усталость от веселья, которым другие так непринужденно наслаждаются. Он выступает в комедии как выразитель настроений, расходящихся с общим тоном ее. В меланхолии Фесте критика давно уже увидела предвестие будущего трагизма Шекспира.

Между тем образ Фесте, каким мы его теперь знаем, — результат изменений, внесенных в комедию в процессе ее сценической истории на шекспировском театре.

Чтобы понять суть дела, надо вспомнить начало комедии. Виола говорит, что она умеет петь и играть на музыкальных инструментах. В качестве музыканта она и поступает ко двору Орсино. Но в нынешнем тексте она нигде не поет и не музицирует. Что это — “забывчивость” Шекспира? Нет. Первоначально роль Виолы исполнял мальчик-актер, умевший красиво петь и играть на музыкальных инструментах. Нетрудно представить себе, что именно Виола исполняла грустную песню “Поспеш ко мне, смерть, поспеш...”, которая так понравилась Орсино. Она соответствовала и его печальному настроению, вызванному неразделенной любовью, и чувствам самой Виолы.

Но прошло время, мальчик-актер утратил данные, необходимые для этой роли, и песня должна была выпасть из пьесы. Но тут помогло новое обстоятельство. В труппу Бербеджа — Шекспира вступил замечательный комик Роберт Армин, превосходный музыкант, обладавший хорошим голосом. Песня была передана ему.

Именно таким путем, по-видимому, проникли в комедию те меланхолические мотивы, которые не только придали новую окраску образу Фесте, но и наложили печать на всю пьесу в целом. Переделка эта относилась уже к тому времени, когда Шекспир создавал свои великие трагедии и “мрачные комедии”. Отсюда можно сделать вывод, что внесение новых

мотивов в комедию не было случайностью. Но не следует преувеличивать их значение. “Двенадцатая ночь” остается одной из самых жизнерадостных, оптимистических комедий Шекспира. Создавая ее, Шекспир и не подозревал ни о каком “прощании с веселостью”. Лишь потом оказалось, что он никогда уже больше не смог написать ни одной такой веселой и очаровательной комедии как эта.

А. Аникст

Примечания к тексту “Двенадцатой ночи”

К с. 157. *Герцог Иллирийский*. — Иллирия — восточный берег Адриатического моря. Здесь это название дано воображаемой стране. Некоторые персонажи носят смысловые имена: *Белч* значит — отрыжка. *Эгьючик* — имеющий бледные щеки (от английского “*aigue*” — лихорадка и “*cheek*” — щеки); имя *Мальволио* образовано от итальянского “*mala voglia*” — злая воля, злонамеренность.

К с. 161. “...печень, мозг и сердце...” — Отражает доктрины Платона, считавшего эти три органа носителями трех видов душевной деятельности — страсти, мышления и воли.

К с. 162. *Элизий*, или *Элизиум*, *Елисейские поля* (миф.) — обитель доблестных душ.

К с. 163. “...как на спине дельфина — Арион”. — Согласно античному мифу, дельфин, очарованный пением Ариона, спас его во время кораблекрушения, вынеся на своей спине на берег из бушующих волн.

К с. 165. “Шепни ему, что я не я, а евнух...” — Кастраты ценились как певцы-исполнители дискантовых партий.

К с. 166. “Вы евнух, я немой...” — В турецких гаремах наряду с евнухами были и немые прислужники.

К с. 169. “...подкрепись-ка скорее стаканчиком канарского”. — Крепкое канарское вино (с Канарских островов) очень ценилось в Англии.

К с. 172. “...так же боятся пыли, как портреты миссис Молл”. — Миссис Молл — известная лондонская куртизанка времен Шекспира. Портрет ее завешивался под предлогом предохранения от пыли, но в действительности оттого, что оригинал пользовался дурной славой.

Гальярда, куранта, джига — названия популярных в те времена танцев.

“Телец? Это который грудь и сердце?” — Согласно астрологическим представлениям той эпохи, небесные светила оказывали влияние на отдельные части человеческого тела.

К с. 177. *Квинапал* — вымышленное имя.

К с. 180. “Да ниспошлет тебе Меркурий умение складно врать...” — Меркурий (миф.) — бог торговли; считался

покровителем тех, кто обмеривал или обвешивал, и вообще всякого рода лгунов.

К с. 182. *“...как столб у дверей шерифа”*. — У входа в помещение, где заседал шериф (судья округа), обычно устанавливались два столба со скамьей между ними, на которых сидели просители или арестованные, дожидавшиеся очереди.

К с. 192. *Мессалин* — вымышленный город или, может быть, остров.

К с. 196. *“...наша жизнь состоит из четырех стихий”*. — Древние философы утверждали, что мир состоит из четырех стихий (или “элементов”): земли, воды, воздуха и огня.

К с. 197. *“Видели вы вывеску “Нас здесь трое”?”* — На вывесках некоторых таверн того времени в виде шутки изображались две ослиные головы с надписью: “А третий — тот, кто на них смотрит”.

Пигрогромитус, вапианцы, Квеубусский меридиан — вымышленные имена и названия. Мирмидонцы — древнегреческое племя. Вся эта фраза шута — нарочитая нелепица.

К с. 199. *“Мы трое славных весельчаков”, “Жил в Вавилоне человек...”*. — Вся речь сэра Тоби пересыпана отрывками из баллад того времени.

К с. 202. *“...сними свою цепь и начисти ее как следует”*. — Дворецкие знатных домов носили на груди золотую цепь.

К с. 205. *Пентезиля* — царица мифического племени амазонок (женщин-воительниц).

К с. 207. “...в том дворце, где властвует любовь” — то есть в сердце.

К с. 216. *Иезавель* — упоминаемая в библии иудейская царица, отличавшаяся гордостью и порочностью. Сэр Эндрю употребляет ее имя как ругательство, обращенное к Мальволио.

К с. 223. *Тартар* — в античной мифологии преисподняя, ад.

К с. 225. “...слова сделались настоящими продажными шкурами с тех пор, как их опозорили оковами”. — Намек на указ 1600 года, вводивший в театр цензурные ограничения.

К с. 226 “...если эту штуку спарить с другой...” — Шут говорит о монете, которую ему дала Виола.

К с. 227. *Пандар* — см. пьесу “Троил и Крессида”.

“*Крессида-то была попрошайкой*”. — В английских балладах XVI века рассказывалось, что в наказание за ее неверность боги осудили Крессида в старости на нищету.

К с. 203. “...вы больше усладили бы мой слух, чем музыкаю сфер”. — По преданию древних, мир состоял из нескольких вложенных одна в другую движущихся хрустальных сфер с укрепленными в них звездами, которые вращались внутри охватывающей мир сферы неподвижных звезд. При враще-

нии сферы эти издавали будто бы музыкальные звуки, сливавшиеся вместе в гармонию, доступную лишь слуху “избранных”.

К с. 235. *...еще до того, как Ной стал моряком.* — То есть до “всемирного потопа” (о котором рассказывается в библии), когда Ной построил свой ковчег. *...По мне, уж лучше быть браунистом...* — Браунисты — последователи Роберта Брауна, основавшего около 1580 года пуританскую секту.

К с. 236. *...шириной в уэрскую кровать в Англии.* — Один трактирщик в городе Уэре в целях привлечения любопытных поставил в своей гостинице гигантскую кровать, в которой одновременно могли поместиться двадцать четыре человека.

К с. 237 *...больше борозд, чем на новой карте с добавлением Индий.* — Географическая карта с впервые нанесенными на нее обеими Индиями (азиатской Индией и американской Вест-Индией) незадолго перед тем была напечатана в Англии.

К с. 243. *Римский почерк.* — Так называлась (всюду принятая сейчас) закругленная форма букв, в противоположность остроконечному готическому письму.

К с. 254. *...посвященный в рыцарство... шпагой за кошельковые заслуги* — то есть не на поле битвы (за подлинные заслуги), а во дворцовой зале, за деньги.

К с. 269. ...древний пражский старец-отшельник — по-видимому, персонаж из какой-то несохранившейся легенды или анекдота.

К с. 270. ...блуждаешь, как египтянин во тьме. — Намек на библейское сказание о том, что по велению божьему, в наказание за грехи египтян в их земле три дня не светило солнце ("египетская тьма").

К с. 271. Каково воззрение Пифагора на дичь? — Намек на учение Пифагора о переселении душ из человеческих тел в тела животных и наоборот.

К с. 275. ...старый Грех... — Олицетворение Греха или Порока — традиционная фигура средневекового театра. Одетый в длинный балахон, в шапке с ослиными ушами, вооруженный деревянным кинжалом, Грех всячески издевался над дьяволом, обрубая ему когти, но под конец дьявол все же утащивал его в ад.

К с. 279. Колокол святого Бенедикта — то есть колокол в церкви св. Бенедикта, одном из лондонских храмов во времена Шекспира. Вся эта тирада шута является пародией на средневековые рассуждения о мистическом значении разных чисел.

К с. 284. ...египетский пират, что перед смертью хотел убить любимую? — В романе Гелиодора "Эфиопика" (III—IV вв. н. э.), изданном в английском переводе в 1569

году, содержится рассказ о том, как разбойник Фиамид, видя свою неминуемую гибель и не желая, чтобы его прекрасная пленница Хариклия пережила его, решил ее убить.

“Юлий Цезарь”

Трагедия была впервые напечатана в фолио 1623 года. В списке пьес Шекспира, составленном в 1598 году ее нет. Значит, пьеса была написана, по-видимому, после этой даты, вероятно в 1599 г. Сюжет о Юлии Цезаре был популярен в английской драме эпохи Возрождения. Две пьесы о нем появились задолго до шекспировской трагедии — в 1582 году. Ни одна из этих пьес интереса не представляет и не идет ни в какое сравнение с трагедией Шекспира.

Источником Шекспиру послужили “Сравнительные жизнеописания” Плутарха. Сюжет трагедии и характеристики персонажей почерпнуты из биографий Цезаря, Брута и Антония. Как всегда, Шекспир в целях концентрации действия слегка отступил от исторической хронологии и, где можно было сблизил события, отделенные некоторым промежутком времени. Так Цезарь праздновал триумф по поводу победы над Помпеем в октябре 45 года н.э., праздник Луперкалий отмечался в феврале 44 года н.э. Лишь после этого трибуны были лишены права выступать за то, что сняли украшения со

статуй Цезаря. Эти события, занявшие несколько месяцев, в трагедии Шекспира происходят в один день, изображением которого открывается пьеса. В III акте тоже в один день происходят события более длительного периода. После убийства Цезаря Брут сразу же выступил сначала в сенате, затем на форуме. Антоний произнес речь на следующий день. Октавий прибыл в Рим шесть недель спустя. Прошло не менее полутора лет, прежде чем он и Антоний составили триумвират с участием Лепида. Наконец, под Филиппами произошли два сражения, второе спустя три недели после первого. У Шекспира они превратились в два эпизода боя, длящегося один день.

В изображении характеров Шекспир следовал Плутарху с той же поэтической вольностью: сохраняя сущность их, он усилил контрасты, придав каждой фигуре еще большую рельефность.

Плутарху трагедия обязана четкостью композиции, классически строгой по своей ясности и последовательности. Он же повлиял на стиль поэтической речи. Нигде у Шекспира она так не сдержанна, как в “Юлии Цезаре”. Шекспир поразительно сумел войти в дух древних римлян, создав классический художественный образ Рима. Этому не мешают даже обычные для Шекспира анахронизмы: часы с боем, колпаки и цеховые знаки мастеровых, или двойной кафтан Цезаря.

Пьеса, вероятно, имела злободневный смысл для зрителей первых представлений. В последние годы правления Елизаветы разрушилось равновесие политических сил, на котором покоилась абсолютная монархия Тюдоров.

Политические волнения и бури той эпохи утратили теперь для нас интерес и значение. Но мы лучше поймем Шекспира, если представим себе его пьесу как отражение грозовой атмосферы Англии конца XVI века.

“Юлий Цезарь” — политическая трагедия. Поэтому ею особенно охотно пользовались для того, чтобы установить политические взгляды Шекспира. Как всегда в шекспировской критике, политические симпатии исследователей определяли толкование ими трагедии и характеристику позиций Шекспира. Монархистам здесь виделась поддержка их политических принципов, республиканцам — утверждение их идеалов. Консерваторы всех мастей видели в гибели Брута и Кассия неизбежную кару всем посягающим на существующий политический строй. Для либералов и поборников освободительных течений сила трагедии — в величии республиканского пафоса Брута.

Оба прямолинейных решения до крайности сужают смысл великого произведения. Прежде всего они неисторичны. Когда так рассуждают о Шекспире, то представляют себе, будто он мог превращать сцену в трибуну для выражения своих политических взглядов. Политическая цензура сущест-

вовала уже тогда. Если политика и допускалась на сцену, то лишь в целях утверждения официальной государственной доктрины. Если угодно, то в “Юлии Цезаре” она действительно имеется: цареубийство наказано. Однако в политическую схему, приемлемую для властей, Шекспир вложил более глубокое содержание.

Прежде всего для правильного понимания трагедии необходимо воспринимать ее не как политический памфлет в драматической форме, а как историческую драму. “Юлий Цезарь” есть продолжение и углубление шекспировского историзма, яркие проявления которого мы видели уже в пьесах-хрониках. Здесь та же широта охвата социальной действительности и конфликт трагедии соответствует центральному конфликту изображаемой эпохи; действующие лица исторической драмы — не абстракции, а носители отчетливых индивидуальных интересов.

Вместе с тем это и шаг вперед в исторической драматургии Шекспира. Отличие этой трагедии Шекспира от хроник состоит прежде всего в том, что политические принципы сделаны основой поведения действующих лиц. В хрониках (за исключением “Генриха V”, написанного почти одновременно с “Юлием Цезарем”) персонажи боролись за свои личные интересы и только в конечном счете объективно оказывались носителями феодального своеволия или абсолютистской госу-

дарственности. Не только Брут, но и другие персонажи выступают в качестве людей, более или менее ясно сознающих принципиальный характер борьбы, в которой они участвуют.

Конфликт разыгрывается здесь под флагом открыто декларируемых политических принципов, и в этом смысле “Юлий Цезарь” — одна из наиболее “шиллеровских” драм Шекспира. Но сближение с великим немецким трагиком у Шекспира лишь частичное. Метод Шекспира отличается от шиллеровского и в “Юлии Цезаре”. Осознавая политический и исторический смысл своей борьбы, персонажи Шекспира не превращаются все же в простые “рупоры” отстаиваемых ими идей. Они остаются живыми людьми, каждый с чертами своей неповторимой индивидуальности. Политические мотивы, движущие персонажами, разнообразно сочетаются с их личными качествами, и у любого из них кроме общего принципа есть свои особые причины желать победы одной из двух борющихся политических систем — монархии и республики.

В критике не раз звучали жалобы на то, что, создавая образ Цезаря, Шекспир игнорировал его значение как полководца. Если принять это не как случайный промах гения, а как осмысленный художественный прием, то цель у него могла быть одна: показать сущность Цезаря как государственно-го человека. В этом и почти только через это характеризует

Шекспир все персонажи трагедии. Облик каждого определяется тем, каков он как гражданин.

Своими заслугами в прошлом Цезарь завоевал положение первого лица в государстве: он укрепил могущество Рима и расширил его владения. Он служил Риму. Теперь он хочет, чтобы Рим служил ему. Он верит в мудрость и справедливость любого принятого им решения. Он желает, чтобы его воля всегда была законом. Одним словом, он носитель принципа единовластия и искренне убежден в своем праве и призвании решать судьбы других людей.

Если для Цезаря он сам начало и конец всего, то для Брута основой основ является идеал республики. Домогающийся власти честолюбец Цезарь жаждет рукоплесканий и приветственных кликов толпы; Брут любит уединение, он скромнен и не притязает ни на какие почести. С Цезарем его связывает дружба, ибо он знал прежнего Цезаря, — того, который своими победами служил Риму, как теперь стремится служить ему Брут своей добродетелью.

В отличие от Цезаря — человека действия, Брут — мудрец. Наряду с Гамлетом он единственный из больших героев Шекспира, который не только мыслит, но и является мыслителем по призванию.

Брут разделяет учение философов-стоиков. Они утверждали, что счастье и несчастье не зависят от внешних обстоя-

тельств. Воспитывая себя в правилах добродетели, человек тем самым обеспечивает себе наибольшее счастье и довольство жизнью. Добродетель нужна человеку не для достижения внешних благ, а ради самой себя, ибо в ней величайшее благо и высшая награда человеку. Контраст между себялюбием Цезаря и сознательным отрешением от внешних благ во имя философии добродетели у Брута показывает, что эти два центральных персонажа трагедии противостоят друг другу не только как различные характеры, но и как представители разных мировоззрений.

Этих двух героев Шекспир показал не только в гражданском, но и в семейном быте. И здесь Шекспиром проведены тонкие, но четкие различия. Кальпурния и Порция обе любят своих мужей, но любят по-разному. В семье Цезаря все вертится вокруг его персоны. Дома он уже достиг того, что желает достичь в государстве, — он единодержавный владыка. Семья Брута основана на равенстве: муж и жена равно заботятся друг о друге. Порция — друг Брута и даже его единомышленница в философии.

Как и в другом шедевре исторической драмы, “Генрихе IV”, основной конфликт трагедии раскрывается в живой картине разнообразных характеров и страстей участников борьбы. Не только два лагеря противопоставлены друг другу, но и внутри каждой из враждующих партий мы видим

людей, по-разному относящихся к тому, что происходит в Риме.

Возьмем ближайшего соратника Цезаря — Марка Антония. Он полон любви к великому полководцу и преклонения перед ним. Зная его тайные помыслы, он добровольно берет на себя роль помощника в осуществлении честолюбивых стремлений Цезаря. Он побуждает народ избрать Цезаря царем и от имени народа подносит ему корону. Антоний искренне верит, что лучший строй для Рима — единовластие.

Антоний жизнелюбив и любит наслаждения не только по инстинкту, но и в силу убеждения. Если Брут — стоик, то Антоний — гедонист, приверженец философии наслаждения. Натура горячая, Антоний без остатка отдается делу, в которое верит. В критический момент, после убийства Цезаря, он проявляет удивительную выдержку и расчетливость. Зная силу врагов, Антоний тем не менее не склонен складывать оружие. Его скорбь по Цезарю искренна, но она не затуманивает его сознания. Лучшее средство почтить память Цезаря, считает он, — это отомстить его убийцам. Но он борется не только из чувства мести.

Антоний честолюбив и жаждет власти не меньше, чем его покровитель Цезарь. Помогая Цезарю достичь престола, Антоний рассчитывал стать вторым человеком при Цезаре. Теперь, когда Цезаря не стало, он — главный наследник его

дела. Антония воодушевляет мысль, что если он сумеет, как Цезарь, перейти свой Рубикон, то он сможет стать не вторым, а первым человеком в Риме. И, рискуя головой, он вступает в борьбу, которая поначалу кажется обреченной на неудачу. Мы знаем, что ему удастся создать перелом в Риме, и зная цезарианства снова возносится над “вечным городом”. Но Антонию не суждено стать единственным владыкой. Он не может вести борьбу без союзников, и один из них, Октавий, формально имеет даже больше права считать себя наследником Цезаря.

В противовес Антонию Октавий не романтик борьбы, а трезвый политик, шаг за шагом завоевывающий новые позиции. При этом он открыто старается воспользоваться плодами первой победы Антония, добившегося изгнания Брута и Кассия из Рима. Антагонизм между Октавием и Антонием, однако, еще не получает полного развития в этой трагедии. Здесь он только намечен, но уже и в этой наметке ясно видно, что союз Антония и Октавия непрочен и должен будет распасться, ибо властолюбие обоих не позволит им быть союзниками.

Третий член триумvirата, образованного после смерти Цезаря, Лепид, — жалкий, неспособный и неумный политик, который нужен Антонию и Октавию для равновесия. Хотя сам он и склонен считать свою роль важной, в сущности, он

является не более чем пешкой в руках двух главных триумвиров.

Общая черта всех членов цезарианской партии — себялюбие, господство личного интереса над государственным. Борясь за монархию, каждый из них стремится сам стать во главе ее.

Иного рода нравственное начало преобладает в лагере республиканцев. Нельзя сказать, чтобы они были людьми, лишенными личной заинтересованности. Только один Брут вполне свободен от эгоизма; остальные, начиная с Кассия, имеют более или менее сильные личные мотивы для борьбы против Цезаря. Кассий вообще не хочет быть ничьим рабом или слугой. Он республиканец-аристократ. Не всеобщее равенство, а его личная свобода — вот цель Кассия. Ему нет надобности утвердить свою личность, подчинив себе других, с него достаточно, если никто не будет посягать на его независимость.

Чем же отличается он от Брута? Прежде всего активностью. Брут жил уединенно, Кассий же всегда был в гуще политической борьбы. Он деятелен, умен, но он не философ, как Брут, а человек практического ума.

Цезарь знает проницательность и неумность Кассия, его постоянное беспокойство о своем положении, нежелание поступиться хотя бы частичкой своих прав. Не ошибается великий полководец, подозревая Кассия и в зависти.

Активность и проницательность делают именно Кассия душой антицезарианского заговора. Как опытный политик собирает он сторонников, зная, какую струнку нужно задеть у каждого, чтобы он отозвался. Он не тщеславен и не претендует на то, чтобы занять главенствующее место в республиканском лагере. Понимая, что его личные качества не могут сделать его достаточно популярным, он спокойно предоставляет номинальное руководство Бруту.

После смерти Цезаря лагерем цезарианцев руководят два соперничающих триумвира, но они подавляют противоречия между собой ради достижения общей цели. Есть противоречия и в лагере республиканском. Оба его вождя, будучи единым в целях, расходятся в вопросе о средствах. Брут считает, что благородное дело надо осуществлять чистыми руками; Кассий не склонен быть разборчивым в средствах. Он более трезвый политик, чем Брут, и всегда бывает прав в вопросе об эффективных средствах борьбы. Брут же не терпит никакого отступления от своих идеальных принципов.

Впрочем, Шекспир наделил философией и Кассия. Если Брут стоик, то Кассий эпикуреец, то есть, по понятиям того времени, материалист. Он не верит в богов, смеется над суевериями, не признает существования загробного мира. Его материалистические воззрения хорошо согласуются с трезвым пониманием политики. Приверженность эпикуреизму не

была в глазах Шекспира и подавляющего большинства его современников хорошей рекомендацией. Для того времени философия Кассия не была ортодоксальной. Смягчая эту сторону характеристики Кассия, Шекспир сделал его непоследовательным сторонником эпикуреизма. Кассий говорит Бруту, что философия добродетели и принципы стоицизма ему тоже не чужды, а перед смертью даже отрекается от своего безбожия, признавая, что, видимо, существует некое высшее предопределение человеческих судеб.

Справедливости ради нужно отметить, что ни одна из философских доктрин, которых придерживаются, по их собственным словам, персонажи, не получает подкрепления в развитии сюжета и герои в критические моменты жизни не следуют заветам своей философии. Если у эпикурейца Кассия возникает вдруг ощущение, что его судьбой распорядились высшие силы, если у него вырывается восклицание о “бессмертных богах”, то и стоики Брут и Порция оказываются не в состоянии переносить с должным терпением обрушивающиеся на них беды и уходят из жизни, предвидя оба неминуемое поражение республиканцев.

Главарей заговора окружает большая группа приверженцев. Одним-двумя штрихами Шекспир сразу придает каждому из них своеобразие. Каска маскирует медлительностью и простодушным юмором накапливающее в нем недовольст-

во узурпаторским поведением Цезаря. Он, однако, скрывает свои чувства так глубоко, что даже участвует в чествовании Цезаря. Лигарий вступил в число заговорщиков потому, что привык верить. Деций Брут ненавидит Цезаря; пряча истинные чувства под маской лести, он убеждает Цезаря идти на роковое заседание сената. Вспомним и таких соратников Брута и Кассия, как Луцилий и Титиний. Первый из них, будучи схвачен на поле цезарианцами, выдает себя за Брута в надежде, что этим спасет своего вождя и друга от преследований. Даже Антоний вынужден отдать должное его преданности. Титиний во время решающей битвы при Филиппах готов был на любой риск для спасения дела; увидев, что Кассий мертв, он закалывает себя.

Нельзя не заметить, что примеров подобной самоотверженности в лагере Октавия и Антония нет. Шекспир подчеркивает, таким образом, высокую нравственную добродетель людей республиканского лагеря. Даже трезвейший из трезвых политиков Кассий поддается облагораживающему влиянию Брута.

Кроме двух лагерей — цезарианцев и республиканцев — в трагедии есть еще третий, важнейший участник центрального конфликта — народ.

В “Юлии Цезаре” народная масса оказывается в центре конфликта. Более того, с самого начала определяется, что

судьба политического строя Рима зависит от народа: поддержит ли он утверждение у власти монарха или отстоит старый республиканский строй. Истинной кульминацией трагедии является не убийство Цезаря, а сцена на форуме, где народ делает выбор между Брутом и Антонием. Центральный конфликт, таким образом, решается не одним лишь единоборством двух групп господствующего класса, но также и третьей, “неофициальной” силой истории — народными массами.

Что же это за республика, вокруг которой идет борьба? Мы ошибемся, модернизируя Шекспира и предположив у него понятие о политическом строе республики в современном смысле. Даже представление о буржуазной демократической республике, основанной если не на действительном, то хотя бы на формальном равенстве, не могло быть Шекспиру известно. О республиканском строе античного мира он имел лишь очень приблизительное представление, во многом не совпадавшее с тем, что было установлено впоследствии исторической наукой.

“Res publica” для Шекспира не столько политическое, сколько нравственно-политическое понятие. Суть вопроса для него — в отношении всех граждан к государству: служат ли они, каждый в меру сил и возможностей, общему благу, или же весь аппарат государства становится орудием для

удовлетворения эгоистических интересов одной части общества, держащей власть в своих руках.

Рим, как его изображает Шекспир, похож на сословное государство. Отмеченный выше анахронизм относительно мастеровых, носящих средневековые гильдейские знаки, совсем не случаен. Римских патрициев и плебеев Шекспир и публика его времени воспринимали как подобие дворян и “третьего” сословия своей эпохи. Речь в трагедии идет вовсе не о том, чтобы предоставить плебсу равенство с патрициями. Об этом не помышляют ни Шекспир, который не верит в принцип гражданского равенства, ни его Брут, ни сам римский народ. Действительная проблема может быть сформулирована так: государство и общество — кто кому служит?

Победу в трагедии одерживает не принцип общего блага, а хищническое, эгоистическое начало. В этом смысле “Юлий Цезарь” означает разрыв с той оптимистической оценкой перспектив общественного развития, которая составляла идейную основу “Венецианского купца”, “Ромео и Джульетты” и трилогию о “Генрихе V”. “Юлием Цезарем” открывается трагический период творчества Шекспира.

В чем же сущность этого трагизма? Для ответа на этот вопрос необходимо решить, кто является трагическим героем произведения. Трагедия названа именем Цезаря, который погибает от рук убийц как раз тогда, когда ожидает свершения

своей мечты — стать венценосным владыкой Рима. Можно ли назвать его судьбу трагической? Отчасти — да. Это личная трагедия Цезаря, не дожившего до своего полного торжества. Но дело, которому он служил, все равно торжествует победу после его смерти. Будущее за цезаризмом — с Цезарем или без него.

Действительно трагической является судьба тех, кто борется против цезаризма. Они выступают в качестве носителей благородного идеала, и тем не менее они обречены с самого начала. Наиболее трагической фигурой является поэтому Брут, самый убежденный носитель принципов, враждебных цезаризму. Он борется против единовластия тогда, когда исторически назрела необходимость именно в этой форме правления. Его идеал, таким образом, оказывается в противоречии с теми путями, которые неизбежно ведут к установлению единоличной диктатуры. Настало время жесткого, бездушно-го индивидуализма, время попраiania морали во имя корыстных целей. Все это заключено в Цезаре, Антонии и Октавии.

Что касается Брута, то нередко его трагедию толкуют как трагедию личную: он будто бы страдает оттого, что, состав против Цезаря, нарушил моральные принципы своей философии и расплачивается за это. Действительная же трагедия Брута является не субъективной, а объективной: беда не в том, что он убил Цезаря, а в том, что он не убил его —

мертвый Цезарь оказался сильнее живого Брута. Символические сцены с призраком Цезаря имеют именно этот смысл.

Но все это лишь поверхностно раскрывает трагедию. Ее самый глубинный смысл связан с другим персонажем. Персонаж этот — народ Рима.

Как уже сказано, от него, в конечном счете, зависят победа и поражение каждого из двух борющихся начал. С первой же сцены трагедии мы видим ликование народа, окружающего Цезаря преклонением. В сознании народа Цезарь уже властитель государства.

Видя ослепление народа, республиканцы решают спасти его. Не спрашивая народа, действуя на собственный страх и риск, они убивают Цезаря. Лишь после этого Брут считает нужным объяснить народу, почему необходимо было уничтожить тирана. Нельзя не отметить парадоксальности ситуации. Цезарианцы, творя антинародное дело, устанавливая единовластие Цезаря, действуют в открытую, опираясь хотя бы внешне на волю народа. Республиканцы-патриции действуют тайно, в отрыве от народа и лишь после ищут у него поддержки своим действиям. Это лишний раз подчеркивает, что идея равенства здесь ни при чем, ибо для Брута и других заговорщиков народ — низшее сословие, но свой долг патрициев — отцов народа — они видят в том, чтобы заботиться о простых людях.

Трагедия народа с наибольшей силой проявляется в сцене на форуме.

Вот выступает перед римлянами Брут. Для знающих Шекспира кажется странным, что говорит он не стихами, как на протяжении всей трагедии, а прозой. Мы привыкли, что во все значительные, патетические моменты речь героя облекается в возвышенную поэтическую форму. Отступление от правила, наблюдаемое здесь, побудило некоторых исследователей усомниться: нет ли здесь ошибки, не напутал ли наборщик или переписчик рукописи Шекспира, отбросив разбивку речи Брута на строки? Но все правильно, если поверить в обдуманность драматических приемов Шекспира. Прежде всего, Брут снисходит до народа, поэтому он говорит самым простым языком. Но тому есть и другая причина: он не хочет словами, риторическими украшениями, затемнить простую истину. Без обиняков излагает он факт и объясняет его с крайней откровенностью и ясностью. Его совесть чиста, и изощряться в доводах он не хочет. Его главный довод — он сам со своей честностью, прямоотой и любовью к Риму.

Брут думает, что народ поймет его. И народ как будто горячо одобряет речь Брута. Но на самом деле уже в этом месте трагедии обнаруживается пропасть между Брутом и римлянами. Они иначе понимают и объясняют себе происшедшее. Цезарь был плох, а Брут хорош, и тогда один из

толпы восклицает: “Пусть Брут станет Цезарем”, — а другой поддерживает его: “В нем увенчаем все лучшее от Цезаря”. Идея цезаризма, единовластия уже укрепилась в народном сознании, и этого-то Брут не в состоянии понять!

Антоний свободен от политического идеализма Брута. Он лучше понимает народ, отнюдь не снисходя при этом до него и сохраняя патрицианское превосходство над толпой. В отличие от Брута, взывавшего к разуму и нравственным понятиям народа, Антоний решает играть на эмоциях толпы: он стремится пробудить сочувствие к своей скорби, жалость к убитому Цезарю. Он отличный актер и умеет возбуждать эмоции. Этим искусством владеют все шекспировские макиавеллисты: они знают, что сначала нужно взволновать человека, вывести его из состояния покоя, душевного равновесия, а потом уже на эту взрыхленную почву бросить семена, и тогда они дадут любой желаемый всход. Так поступил Ричард III с леди Анной, так будет действовать Яго. То, что так мастерски проделал Яго с Отелло, Антоний сделал с целым народом. Он покориł его всесильной логикой чувств, а не логикой разума, как это пытался сделать Брут.

Мы будем односторонни, если увидим здесь только искусство демагогии. В речи Антония точный расчет трезвого политика. Брут полагал, что народу важнее всего духовные ценности — призрачный идеал свободы и добродетели. Анто-

ний знает: народу нужен хлеб. Не к идеалам, а к материальным интересам народа апеллирует он — и одерживает победу.

Обратим внимание на то, что презрение к народу питает только Антоний. Брут уважает народ и даже после изгнания не попрекает его ни единым словом. Они воплощают два полярных отношения к массе. Для Антония она средство, для Брута — цель, ибо общее благо включает и благо народа. Народ у Шекспира не так глуп, как думает Антоний, но и не так идеален, как представляется Бруту. Да, он задавлен нуждой, лишен культуры, не очень разбирается в хитросплетениях политики. Но у него есть здравый смысл и чувство справедливости. Вдумавшись, мы заметим, что, поддержав сначала Брута, а затем переметнувшись на сторону Антония, народ в обоих случаях поддавался тем аргументам, в которых была справедливость или хотя бы ее подобие. Демагог Антоний начал с апелляции к лучшим, благороднейшим чувствам народа. Только смутив его, сбив с толку, сумел он завоевать его поддержку неправому делу.

Автор “Короля Лира” не мог игнорировать значение такой простой, но страшной вещи, как бедность. Антоний бросил народу подачку, и это довершило его успех.

Трагедия народа состоит в незрелости его сознания, в неумении отличить своих истинных друзей от мнимых. Толпа оказался податливой на лесть Антония, не оценив того, что Брут разговаривал с ней, как равной ему в понимании. И

свершилось самое трагическое в истории — народ отверг своих истинных заступников, поддержав и дав власть тем, кто являлся его злейшими врагами. Народ сам надел на себя цепи рабства.

Таков объективный смысл трагедии “Юлий Цезарь”. Читатель, всегда в таких случаях недоверчивый, подозревает критику в том, что она приписала Шекспиру больше, чем он сам думал. Я заканчиваю этот краткий очерк трагедии с мыслью противоположной: Шекспир вложил в нее много больше, чем мы в состоянии понять и оценить.

А.Аникст

Примечание к тексту “Юлия Цезаря”

К с. 308. *Сарды* — столица Лидии в Малой Азии.

К с. 314. *Праздник Луперкалий* — праздник в честь оплодотворяющего божества, фавна Луперка, справлявшийся 15 февраля. Во время этого празднества происходил “священный бег” знатных юношей, стегавших ремнем на бегу всех встречных (женщин эти удары будто бы делали плодовитыми). Такой бег Антония упоминается в следующей сцене.

К с. 316. *Остерегись ид мартовских.* — Мартовские иды соответствуют нашему 15 марта.

К с. 322. ...и на обеих я взгляну спокойно. — Некоторые издатели считают, что слово “обеих” (both) поставлено ошибочно вместо слова “смерть” (death). Тогда бы эту строку надо было читать: “И равнодушно я взгляну на смерть”.

К с. 323. *Как славный предок наш Эней из Трои Анхиза вынес на своих плечах...* — Во второй песне “Энеиды” Вергилия рассказывается, что Эней на плечах вынес своего отца Анхиза из пылающей Трон. Далее в той же поэме описывается основание троянскими беглецами римской державы.

К с. 324. ...возвысаясь, как Колосс. — Намек на Колосса Родосского — огромную статую Аполлона, стоявшую двумя ногами на двух берегах входа в Родосский порт, так что корабли проходили между ног ее.

К с. 325. *В какой же век с великого потока...* — Это отнюдь не анахронизм Шекспира, так как у древних было свое сказание о потоке, в котором роль Ноя и его жены играли Девкалион и Пирра.

... что Брут — не ты, а славный предок твой... — Имеется в виду Брут Старший, свергнувший тиранию царя Тарквиния и учредивший в Риме республику (VI в. до н.э.).

К с. 334. *Когда б я Брутом был, а он был Кассий, ему б я не поддался.* — Неясное место в подлиннике. “Ему” можно отнести и к Цезарю и к Бруту.

К с. 350. ... у входа брат твой Кассий... — Кассий был женат на Юнии, сестре Брута.

К с. 351. *Эреб* — в античной мифологии подземное царство мрака.

К с. 360. ...что ловят деревом единорога... — Ловлю легендарного зверя единорога надо себе представлять так: охотник, разъярив единорога, прятался за деревом, и тогда зверь вонзал свой рог в дерево с такой силой, что потом уже не мог его вытащить. Все эти сведения о способах охоты на разных животных Шекспир мог подчерпнуть частью из Плиния (о слоне), частью из средневековых легенд (о единороге), частью из рассказов путешественников.

К с. 364. ...лишь на окраине твоих утех я жить должна? — Обитатели окраин были менее полноправны, чем жители города.

К с. 390. *И ты, о Брут!* (“*Et tu, Brute!*”) — Откуда Шекспир взял это латинское восклицание, неизвестно. У Плутарха оно не приводится. Но современники Шекспира, несомненно, знали предание о таких словах Цезаря. Например, в анонимной “Правдивой трагедии о Ричарде III” (изд. в 1594 г.) король Эдуард говорит Кларенсу: “*Et tu, Brute*, ты тоже хочешь поразить Цезаря?” Некоторые критики думают, что слова эти содержались в латинской пьесе “Убиение Цезаря” и дошли из нее до Шекспира понаслышке.

К с. 393. ...*омоем руки Цезаревой кровью*... — Омовение рук в крови убитого — древний обряд, выполнявшийся в тех случаях, когда убийство носило “священный” характер. Плутарх, не упоминая о таком омовении, сообщает только, что заговорщики появились перед народом с окровавленными руками.

К с. 399. *Как олень затравлен*... — В подлиннике — игра созвучием слов “*hart*” — “олень” и “*heart*” — “сердце”. Благодаря этому стих может получить смысл: “Цезарь был сердцем мира”.

К с. 408. *Воздвигнем статую ему, как предкам*. — В Капитолии стояла статуя Люция Юния Брута.

К с. 427. *Рим. Комната в доме Антония*. — Одно из немногих отступлений Шекспира от Плутарха: в его рассказе беседа триумвиров происходит не в Риме, а на одном островке (на Тибре) близ Рима.

К с. 428. ...*жить не будет и Публий, сын твоей сестры*... — Ошибка Шекспира: у Плутарха Лепид называет дядю Антония, Люция Цезари.

К с. 442. *Плутон* — бог богатств.

К с. 445. *Рифмует циник очень плоско*. — Здесь имеется в виду философская школа “цинников”, проповедовавших первобытную простоту человеческих отношений.

К с. 446. *Ты философию свою забыл*... — Брут — приверженец стоицизма, который учит быть выше невзгод; Кассий — эпикурец.

К с. 465. *Гибла* — город в Сицилии, славившийся особенно сладким медом.

К с. 467. ... *иль новый Цезарь*... — Октавий имеет в виду самого себя.

К с. 469. ...я сторонник Эпикура, но мнение свое переменил и склонен верить в предзнаменования. — Эпикур отрицал всякое вмешательство богов в человеческую жизнь, объясняя все ее явления естественными причинами.

К с. 474. Ты, Пиндар, поднимись на холм повыше... — На шекспировской сцене Пиндар поднимался на “верхнюю сцену” (балкон), изображавшую в данном случае холм, и, следовательно, оставался все время видимым для зрителей.

К с. 480. *Фазос* — остров в северной части Эгейского моря.

К с. 484. *Сталий поднял факел*... — Смысл “факела” выясняется только с помощью описания этого эпизода у Плутарха. Сталий должен был, пробившись сквозь ряды неприятелей в свой лагерь, в случае если там все благополучно, поднять в качестве сигнала зажженный факел.

СОДЕРЖАНИЕ

Как вам это понравится.

Перевод Т.Щепкиной-Куперник 5

Двенадцатая ночь, или Что угодно.

Перевод Э.Линецкой 155

Юлий Цезарь.

Перевод М.Зенкевича..... 305

Примечания и комментарии 493

